

ПОСТКРИЗИСНЫЙ
МИР

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЕВРОПЫ

Конкуренция. Безопасность. Экспансия

Международное исследование
Института посткризисного мира

Июль — сентябрь 2010

Фонд **«Институт посткризисного мира»** – независимый аналитический центр, созданный в Москве в начале 2009 года по инициативе ряда известных организаций России: Фонда **«Общественное мнение»** (www.fom.ru); Центра некоммерческого партнерства **«Бизнес-солидарность»** (www.kapitalisty.ru); Фонда «Центр развития фондового рынка» (www.crfr.ru) и других.

Деятельность Института направлена на то, чтобы способствовать развитию диалога между экспертным сообществом, деловыми кругами, гражданским обществом и правительственными структурами в принятии эффективных антикризисных решений, в первую очередь касающихся создания благоприятного климата для успешной деятельности малого и среднего бизнеса.

В феврале-марте 2009 года Институт провел экспертный опрос **«Пост-СССР: оценка антикризисных действий правительств»** о мерах, принимаемых правительствами стран постсоветского пространства для преодоления последствий мирового кризиса. Исследование стало своего рода обратной связью правительствам стран бывшего СССР со стороны бизнес-сообщества. На основе проведенного исследования бизнес-сообщество выступило с конкретными предложениями по выработке национальных и международных антикризисных инициатив.

В середине 2009 года Институт реализовал второй международный исследовательский проект **«Финансовая архитектура посткризисного мира: эффективность решений»**, который, по оценкам рецензентов, представляет собой оригинальный опыт совмещения международной коллективной экспертизы с углубленным экономическим анализом.

В ноябре 2009 – январе 2010 года Институт продолжил исследования закономерностей развития мирового финансово-экономического кризиса, придерживаясь ставшей для него традиционной методологии международной экспертизы. На основе заключений глобальной экспертизы был подготовлен доклад **«Модели посткризисного развития: глобальная война или новый консенсус»**. В докладе были также рассмотрены вопросы, касающиеся построения альтернативных сценариев мирового развития в среднесрочной перспективе.

Международные исследования, проводимые «Институтом посткризисного мира», опираются на экспертные опросы, в которых уже приняли участие более чем 520 экспертов из 70 стран. В их числе – ученые, экономисты и финансовые аналитики, владельцы и топ-менеджеры ведущих мировых компаний, журналисты, политики и чиновники из развитых и развивающихся стран.

Доклады по итогам исследований были официально направлены ООН, МВФ, Форуму финансовой стабильности, в другие международные институты и организации, правительствам стран G-20, правительствам новых промышленных стран и государств бывшего СССР, а также высланы всем участникам экспертных опросов. Результаты исследований были широко представлены в СМИ и получили высокую оценку специалистов.

С полными текстами докладов «Института посткризисного мира» можно ознакомиться на сайте Института (www.postcrisisworld.org) в разделе «Исследования».

Настоящий доклад представляет итоги нового масштабного международного исследования Института: **«Реконструкция Европы. Конкуренция, безопасность, экспансия»**.

Институт открыт для сотрудничества со всеми людьми и организациями, которые разделяют его цели и ценности.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Коллективная экспертиза участников глобального мышления: Почему Европа?	2
Паспорт международного исследования.....	3
1. Экспертный опрос	3
2. Социологический опрос населения России.....	4
ЧАСТЬ I. ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЕКТ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	5
ГЛАВА 1. ХАРАКТЕР ЕВРОПЕЙСКОГО КРИЗИСА	6
Между молотом и наковальней	6
Дифференциальный диагноз	15
ГЛАВА 2. ОБОЗРИМЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ	26
Что делать?	26
Европейское правительство.....	35
ГЛАВА 3. ЭВОЛЮЦИЯ ОСНОВ	43
ЧАСТЬ II. ПОСТВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЕВРОПЫ	52
ГЛАВА 4. УГРОЗЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	53
ГЛАВА 5. ГАРАНТЫ БЕЗОПАСНОСТИ	65
Эффективность институтов	65
Реформа НАТО	72
Новые союзники или старые противники?	80
ЧАСТЬ III. ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР: НОВАЯ ИНТЕГРАЦИЯ	87
ГЛАВА 6. ЕВРОПА И РОССИЯ	88
Идентификация Европы	88
Культура против политики	94
ГЛАВА 7. ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР ЕС	107
Заклятые друзья	107
Параметры сотрудничества	114
Неизбежный союз?	122
ГЛАВА 8. ТАМОЖЕННЫЙ СОЮЗ	129
ГЛАВА 9. VOX POPULI	144
Взгляд с другого берега	144
«Скажи мне, кто твой друг...»	148
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ПРОГРЕСС ИЛИ РЕГРЕСС? ПОГРАНИЧНОЕ СОСТОЯНИЕ ЕВРОПЫ	152
ПРИЛОЖЕНИЕ. Список экспертов, принявших участие в исследовании	158

КОЛЛЕКТИВНАЯ ЭКСПЕРТИЗА УЧАСТНИКОВ ГЛОБАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

Почему Европа?

Мировые кризисы, усугубляя старые проблемы и вынося на повестку дня новые, облагают, тем не менее, не только разрушительными последствиями. Они приносят с собой и зерна будущих созиданий, способствуя рождению новых идей и тенденций в развитии цивилизации.

Признавая, что Европа — хранительница ценностных кодов западной цивилизации, и ее состояние является важным индикатором того, куда движется мир, за прочностью европейской конструкции в ходе кризиса стали пристально наблюдать во всем мире.

Люди разных континентов традиционно привыкли видеть в Европе образец демократии, современной экономики и современного государства. Ее рассматривали также как эталон качества жизни, пример экономической и политической интеграции государств, которая не удавалась больше никогда и нигде. Но в то же время Европа — очаг двух мировых войн XX в. Одного этого напоминания достаточно, чтобы раз и навсегда искоренить благодушие в видении дальнейшего европейского пути в XXI в.

Серьезному испытанию уже подверглись такие инновации последних десятилетий, как единая валюта евро, планы построения единого европейского государства, да и сам расширенный на восток Евросоюз.

Не менее важному крэш-тестированию подвергаются сегодня институты европейской безопасности. Созданные в эпоху холодной войны, НАТО и ОБСЕ отстают от стремительных изменений, происходящих в мире. Новые вызовы евробезопасности носят преимущественно невоенный характер (энергобезопасность, миграция, терроризм и т.д.). Успеет ли Европа реформировать системы безопасности, чтобы противостоять этим новым вызовам?

Что будет дальше? Насколько подвержены деформации или разрушению такие европейские ценности, как демократия, гуманизм, суверенитет и т.д.? Уступит ли Европа свои позиции новым центрам силы или приобретет новую, не менее важную роль? Окажется ли посткризисный мир XXI в. пост-европейским?

«Это самый глубокий кризис в современной истории — не только по силе воздействия на экономики стран Европы, но и по глубине преобразований, которых он от Европы потребует, — говорит американский экономист Леонид Вальдман (Leonid Valdman), предсказавший ипотечный кризис в США. — В определенном смысле можно сказать, что он может стать кризисом европейской модели цивилизации».

«Обычно считается, что время Европы давно минуло, — высказывает противоположное мнение директор Европейского совета по внешним отношениям Марк Леонард (Mark Leonard). — Ее недостаток общей для нее идеологии, ее разделенность, чрезмерное внимание к правовым системам, нежелание применять военную силу и склеротичная экономика резко отличают ее от США, которые стали более доминирующими, чем когда-то Рим... Но проблема заключается не в Европе — проблема в нашем устаревшем понимании того, что такое сила».

Нынешний доклад Института посткризисного мира «Реконструкция Европы» — четвертый по счету. Инициатива доклада, посвященного Европе, рождена самим экспертным сообществом, прежде всего предпринимателями Европы и постсоветских стран. Поскольку в предыдущих исследованиях сами эксперты Института проблематизировали лидерскую

цивилизационную роль Европы, данный доклад посвящен видению перспектив Европы в мировых элитах. В нем сопоставляются европейские, неевропейские (внешний) и околоевропейские (Россия и партнеры по СНГ) взгляды и оценки.

Предыдущие три глобальных исследования Института посткризисного мира¹ позволили зафиксировать важный тренд ожиданий интеллектуалов разных стран мира. Будущее видится нестабильным: эпоха, наступившая с мировым экономическим кризисом, представляется экспертам как «время перехода» к качественно новому состоянию цивилизации. Очевидно, этот исторический переход к многополярной модели мира с новыми центрами силы займет не одно десятилетие и будет сопровождаться кризисами и радикальными инновациями. Нынешний же период оценивается как время жесткой экономической конкуренции, пора смелых интеграционных проектов.

В отношении будущего Европы сегодня формируются три доминирующие позиции экспертов: пессимистическая (ожидание дезинтеграции в том или ином виде), консервативно-выжидательная («удержать позиции») и реформаторская (использование кризиса для решительного развития европейского проекта). Тем не менее в настоящий момент лишь очень немногие считают, что проект ЕС окончательно провален. В ходе глобальной экспертизы стало ощутимо, что Европа по-прежнему остается инновационной площадкой мира, от которой ждут прорывных идей и смелых практических шагов их осуществления.

Поэтому в ходе текущего исследования Институт ставил задачу «провести разведку» смелых идей, протестировать отношение к ним как в Европе, так и среди интеллектуальных элит остального мира.

Паспорт международного исследования

1. Экспертный опрос

Опрос 245 экспертов из 53 стран мира проводился в июле-августе 2010 г. Группа экспертов была сформирована по двум признакам — профессиональное представительство и страна деятельности.

В опросе принимали участие экономисты и финансовые аналитики; владельцы и топ-менеджеры компаний; журналисты, пишущие на экономические и политические темы; ученые в области гуманитарных и общественных наук; политики и чиновники.

Экспертам было предложено в устной или письменной форме ответить на ряд вопросов, касающихся их видения настоящего и будущего Евросоюза, НАТО и взаимоотношений с ними России в соответствии со стандартизированным опросным листом. Это позволило нам проводить как качественный, так и количественный анализ полученных данных².

Отдельно были проанализированы и сопоставлены оценки экспертов в зависимости от их географической локации. Эксперты были разделены на три группы: специалисты из Европы, из России и остального мира. Такое разделение было обусловлено одной из исследовательских задач по определению контуров будущих отношений России и ЕС. Содержательный анализ полученных результатов выявил значимые различия в трендах настроений

¹ «Пост-СССР: оценка антикризисных действий правительств» (февраль — март 2009 г.); «Финансовая архитектура посткризисного мира: эффективность решений» (май — июнь 2009 г.); «Модели посткризисного развития: глобальная война или новый консенсус» (октябрь 2009 — март 2010 г.).

² Количественный анализ проводился на основании кодировок с минимальным уровнем закрытости (максимум три варианта ответов). С учетом однородности выборки по категории уровня компетентности респондентов по теме опроса полученные в результате количественного анализа данные можно считать валидными и надежными (погрешность составляет не более 7% по генеральной совокупности). Мы не претендуем на мировую репрезентативность — мы репрезентируем экспертное сообщество, фиксируем тренды настроений в этом сообществе, детерминированные теми или иными объективными факторами.

Таблица 1. Эксперты, принявшие участие в опросе

СТРАНЫ	Экономика, финансовая аналитика	Бизнес	Политика, государственная служба	Журналистика	Наука	ИТОГО
ЕВРОПА	24	26	8	9	17	84
Страны ЕС «старой» Европы (Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Греция, Испания, Италия, Люксембург, Нидерланды, Финляндия, Франция, Швеция)	15	19	5	7	15	61
Страны ЕС Восточной Европы (Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Словения, Чехия)	6	2	1	2	2	13
Страны Европы, не входящие в ЕС (Албания, Исландия, Сербия, Швейцария)	3	5	2			10
РОССИЯ	17	8	5	18	24	72
ГОСУДАРСТВА ПОСТ-СССР (Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Молдова, Приднестровье, Узбекистан, Украина)	7	9	4	2	7	29
СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА (Канада, США)	7	12	3	1	4	27
ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА (Аргентина, Бразилия, Колумбия, Перу, Чили)	5	3		2	1	11
АЗИЯ (Израиль, Индия, Иран, Китай, Малайзия, Палестина, Пакистан, Саудовская Аравия, Турция, Южная Корея, Япония)	6	7		3	3	19
Австралия, Африка (Замбия, Тунис)	1	1	1			3
ИТОГО	67	66	21	35	55	245

и оценок различных групп экспертов по ряду вопросов. В докладе отмечались те различия, которые были выявлены с высокой степенью значимости.

2. Социологический опрос населения России

Фондом «Общественное мнение» регулярно проводятся социологические опросы населения РФ с включением вопросов политического и геополитического характера.

Для возможности сравнения представлений экспертов с мнением населения России по ключевым темам настоящего доклада в августе 2010 г. во всероссийский опрос были включены вопросы об отношении к Евросоюзу и НАТО, позволяющие выявить динамику представлений населения за последние годы.

Итоговая версия доклада подготовлена под руководством директора Фонда «Институт посткризисного мира» Е.А. Шиповой. Коллектив авторов: А.М. Веселова, С.А. Побываев, М.А. Поликарпов и В.П. Седнев.

ЧАСТЬ I

**ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЕКТ:
ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

ГЛАВА 1

ХАРАКТЕР ЕВРОПЕЙСКОГО КРИЗИСА

Между молотом и наковальней

Сегодня Европа похожа на прекрасное большое дерево,
усыпанное листьями, цветами и плодами.
Однако с землей его связывает всего несколько корней,
остальные же корни ищут, как опереться о твердую землю.
*Паоло Раймонди (Paolo Raimondi),
Италия, экономист, автор статей
в итальянской ежедневной газете ItaliaOggi*

Черeda печально известных событий в Европе, разразившихся в нынешнем 2010 г. и названных «Европейским долговым кризисом», вряд ли является самостоятельным эпизодом экономической истории. Это следующая закономерная фаза мирового финансово-экономического кризиса, наступление которой было предопределено еще в сентябре 2008 г., когда Lehman Brothers Holdings Inc. объявил о намерении начать процедуру банкротства.

Хронология кризиса и попытки объяснить его феномен подробно изложены во многих изданиях. Не остался в стороне и наш Институт¹. В предыдущем нашем исследовании «Модели посткризисного развития: глобальная война или новый консенсус» международное экспертное сообщество отмечало, что текущий финансово-экономический кризис с большой долей вероятности выступит детонатором следующего, более глубокого кризиса, связанного с эффектом накопления проблем, исчерпанностью существующей модели экономического развития и геополитическим переделом мира. Интеллектуальная элита била тревогу по поводу того, что смягчение экономического кризиса достигается за счет роста долгов, межгосударственных дисбалансов и общего конфликтного потенциала в мире. Главными заложниками становятся государства: проблемы бизнеса инвестируются в проблемы госбюджетов и госдолгов, экономические проблемы инвестируются в проблемы на поле большой политики. Таким образом, предсказывали эксперты, избегание финансовых потрясений сегодня может обернуться политическими кризисами завтра. Дальнейшая лента событий полностью подтвердила эти нерадостные прогнозы.

В течение первого полугодия 2010 г. кризис наиболее ярко продолжал проявляться в финансовой сфере. Правительства во что бы то ни стало спасали финансовые системы, паралич которых означал бы остановку экономического метаболизма — иными словами, смерть экономики — и последующий социальный хаос, сопровождаемый народными волнениями, бунтами и установлением военных режимов и тираний. При этом, несмотря на то, что многие банкиры были признаны «этическими инвалидами» (так, очевидно, в поликорректной форме звучит термин «подлецы»), во имя спасения банков были потрачены десятки и сотни миллиардов. Однако на смену спасению отдельных финансовых учреждений вскоре пришла необходимость спасения целых стран.

«**Роберт Абдуллин (Robert Abdullin), Россия, почетный президент Международной организации кредиторов:** *«Нет ни малейших сомнений в том, что кризис затронул все сферы жизнедеятельности ЕС. И определяющим фактором является, конечно же, экономическое ослабление позиций Евросоюза, повлекшее за собой политическую нестабильность, связанную с откровенной конфронтацией между ведущими странами Европы в процессе принятия*

¹ См. доклады Института посткризисного мира «Финансовая архитектура посткризисного мира: эффективность решений» (апрель — май 2009 г.) и «Модели посткризисного развития: глобальная война или новый консенсус» (ноябрь 2009 г. — январь 2010 г.).

ключевых решений, касающихся поддержки более слабых и наиболее пострадавших от кризиса членов экономического блока. Несогласованность действий по преодолению кризисных потрясений, в свою очередь, педалировала и культурные противоречия между странами Еврозоны, одни из которых считают себя более цивилизованными, чем другие».

Главным событием для Европы первого полугодия 2010 г. стало решение греческой проблемы. В мае Греция избежала дефолта по 300-миллиардному государственному долгу. Было заключено соглашение о 110-миллиардных кредитах, которые предоставят ей страны еврозоны и МВФ. Греция, в свою очередь, обязалась осуществить широкую программу экономии, включающую в себя резкое сокращение государственных расходов, повышение налогов, реформу страховой и пенсионной сферы, изменения в трудовом законодательстве. Все эти жесткие меры должны привести к понижению бюджетного дефицита с 13,7% ВВП на конец 2009 г. до уровня ниже 3% ВВП через несколько лет.

По мнению ряда наблюдателей, спасение Греции означало не только временное или окончательное устранение с повестки дня вопроса об отказе от евро, но и в определенной степени утрату влияния Евросоюза.

Так, аналитик Reuters Тимоти Херитедж (Timothy Heritage) отмечал: «Евросоюзу потребовалось несколько недель, чтобы договориться о предоставлении Афинам многомиллиардной финансовой помощи, при этом финансовые рынки ему до сих пор успокоить не удалось. Под вопросом оказалась его способность предотвратить распространение проблем на другие страны и удержать от распада еврозону. Объединяющая 27 стран организация, в которую превратилось ЕЭС, вместо того чтобы выступать в роли сверхдержавы, сейчас отчаянно пытается не потерять позиции в мировых рейтингах».

«А. Хузайме Абдул Хамид (A. Huzaim Abdul Hamid), Малайзия, экономист, независимый исследователь: «Между молотом и наковальней. Существуют силы, подталкивающие как к дальнейшей консолидации, которая требует жертв во имя будущего развития (например, общее экономическое правительство, более активное перераспределение богатства и вводимых производственных мощностей между богатыми и бедными странами, и т.д.), так и к свертыванию отношений, когда каждая страна следует своей собственной дорогой».

Поэтому логичным началом настоящего исследования стало выяснение мнения мирового экспертного сообщества о том, как изменились позиции Евросоюза в мире в ходе мирового экономического кризиса. Распределение ответов экспертов на этот вопрос представлено на **Диаграмме 1**.

Подавляющее большинство — три четверти — участников нашего опроса отметили весьма серьезную утрату Евросоюзом позиций в области экономики, что вполне объяснимо в условиях финансово-экономического кризиса.

«Андерс Свенссон (Anders Svensson), Швеция, специалист по налогообложению в международной аудиторской компании: «Полагаю, что с точки зрения экономической перспек-

Диаграмма 1
Все эксперты

тивы кризис обнажил тот факт, что Европа и Европейский Союз теперь не столь важны для глобальной экономики, как раньше. Так, Европа была не единственным исключительным партнером США в их экономической антикризисной политике; Китай вступил в клуб мировых экономических лидеров, и часть влияния ЕС на мировую экономику перешла к Китаю».

«**Булент Акма (Bulent Acma), Турция, профессор, зав. кафедрой экономики в Анатолийском университете:** «В период глобального экономического кризиса в Европейском союзе не произошло никаких позитивных изменений. Наоборот, здесь экономический кризис был глубже, а экономическая ситуация — хуже».

«**Александр Шашко (Alexander Shashko), Беларусь, преподаватель экономического факультета БГУ, председатель совета молодых ученых:** «Экономика ЕС хуже своих глобальных конкурентов справляется с последствиями кризиса, становится очевидной экономическая и политическая разобщенность Европы».

Во многих случаях это связывается с разобщенностью/несогласованностью проводимых национальными правительствами политик и как следствие — с недостаточной эффективностью антикризисных действий.

«**Аяна Манасова (Ayana Manassova), Казахстан, председатель правления Национального аналитического центра при Правительстве и Нацбанке РК:** «Перед Евросоюзом на первый план выдвинулись проблемы экономики — как противостоять кризису. Такая позиция была характерна для всех государств. В области экономики позиции ЕС были ослаблены. Во-первых, не все антикризисные меры, предложенные Германией и Францией, получили поддержку на саммитах G-8 и G-20; во-вторых, в период кризиса ЕС был представлен не одним интеграционным блоком, а разнородными экономиками. Они резко отличались друг от друга по уровню развития, по уровню бюджетного дефицита и госдолга, не все государства придерживались параметров стабильности, установленных в ЕС, не все имели одинаковую точку зрения на антикризисные меры... Трудно было согласовывать позиции 27 государств по этим вопросам».

«**Илья Крамник (Илья Крамник), Россия, военный обозреватель информационного агентства РИА-Новости:** «Экономические позиции ЕС ослабли в силу очевидных противоречий в этой сфере между странами еврозоны и отсутствием эффективных инструментов их устранения».

Одновременно около половины опрошенных (47%) отметили ослабление политических позиций Европы.

«**Джульетто Кьеза (Giulietto Chiesa), Италия, независимый журналист:** «Основной причиной ухудшения положения Европы является ее неспособность идти своей собственной дорогой и следование по пути США. Катастрофа произойдет в очень короткий срок — 15 лет максимум».

«**Николас Барнум (Nicolas Barnum), США, помощник вице-президента компании McKinsey:** «Что-то не так с сегодняшней Европой — она слаба. Это только кажется, что идеологические пробелы незначительны, на самом деле европейские лидеры не могут принять решения в данный момент, не имея возможности справиться с политическим влиянием представителей различных этнических и религиозных групп. Вследствие того, что люди со всех концов света стремятся в Европу, руководство европейских стран зачастую не в состоянии обеспечивать дальнейшее развитие».

Если принять во внимание стабильные позиции ЕС на международном уровне, то речь здесь идет скорее о внутриевропейской политике, которая находится на перепутье, перед

выбором главного направления развития: в сторону большей консолидации или в сторону поляризации.

«**Михаэль Мистих (Michael Mistih), Германия, консультант по финансовым вопросам немецких компаний, занимающихся торговыми сделками со странами СНГ:** *«Ослабление позиций ЕС связано не только и не столько с мировым кризисом, сколько с самим развитием европейских стран и их внутренних и внешних взаимоотношений».*

«**Д-р Иоаннис Коккорис (Dr. Ioannis Kokkoris), Греция, советник по экономическим вопросам Управления по добросовестной конкуренции (Лондон):** *«В сфере политики и экономики позиция ЕС в мире ухудшилась, и причиной тому — несогласованность действий и отсутствие единого мнения внутри союза и, следовательно, — несовершенство в этих сферах».*

«**Жиль Сан-Поль (Gilles Saint-Paul), Франция, профессор экономики в Университете социальных наук в Тулузе:** *«Глобальный экономический кризис свидетельствует о трудностях, которые испытывает Европейский союз в ситуации, когда необходимо совместно принять решение».*

При этом ряд экспертов подчеркивают, что сегодняшняя сдача позиций не носит фатального характера, т.к. ЕС продемонстрировал способность к преодолению кризисных явлений и, соответственно, со временем сумеет вновь подняться на вершину пьедестала.

«**Василий Фофанов (Basil Fofanov), Франция, независимый журналист:** *«Нынешний кризис, особенно последний его виток, развивающийся в настоящий момент, нанес серьезный удар как по экономическому, так и по политическому единству Европы, и сегодня ее позиции, несомненно, ослабли. Однако есть надежда, что применяемые в большинстве европейских государств меры по оздоровлению экономики и предотвращению подобных кризисов в будущем приведут в среднесрочной перспективе к восстановлению, а возможно, и укреплению роли Европы».*

«**Джемс Мерц (James Mertz), Сербия, старший партнер в компании по стратегическому консалтингу:** *«Сказался кризис в Греции, внутри Евросоюза возрос антагонизм и увеличились риски, но проект Евросоюза еще солиден и я смотрю оптимистически на перспективы ЕС».*

Тем не менее другая половина участников нашего опроса оценивает ситуацию более оптимистично. Порядка трети из них считают, что ЕС удалось сохранить свои политические позиции, а пятая часть — даже усилить их. О сохранении либо усилении позиций в экономике говорит около четверти всех опрошенных.

«**Ольга Павлова (Olga Pavlova), Дания, специалист по продажам, маркетингу и персоналу в Европейской рекрутинговой компании:** *«В сфере политики улучшилось, т.к. Европа поняла, что она зависит от экономического состояния стран-членов ЕС, и предприняла соответствующие политические решения».*

«**Руслан Гринберг (Ruslan Grinberg), Россия, член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН:** *«В области экономики позиции Евросоюза усилились, потому что Евросоюз, в общем, преодолел кризис евро, что очень важно, несмотря на все разговоры. И теперь он еще больше будет консолидировать свое экономическое пространство. Теперь уже ясно, что надо пораньше приходить на помощь. Надо проверять отчеты правительства о финансовой политике. Здесь много чего принято интересного».*

Для ряда экспертов свидетельством усиления позиций ЕС стал прежде всего передовой опыт наднационального финансового регулирования, накопленный в период кризиса.

«**Такао Коизуми (Takao Koizumi), Япония, президент и генеральный директор компании A.I.Medicine, LLC:** *«Последствия отсутствия общей политики и различий в масштабах экономики, а также разница в сознании между государствами усугубились. И, напротив, опыт и знания были накоплены и увеличены, поэтому я полагаю, что политические системы ЕС были усовершенствованы».*

«**Александр Апокин (Alexander Apokin), Россия, ведущий эксперт Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования:** *«Кризис поставил в центр международного обсуждения тему наднационального финансового регулирования и международной координации экономической политики. У европейских стран накоплен уникальный опыт по этой теме, и поэтому неудивительно, что кризис подтолкнул Европу к реализации давно намеченного этапа экономической интеграционной программы — координации бюджетной политики и созданию новых наднациональных институтов регулирования. Этот опыт пока не повторен другими государствами, поэтому в области наднационального регулирования Европа становится «лучшей практикой».*

Но при этом ряд экспертов отмечают усиление позиций Евросоюза только на фоне ослабления позиций США, что вряд ли можно считать позитивной оценкой.

«**Олег Неменский (Oleg Nemensky), Россия, научный сотрудник Института славяноведения РАН:** *«Усиление позиций ЕС в области политики связано более всего с некоторым ослаблением в этой сфере США, обусловленным, впрочем, не только и не столько самим экономическим кризисом».*

«**Иоахим Зонтаг (Joachim Sontag), Германия, владелец Sontag Consult:** *«До начала кризиса США опережали ЕС, после кризиса Азия опережает ЕС, а США отстают. Если рассматривать ранг ЕС, то он не изменился, но изменилась расстановка сил в мире. Теперь США отстают. Вообще, отстают каждый, но Азия отстает в меньшей мере».*

Некоторые из опрошенных выражают опасения, что «сохранение позиций» в большей степени свидетельствует о наступающей стагнации, нежели о благополучии Евросоюза.

«**Миленко Гудич (Milenko Gudich), Сербия/Словения, директор Международной академии управления учителей; консультант в Институте экономики Белграда:** *«По большому счету, Европейский союз недостаточно быстро реагировал на вызовы мирового кризиса, не говоря уже о том, чтобы заранее предвидеть неизбежные проблемные точки и предвосхитить их развитие. Предпосылки существовали достаточно продолжительное время, однако как Союз, так и страны-участницы делали вид, что не замечают их. В очередной раз ЕС ждал, пока кто-то другой (США) начнет действовать первым. В связи с этим определение «без перемен» может в долгосрочном периоде перерасти в категорию «исчерпал себя».*

На фоне ослабления позиций объединенной Европы в области экономики и политики ее «цивилизационный потенциал» остается по-прежнему высоким. Эксперты в подавляющем большинстве отмечают стабильность позиций ЕС в области культуры (82%) и в инновационной сфере (69%). Т.е. в представлении мировых интеллектуальных элит Европа по-прежнему остается общепризнанным культурным флагманом, на который принято равняться, а также сохраняет серьезный ресурс для своего обновления, а значит — и дальнейшего развития.

«**Филипп Дреан (Philippe Drean), Франция, финансовый директор Бюро Веритас Абиджан (Кот-д'Ивуар), финансовый инспектор Африканского региона:** *«Мировой кризис негативно повлиял на экономическую и политическую ситуацию в Европе, в то время как культурная и инновационная сферы остались неизменными».*

«**Марк Гуди (Mark Goode), США, генеральный директор и партнер Peninsula Group:** «Что касается культурной сферы, страны Европы продолжают лидировать в мировом масштабе в области образования и искусства. Не думаю, что в период кризиса произошло что-то революционное. Вероятно, все остается без изменений».

Доля тех, кто говорит об исчерпанности культурного потенциала Европы, составляет менее одной десятой. В то же время доля тех, кто свидетельствует об утрате Европой своих позиций в области высоких технологий, вдвое выше (21%).

«**Майкл Эллис (Michael Ellis), США, основатель и вице-президент транспортной компании Trucking Co.:** «Европейская культура меняется, и европейцы постепенно двигаются к восприятию западного [очевидно, автор имеет в виду «американского» - прим. пер.] типа развития и капитализма западного образца скорее по необходимости, чем по желанию. Этот процесс сопровождается высокими темпами эмиграции, имеющей мотив поисков лучшей жизни. Не думаю, что это продиктовано европейской культурой, но люди вынуждены так поступать.<...> Если бы у европейцев никогда бы не было трудных периодов в развитии, а все всегда давалось бы легко, то, думаю, они не проявляли бы склонность эмигрировать в США или другие страны».

Характерно, что более подробный анализ ответов на этот вопрос показал: принципиальных расхождений во взглядах «изнутри» Европы и «снаружи» не наблюдается. Можно отметить лишь два непринципиальных различия. Во-первых, сравнительно больший пессимизм россиян в оценке изменений экономической ситуации в ЕС. Во-вторых, по всем остальным параметрам оценки европейских и российских экспертов практически совпадают, в то время как аналитики из прочих стран проявляют немногим больше оптимизма в оценке политического статуса ЕС и несколько меньше — в оценке сохранности инновационного потенциала Европы.

Таким образом, последствия кризиса для Европы, по мнению интеллектуальных элит, оказались следующими: ЕС ослаб экономически, но сохранил свой культурно-инновационный потенциал. Чтобы получить некую целостную картину ситуации, сложившейся сегодня в Европе, мы попросили участников опроса **символически охарактеризовать состояние сегодняшней Европы при помощи метафоры**. Такой подход интересен еще и тем, что заключенные в метафорах образы зачастую несут в себе имплицитный прогноз, вероятный вектор дальнейшего развития событий.

Полученный материал позволил сгруппировать многочисленные образы в достаточно короткий смысловой ряд, общая картина представлена на **Диаграмме 2А**.

На первый взгляд экспертное сообщество достаточно оптимистично: треть экспертов (33%) рассматривает текущие проблемы Старого Света как временное явление переходного периода — т.е. «кризис роста». Европейскую цивилизацию можно уподобить знаменитому тисовому дереву — тому самому, из которого делались английские луки long bow. Тисовое дерево способно расти несколько тысяч лет, при

этом самообновляясь — его ветви прорастают сквозь сгнившие корни и образуют новую корневую систему, а старые корни идут на удобрение.

«**Джорджо Витанжели (Giorgio Vitangeli), Италия, директор журнала La Finanza:** «Европа больна, но, возможно, это болезнь роста. Единство Европы — это мечта, но жизнь состоит из мечтаний, а мечты иногда воплощаются в реальность. До момента, который наступил два или три десятилетия назад, европейское единство было подобно хорошо развивающемуся ребенку, но, похоже, кто-то подменил ребенка в колыбели. А также сменил политические ценности в образовании ребенка: идея социальной экономики рынка была заменена идеей тотальной свободы торговли и экономического дарвинизма. И иногда это похоже на времена царя Ирода — на поиски первенца с целью убийства».

«**Александр Минеев (Alexander Mineev), Россия, собственный корреспондент «Новой газеты» в странах Западной Европы:** «Спортсмен-чемпион в ожидании второго дыхания».

«**Фелипе Хасе (Felipe Haase), Чили, генеральный директор компании Alisur S.A.:** «Они предпринимают определенные результативные попытки решения проблем, ЕС выбрал верный путь и сосредоточен на правильных действиях».

Впрочем, многие метафоры, попавшие в эту группу, характеризуют сегодняшнюю Европу как «витязя на распутье». И насколько удачным будет выбранное в итоге направление, пока еще не очевидно.

«**Джей Пенисбург (Jay Penisburg), Франция, специалист по международному бизнес-праву в международной юридической фирме:** «Европа сегодня подобна великану, который не знает, как использовать свои конечности, и чувствует себя инвалидом: с большими руками и ногами, но не знает, как ходить».

Однако остальная часть экспертного сообщества приводит более пессимистичные образы-обобщения. Так, почти четверть (23%) участников опроса видит в современной Европе в первую очередь арену борьбы интересов различных стран — членов ЕС. Многие эксперты из стран СНГ в поисках метафоры вспоминают широко известную басню русского баснописца Крылова «Лебедь, Щука и Рак». Для нерусскоязычных читателей поясним, что речь в басне идет о намерении персонажей заняться транспортировкой деревенской фуры (телеги). В итоге у них ничего не вышло, поскольку Лебедь стремился в небо, Щука — в воду, а Рак в соответствии с биологическим устройством своего движителя перемещался в обратном направлении. Доля выбравших подобные метафоры свидетельствует, что проблема реальна.

«**Анатолий Голубов (Anatoly Golubov), Латвия, главный редактор портала rus.delfi.lv:** «Лебедь, Рак и Щука, запряженные в новый Volkswagen Kafer («Жук»). Интересы стран, входящих в ЕС, в течение последнего года-двух во многом стали диаметрально противоположными. Тем не менее предполагается, что они вместе смогут разогнать экономику блока («Жук»), которая, по мнению европейских властей, должна быть инновационной, хотя и основанной на вековых традициях и ценностях. Поэтому «Жук» все-таки новый».

«**Марко Видмер (Marco Widmer), Швейцария, консультант в пяти ведущих частных банках Швейцарии:** «Супруги с различным социальным и культурным происхождением. Они поженились в хорошие времена, и во времена тяжелые двигаются каждый своим путем».

«**Такао Коизуми (Takao Koizumi), Япония, президент и генеральный директор компании A.I.Medicine, LLC:** «Европа похожа на инвестиционный фонд. Внутри Европы и ЕС есть страны с рейтингом «ААА», но есть и такие, которые получили оценку «D». С точки зрения азиатских стран, ЕС — весьма привлекательная и завидная форма отношений, но, если бы

они могли разработать более хорошую стратегию сотрудничества, они могли бы быстрее стать лидерами мировой экономики».

17% участников нашего опроса рассматривают Европу как «стареющую цивилизацию», хотя справедливости ради необходимо отметить, что эта цивилизация стареет вот уже полторы тысячи лет, все это время удивляя человечество новыми достижениями. Пресловутая тема «Заката Европы» традиционно актуализируется в переломные моменты истории (вспомним, что Освальд Шпенглер опубликовал свой труд *Der Untergang des Abendlandes* в трагическом для многих европейских государств 1918 г.). И сегодня многие эксперты вновь ставят под вопрос способность Европы к очередному обновлению.

«**Валерий Пекар (Valerii Pekar), Украина, президент компании «Евроиндекс Лтд»:** *«Начало конца Римской империи — даже не метафора, а вполне адекватная аналогия: вновь, как и прежде, системный кризис текущей технологической фазы (в данном случае — индустриальной) наложился на старение доминирующей цивилизации».*

«**Джузеппе Базиле (Giuseppe Basile), Швейцария/Италия, управляющий по маркетингу в области телекоммуникаций в компании Rast & Fischer:** *«Европейский союз — как старушка, которая живет воспоминаниями о своей былой славе, но теперь заперла двери и боится настоящего».*

«**Джермано Доттори (Germano Dottori), Италия, профессор университетов LUISS-Guido Carli, Link-Campus University:** *«Старик, ставший заложником собственной блестящей истории».*

15% наших экспертов видят в европейском развитии проблемы «кризиса жанра», т.е. проект ЕС — как политический и экономический эксперимент — зашел в тупик. Это свидетельствует о возможности появления новой парадигмы развития, т.к. необходимо искать принципиально новые основания для объединения и совершенно иные вектора дальнейшего развития.

«**Вадим Гасанов (Vadim Gasanov), Россия, консультант по документальному кинопроизводству телеканала «Россия-2»:** *«Глубочайший ментальный, идеологический, эмоциональный кризис. «Объединенная Европа» — это не более чем очередной эксперимент, начавшийся на сей раз, благодаря во многом противостоянию Западной Европы так называемому «Восточному блоку» во главе с СССР. Восточного блока и СССР давно нет, а «Единая Европа» осталась, но тем виднее противоречия между развитыми странами и менее развитыми, и уж совсем чужеродно смотрятся в одном ряду с ними осколки бывшего СССР — страны Балтии и Варшавского договора... Национальные, ментальные, экономические и прочие различия не преодолены и не будут преодолены в течение длительного времени».*

«**Сильвейн Райнес (Sylvain Raynes), США, партнер в компании R&R Consulting:** *«Богатый и испорченный ребенок из частной школы, чей отец потерял все деньги на фондовой бирже и которому теперь придется искать настоящую работу, впервые за 100 лет».*

«**А. Хузайме Абдул Хамид (A. Huzaim Abdul Hamid), Малайзия, экономист, независимый исследователь:** *«Евросоюз воспринимали как модель будущего для регионов, особенно для маленьких стран, а теперь он выглядит нездоровой структурой. В глазах многих ЕС начинает казаться неким колоссальным экспериментом, сопряженным с риском, диссонансом, разобщенностью и отсутствием лидерства. Кажется, что он завязнет в своих проблемах на много лет и его позиция в качестве мирового лидера сильно ослабеет».*

И, наконец, 12% в первую очередь отмечают, что Европе свойственна «политическая слабость». Чаще всего подобные определения связаны в представлении экспертов с нео-

пределенностью стратегии и общего тренда развития ЕС. Но порой речь идет и о господстве принципа толерантности, характерного для европейской политики, — принципа, который, по мнению ряда экспертов, тормозит сегодня скорость движения всего «потока».

« Валерий Федоров (Valeriy Feodorov), Россия, генеральный директор ВЦИОМ: «Экономический гигант — политический карлик».

« Майкл Эллис (Michael Ellis), США, основатель и вице-президент транспортной компании Trucking Co: «Мы спим за рулем, в то время как машина едет».

« Олексий Рачок (Olexiy Rachok), Швейцария/Украина, партнер по инвестициям крупного швейцарского банка: «Человек в пустыне на закате, наслаждающийся прохладой, вместо того чтобы собирать дрова и разжигать костер на ночь, потому что скоро станет очень холодно. Курс метаний на фоне подкрадывающейся опасности. Метафора заключается фактически в том, что сейчас никто не берется решать структурные проблемы, а они уже стучатся в дверь».

« Клаудиа Астарита (Claudia Astarita), Италия, научный сотрудник в университетах Гонконга и Болоньи: «Европа похожа на стаю уток без пастуха».

Обратим внимание, что те мнения, согласно которым Европа представляет собой «стареющую цивилизацию», а проект ЕС претерпевает «кризис жанра», отражают достаточно пессимистичную картину, в которой перспективы Евросоюза просматриваются нечетко (если они вообще есть). А если сложить сторонников этих двух точек зрения, то их суммарная доля составит 32%, что полностью «уравновесит» долю «относительных оптимистов», которые в сегодняшних проблемах Европы видят только «кризис роста».

« Том Хашимото (Tom Hashimoto), Албания/Япония, специалист в области политических наук и международных отношений в университете Нью-Йорка в Тиране: «Европа сегодня похожа на старое дерево без ветвей и листвы. Ствол (ЕС) еще не падает, потому что корни (национальные правительства и их многосторонняя структура) достаточно широко простираются и еще сильны, чтобы держаться за землю. Недостаток листвы (общеевропейская структура инноваций), тем не менее, делает невозможным получение солнечного света (глобальных предпринимательских возможностей). Листьев не становится больше благодаря недостатку ветвей (интеллектуальных кластеров, где общественные и деловые институты находятся в непосредственной близости друг от друга). Разумеется, иногда появляются новые ветви и листья, но многие из них расположены на теневой стороне ствола (финансирование в ЕС и/или общественная осведомленность недостаточны)».

При этом в данном вопросе мы уже сталкиваемся со значительными расхождениями мнений в экспертных сообществах, представляющих Россию, Европу и все прочие страны (Диаграмма 2Б).

Как мы видим, главные отличия наблюдаются в двух первых категориях «обобщенных характеристик» сегодняшнего со-

стояния Европы. Оптимистической точки зрения — «кризис роста» — придерживаются треть участвующих в опросе европейских экспертов и более 40% участников из неевропейских стран, а российские эксперты здесь демонстрируют явный пессимизм. В то же время каждый третий российский эксперт назвал определяющей особенностью еврозоны противоречия интересов входящих в нее стран, в то время как доли экспертов из Европы и их коллег из других стран мира, отметивших эту категорию, значительно ниже.

Дифференциальный диагноз

Чем хочет стать объединенная Европа? Это наиболее значимый вопрос будущего, на который должна ответить объединенная Европа прошлого и настоящего, зажатая между общей идентичностью и общим стремлением к объединению и безопасности. Совместное направление создаст импульс для равномерного движения вперед и действий со стороны управленческой верхушки, лидеров и общества.
*А. Хузайме Абдул Хамид (A. Huzaim Abdul Hamid),
Малайзия, экономист, независимый исследователь*

Получение целостной картины требует рассмотрения деталей. Поэтому мы в нашем исследовании задавались следующим вопросом: **«Каковы главные проблемы объединенной Европы?»** Мнения экспертов по этому вопросу представлены на **Диаграмме 3¹**.

«**Сергей Тетюхин (Sergei Tetyukhin), Россия, ведущий эксперт в области бизнес-анализа в компании «ФОРС — Банковские Системы»:** «Европа в нынешний кризис принесла миру как минимум три крупных разочарования:

- **финансовое.** Страны «старого ЕС» считались оплотом надежности и несомненными обладателями высших кредитных рейтингов. Возможность дефолтов в Западной Европе шокировала рынки;
- **экономическое.** Маастрихтские критерии, казалось, гарантировали единство бюджетной политики, необходимое для зоны единой валюты. Кризис разбил эту иллюзию и обнажил проблемы дефицитов и долгов. Оказалось, что реально ЕС очень далеко до единых стандартов бюджетной политики;
- **политическое.** Кризис выявил слабую управляемость ЕС. Проблемы начали решаться только после крайнего обострения и решались медленно, сопровождаясь спорами и скандалами».

На первое место по числу голосов вполне предсказуемо вышла проблема бюджетных дефицитов (56%). «Бюджетно-долговой европейский кризис» — это не просто навязчивый рефрен в колонках финансовых новостей. Жесткие бюджетные ограничения и непосредственно, и косвенным образом сказываются на доходах миллионов европейцев.

«**Маурицио Колелла (Maurizio Colella), Италия, адвокат, владелец адвокатского бюро:** «Долг и бюджетные дефициты - самые большие проблемы европейских стран: они не позволяют правительствам увеличивать общественный спрос, из-за этого ухудшается общественное обслуживание и благосостояние большинства населения».

«**Фелипе Хасе (Felipe Haase), Чили, генеральный директор компании Alisur S.A.:** «На сегодняшний день основной проблемой является долг и бюджетный дефицит, это основной урон, причиненный кризисом, как это видно на примере Испании и Греции. А некоторые страны ЕС даже не были осведомлены о том, что происходит».

¹ Экспертам предлагалось выбрать более одного варианта ответа, поэтому сумма может превышать 100%

Сегодняшняя «относительная стабильность» действительно стоила европейским правительствам серьезного бремени государственного долга.

Диаграмма 3
Все эксперты

«**Иоахим Зонтаг (Joachim Sontag), Германия, владелец Sontag Consult:** «Не вижу, каким образом долги могут быть погашены, кроме как путем создания искусственной инфляции».

«**Д-р Грета Росс (Dr. Greta Ross), Великобритания, независимый консультант по проектам в области реформ здравоохранения:** «Основные проблемы будущего заключаются в том, чтобы управлять бюджетными дефицитами, поддерживая рост и развитие в условиях более сильного централизованного контроля жизнеспособности евро. Это особенно актуально теперь, когда ЕС в ближайшие десятилетия, вероятно, примет новых участников».

Более того, здесь первую скрипку сыграли системные противоречия, препятствующие эффективному управлению таким сложным механизмом, как Евросоюз.

«**Марк Гуди (Mark Goode), США, генеральный директор и партнер Peninsula Group:** «То, что сейчас происходит с дефицитами бюджетов в таких странах, как Греция,

Испания и Португалия, Ирландия и Италия демонстрирует серьезные принципиальные проблемы в этих странах, которые некоторое время скрывали и лакировали, в то время как ЕС при помощи заимствований и государственных расходов закачивал все больше капитала в экономики указанных стран. Это напоминало большой воздушный шар. Но он был ненастоящим. Теперь, когда он лопнул, мы видим, что избранность бывает пагубна».

«**Гаэтано Капассо (Gaetano Capasso), Бельгия, трейдер на фондовых рынках, управление инвестициями:** «Долги и дефицит бюджета являются главной проблемой: любая европейская страна может справиться с дефицитом бюджета согласно своему экономическому росту, своему состоянию и уровню развития. Между странами — членами ЕС существует слишком большое неравенство. Есть также нехватка политической воли. Можно наблюдать, как отдельные европейские страны и правительства единолично принимают решающие меры для Союза в целом. Это большая проблема, т.к. тормозит принятие решений,

в которых нуждается Союз. Я имею в виду Германию, которая длительное время тормозила решение о помощи для Греции. А это было важно для таких европейских стран, как Португалия, Испания, Италия».

Сложившаяся ситуация, по мнению многих участников опроса, чревата дальнейшим усилением проблем, причем в уже обозримом будущем.

«**Жиль Сан-Поль (Gilles Saint-Paul), Франция, профессор экономики в Университете социальных наук в Тулузе:** «Долг и бюджетный дефицит являются для Европейского союза реальной проблемой. Поскольку некоторые государства — члены Европейского союза не имеют реального желания управлять своими государственными финансами, можно ожидать еще более значительного экономического кризиса в течение будущего десятилетия».

«**Саймон Германт (Simon Hermant), Канада, директор по развитию компании Life Choices Natural:** «Деньги никогда не были столь переоценены и недооценены одновременно. Конечно, это не главный повод для беспокойства о растущем неравенстве государств-членов ЕС, но все же это может стать катализатором новых значительных реформ архитектуры ЕС (или, по крайней мере, зоны евро)».

Ниже приводится таблица по состоянию на июнь 2010 г., составленная в соответствии с данными, собранными американским деловым информационным каналом CNBC.

Таблица 1. Государственный долг по состоянию на июнь 2010 г.

№ п/п	Страна	Государственный долг, млрд долл.	Государственный долг, % к ВВП
1	Ирландия	2320	1312
2	Великобритания	9150	426
3	Швейцария	1210	382
4	Нидерланды	2460	377
5	Бельгия	1250	329
6	Дания	628	318
7	Швеция	882	265
8	Австрия	828	256
9	Франция	5300	248
10	Португалия	724	236
11	Гонконг	673	223
12	Финляндия	402	220
13	Норвегия	553	202
14	Испания	2550	181
15	Германия	5130	180
16	Греция	582	170
17	Италия	2600	147
18	Австралия	1000	122
19	Венгрия	225	122
20	США	13770	97

Показательно, что из двадцатки лидеров 17 стран находятся на территории Европы. При этом европейские страны полностью оккупировали и первую тройку, и первую десятку этого не слишком почетного пьедестала. Также небезынтересно отметить, что Германия сумела опередить даже Грецию, вокруг долгов которой кипело столько страстей.

Среди прочего, большой объем государственного долга означает большой объем бюджетных дефицитов, переход к режиму экономии и как следствие спад деловой активности под воздействием мультипликатора с отрицательным коэффициентом. Политика сокращения бюджетных расходов в Европе может привести к торможению процесса экономического роста и оздоровления экономики. Так, радикальное сокращение затрат в США в 1929 г. при президенте Гувере привело к обрушению мировой экономики. Сходные результаты получил МВФ во время урегулирования Юго-Восточного кризиса 1997 г.

Отношение к проблеме государственного долга весьма эмоционально выразил глава Европейской комиссии Жозе Мануэль Баррозу на своем выступлении перед главами профсоюзов в июне 2010 г. Он заявил, что демократия может рухнуть в Греции, Испании и Португалии, при этом не исключив возможности переворотов и народных волнений.

Решение проблем менее развитых в экономическом отношении стран Европы за счет более развитых стран (яркий пример тому — Греция) неизбежно вызвали политическую напряженность как в менее развитых странах, так и в их донорах. Первые всерьез опасаются за свой суверенитет, а вторые — за свои деньги. Видимо, поэтому противоречия слабых и сильных стран как проблему номер один отметили 50% респондентов.

«**Людек Гоуска (Ludek Houska), Чехия, менеджер проектов компании DHL IT Services Europe:** «В первую очередь корень проблемы — конфликт интересов стран ЕС. К этому приводят следующие проблемы:

- чрезвычайно слабое лидерство в ЕС; в основном ЕС руководят второсортные марионетки-бюрократы (по большей части сотрудники правительств/парламентов в отставке);
- очень неясная и двусмысленная система управления в ЕС;
- повсеместная политкорректность в отношении нравственных ценностей и принципов, расплывчатость формулировок ЕС и его приоритеты приводят к существованию во всех странах различных интерпретаций вместо зафиксированного единственного и четкого определения и стандарта;
- отсутствие результатов (за исключением свободного перемещения людей и торговых потоков, ЕС как образование практически бесполезно)».

«**Вадим Георгиади (Vadim Georgiadi), Армения, директор компании Zenteq.am (Армения), вице-президент компании RenderX (США):** «Противоречия интересов сильных и слабых стран показывают, что империи, как таковой, еще не образовалось. Человек, который живет в Греции, живет совсем в другом пространстве по сравнению с человеком, который живет, скажем, во Франции или в Германии. И вся надежда на то, что за короткое время это станет не так, не оправдались. У богатых не хватило щедрости, а у бедных смелости».

«**Алексей Кузнецов (Alexey Kuznetsov), Россия, руководитель Центра европейских исследований ИМЭМО РАН:** «ЕС в настоящее время объединяет довольно разные в экономическом и социально-политическом отношении страны. Демографический кризис и падение международной конкурентоспособности имеют место, но часть стран еврозоны с этим вполне способна справиться. Реально есть два тормоза — слишком большое отставание по уровню жизни «новичков» из Центральной и Восточной Европы и неспособность Южной Европы самостоятельно перейти на инновационный путь развития. Однако ускорение передачи все новых направлений экономической и социальной политик на наднациональный уровень ЕС не решает большинства проблем».

«**Д-р Иоаннис Коккорис (Dr. Ioannis Kokkoris), Греция, советник по экономическим вопросам Управления по добросовестной конкуренции (Лондон):** «ЕС как объединение характеризуется скорее противоречивыми или даже националистическими политическими интересами. Поскольку существует ряд экономических стимулов и мотивов, представляющих

различные принципы и методы, зачастую интересы определенной страны перевешивают интересы всего Союза, особенно там, где дело касается кризиса».

При этом сегодняшний конфликт интересов различных стран — членов ЕС был заложен, по мнению ряда экспертов, принятыми ранее решениями, которые носили чисто конъюнктурный, политический характер и не учитывали возможных последствий.

«**Сергей Пахомов (Sergei Pakhomov), Россия, председатель Комитета государственных заимствований г. Москвы:** *«Торопливое стремление как можно скорее воспользоваться геополитическими последствиями распада СССР и немедленно включить в свою орбиту страны Восточной и Центральной Европы и Прибалтики резко снизило «качественный состав» ЕС, сделало Союз практически неуправляемым, наложило серьезное экономическое и финансовое бремя на его наиболее экономически развитую часть. Разница в уровнях экономического развития за десятилетия интеграции никуда не исчезла. Сейчас Евросоюз пожинает плоды этой политики. Разные страны — члены ЕС преследуют разные цели».*

«**Джорджио Витанжели (Giorgio Vitangeli), Италия, директор журнала La Finanza:** *«Существует не только конфликт интересов сильных и слабых стран, но также конфликт между Европой и Англией: экономический конфликт, порожденный финансовыми особенностями функционирования экономики Англии, и политический конфликт, связанный с сильными международными связями Англии с Соединенными Штатами Америки. Англия вступила в ЕС, чтобы не допустить политического единства Европы».*

Эти противоречия, очевидно, возникают на фоне отсутствия единого центра экономического управления и согласованной стратегии развития, что само по себе является важнейшей проблемой, на которой заострили внимание 42% экспертов.

«**Валерий Пекар (Valerii Pekar), Украина, президент компании «Евроиндекс Лтд»:** *«Стало очевидным не только наличие у Евросоюза серьезных среднесрочных проблем, но, что более важно, отсутствие внятной долгосрочной стратегии развития. Вполне достаточно сомнений по поводу того, есть ли будущее у общеевропейской валюты».*

«**Федерико Майор (Federico Mayor), Испания, президент фонда Cultura de Paz:** *«Европа попала в «ловушку глобализации». Нерегулируемый рынок, управляемый жадностью, заменил демократические принципы управления. Европейский союз, так же как и США, «спасли» финансовые учреждения, ответственные за кризис, в основном, за счет государственных средств. И они использовали плутократические G-20 вместо усиления системы Организации объединенных наций. В результате система опять стоит на защите тех, кто проповедует спекуляцию и военную экономику, вместо экономики, основанной на знаниях, которая способствовала бы обеспечению глобального устойчивого развития».*

«**Д-р Грета Росс (Dr. Greta Ross), Великобритания, независимый консультант по проектам в области реформ здравоохранения:** *«Основные проблемы будущего заключаются в том, чтобы управлять бюджетными дефицитами, поддерживая рост и развитие в условиях более сильного централизованного контроля жизнеспособности Евро. Это особенно актуально теперь, когда ЕС в ближайшие десятилетия, вероятно, примет новых участников».*

Наличие такой стратегии и органов управления могло бы стать серьезным конкурентным преимуществом объединенной Европы, помогая реализовать заложенный в ее экономике потенциал.

« Алексей Мухин (Alexei Mukhin), Россия, генеральный директор Центра политической информации: «Отсутствие единых органов управления под контролем сильных стран — членов ЕС не позволяет реализовать мощный, в общем, потенциал европейской экономики».

« Паоло Раймонди (Paolo Raimondi), Италия, экономист, автор статей в итальянской ежедневной газете ItaliaOggi: «Основная проблема, с которой столкнулся ЕС — проблема поиска новых, нацеленных на перспективу решений проблемы явного конфликта интересов между ролью национальных государств и требованиями централизованно координированной континентальной экономической политики. До сих пор Европейская комиссия и Мaaстрихтское соглашение пытались сосредоточить свое внимание прежде всего на монетаристской, налоговой и банковской координации. Однако приоритеты должны быть другими: реализация программы долгосрочного инвестирования в инфраструктуру, технологическая модернизация, инновации в энергетике, R&D, модернизация социальной сферы и создание современной банковской системы, способной обеспечивать доступные и долгосрочные кредиты — все это является основой реальной экономики. Это простое, но коренное преобразование экономической политики, являющееся важнейшим условием для преодоления внутренних противоречий, будет способно выполнять задачи мирного и скоординированного международного развития».

Отсутствие единой стратегии коррелирует с отмеченной 17% участников опроса проблемой недостатка политической воли правительств государств — членов ЕС, которая по доле назвавших ее экспертов занимает 6-е место.

« Шахид Сиддик (Shahid Siddiqui), Индия, продюсер медиа-холдинга Network18 (IBN7): «В условиях отсутствия политической воли, а также общей апатии рядовых граждан мало реального прогресса».

« Ирен Бухадана (Irene Bouhadana), Франция, генеральный секретарь Института мира и развития, доцент в Университете Пантеон-Сорбонна: «ЕС должен укрепить свою политическую волю для предотвращения экономического и политического кризиса».

« Виктор Замятин (Viktor Zamiatin), Украина, независимый эксперт: «Так называемая объединенная Европа слаба прежде всего политически, страдает отсутствием единого центра принятия решений и сильной политической воли (пример Греции)».

На четвертой позиции в рейтинге проблем оказалась потеря конкурентоспособности ЕС. На этом акцентировало внимание немногим меньше трети (29%) экспертов.

« Марк Стоунер (Mark Stoner), США, региональный вице-президент ипотечной компании Milestone Mortgage: «Я думаю, что главная проблема — это отсутствие конкурентоспособности, а также превышение расходов над доходами».

« Том Хашимото (Tom Hashimoto), Албания/Япония, специалист в области политических наук и международных отношений в университете Нью-Йорка в Тиране: «Т.к. популяция Земли в ближайшем будущем достигнет 7 млрд (половина из которых придется на Азию), ЕС уже не сможет конкурировать с такими странами, как Китай и Индия, в сфере рыночной экономики, ориентированной на переработку и основанной на эффективности производства (включая производство с низкой себестоимостью)».

« Александр Апокин (Alexander Apokin), Россия, ведущий эксперт Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования: «Одна из основных проблем Европы — это различия в конкурентоспособности экономик, входящих в единую валютную зону. Кризис ухудшил эти показатели из-за негибкого рынка труда, увеличив разрыв не только с Японией и США, но и внутри зоны евро. Одновременно из-за кризиса значительно снизилась возможность финансировать рост конкурентоспособности за счет государств-доноров...

Для европейских стран непозволительной роскошью стали многие проблемы, которые накапливались в предыдущее десятилетие — прежде всего расточение бюджетных расходов, значительная часть которых направлялась и направляется на социальную поддержку».

Данные о конкурентоспособности 27 европейских стран представлены в **Таблице 2**. Как мы можем видеть, отставание ЕС (если брать усредненный показатель) действительно налицо. В то же время необходимо отметить, что шесть стран Евросоюза — Швеция, Финляндия, Нидерланды, Люксембург, Германия и Австрия — превосходят США и Восточную Азию по итоговому показателю.

Таблица 2. Оценки* конкурентоспособности по лиссабонским критериям: сравнение ЕС-27, США и Восточной Азии, 2010г.

Сравнение ЕС-27, США и Восточной Азии, 2010г.	Средний показатель по ЕС-27	США	Восточная Азия	Разница между ЕС-27 и США	Разница между ЕС-27 и Восточной Азией
1. Информационное общество	4,73	5,79	5,56	–1,06	–0,83
2. Инновации, НИОКР	4,23	6,03	5,24	–1,81	–1,01
3. Либерализация	4,80	5,05	5,10	–0,25	–0,30
4. Сетевые сектора	5,39	5,73	6,06	–0,34	–0,67
Телекоммуникация	5,62	5,54	5,89	0,07	–0,27
Коммунальные услуги и транспорт	5,16	5,91	6,24	–0,75	–1,07
5. Финансовые услуги	5,05	5,22	5,41	–0,17	–0,36
6. Предпринимательство	4,60	5,07	5,17	–0,47	–0,56
Среда для начала бизнеса	4,80	5,31	5,14	–0,51	–0,33
Регуляторная среда	4,41	4,83	5,20	–0,42	–0,79
7. Социальная сфера	4,51	4,71	4,93	–0,20	–0,42
Возможности восстановления рабочей силы	4,97	5,39	5,41	–0,42	–0,45
Улучшение умений и навыков	4,47	5,09	5,09	–0,62	–0,61
Модернизация системы социальной защиты	4,10	3,66	4,30	0,44	–0,19
8. Устойчивое развитие	5,16	4,59	4,74	0,57	0,42
Итоговый показатель	4,81	5,27	5,28	–0,46	–0,47

*Максимальная оценка — 7.

Источник: *The Lisbon Review 2010. Towards a More Competitive Europe? World Economic Forum 2010.*

Такое положение говорит не только о европейском потенциале, но и о возможности потенциальных противоречий между конкурентоспособными и менее конкурентоспособными странами в условиях ухудшения экономического положения, обусловленного кризисом, и нарастания политических противоречий внутри ЕС.

Особое внимание обращает на себя европейское отставание по показателю «Инновации и НИОКР». Однако тесно связанную с темой конкурентоспособности проблему замедления НТП, отставание Европы в области технологических и управленческих инноваций назвали лишь 11% экспертов, принявших участие в опросе.

«**Булент Акма (Bulent Acma), Турция, профессор, зав. кафедрой экономики в Анатолийском университете:** «Необходимо увеличение конкурентоспособности европейской экономики на международном уровне. Требуется ускорение технологического и организационного прогресса в области образования и науки».

« **Илья Крамник (Ilya Kramnik), Россия, военный обозреватель информационного агентства РИА-Новости:** «Менее очевидной, но весьма интересной является проблема «технологического барьера», приведшая к замедлению прогресса. Развитие в прежней технологической цепочке эффекта больше не дает. Каждый новый шаг обходится все дороже. Нужен какой-то прорыв, достичь которого можно только объединенными усилиями ЕС, США и России».

Зато каждый пятый участник опроса (21%) к числу главных проблем Европы относит демографический кризис и старение населения. Дефицит рождаемости в 1990 г. отмечался только в Германии, Болгарии и Венгрии. К настоящему времени он распространился уже на 12 европейских стран. Число родов на одну женщину, необходимое для воспроизводства, составляет 2,1, в то время как в Европе этот показатель в среднем 1,4. Как следствие происходит старение населения. При сохранении существующих трендов (а есть основания полагать, что ситуация еще ухудшится) к 2050 г. половина всех жителей Старого Света будет старше 50 лет, а каждый десятый достигнет возраста 80 лет. Пенсионеров будет без малого 60 млн.

« **Аяна Манасова (Ayana Manassova), Казахстан, председатель правления Национального аналитического центра при Правительстве и Нацбанке РК:** «Демографический кризис, старение населения тоже является одной из главных проблем ЕС, поскольку этот процесс протекает в острой форме во всех странах Евросоюза. Данная проблема влияет на рост экономики и уровень жизни населения. Недавнее массовое движение против увеличения возраста выхода на пенсию в Греции, Испании, Венгрии, Румынии усиливает социальную напряженность, и чем дальше, тем острее будет угроза этой проблемы социально-экономическому развитию всего ЕС».

« **Гаэтано Капассо (Gaetano Capasso), Бельгия, трейдер на фондовых рынках, управление инвестициями:** «В большинстве западноевропейских стран наблюдается процесс старения населения. Все работают над вопросом пенсий: как обеспечить их или как реструктурировать систему».

« **Ксения Темникова (Ksenia Temnikova), Россия, зам. генерального директора Международного инновационного центра, главный редактор журналов «Проектное финансирование» и «Деловой английский язык»:** «Проблема старения населения имеет ряд аспектов, среди которых необходимо выделить возможное снижение инновационной активности в долгосрочной перспективе».

Эти тенденции пока что компенсируются за счет иммигрантов, но адаптация приезжих представителей иных культур к европейским условиям происходит недостаточно быстро и не в полной мере. Это создает почву для возникновения ксенофобских настроений и их политического оформления.

« **Крис Нанкарроу (Chris Nancarrow), США, экономист, юристконсульт и член совета директоров Центра для жертв нарушений прав человека:** «Самая серьезная проблема ЕС заключается в демографических изменениях. Уравновешивание интересов граждан ЕС и все большего числа иммигрантов будет по-прежнему являться основной проблемой с экономической и политической точек зрения в обозримом будущем ЕС».

« **Хайме Посуэло-Монфорт (Jaime Pozuelo-Monfort), Испания, мультидисциплинарный специалист, публицист:** «ЕС-27 вступает в новую эру национального протекционизма, который в настоящее время характеризуется возрождением национализма. Я не в состоянии представить себе единую Европу в социальном и политическом аспектах».

« **Олег Маляров (Oleg Malyarov), Россия, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН:** «Попытка проведения единой стратегии и ослабление национального

суверенитета при больших различиях в уровнях социально-экономического развития отдельных стран вызывают массовые протесты населения и усиливают националистические и дезинтеграционные процессы».

Связанной с демографией проблемой можно считать изменения в области морали и ценностей, в частности отношение к деторождению и рост гедонистических настроений. Принимая во внимание эти обстоятельства, а также достаточную аморфность Евросоюза, политики все чаще проводят параллели между ЕС и плохо управляемой Римской империей позднего времени. Это напрямую перекликается с образом «Стареющая цивилизация», о котором мы говорили выше.

«**Фелиппе Кадематори Араужо (Felippe Cademartori Araujo), Бразилия, управляющий по вопросам структурированных финансов Акционерного банка Сумитомо Мицуи:** «Ослабление христианских ценностей, старение населения и долги/дефицит бюджета являются критичными проблемами для региона... Эти проблемы порождены следующими причинами:

- неспособностью всего европейского континента принять систему расширенного ЕС по интеграции иммигрантов в подкрепленные правительством экономические модели;
- недостатком динамики и спонтанности в инновациях и технических преимуществах;
- в конечном счете — отсутствием «духа ЕС», который мог бы быть краеугольным камнем континентальной экономики и социальной стратегии».

«**Геннадий Кононенко (Gennady Kononenko), Россия, заместитель главы Московского представительства южнокорейской компании SoBig Co.LTD:** «С культурной точки зрения Европа никогда не была единой и никогда таковой не станет, а на фоне ослабления христианских ценностей вследствие массового притока мигрантов из Азии, Африки и Ближнего Востока такое различие будет только увеличиваться, пока не сформируется новая «европейская религия». Катастрофически быстрое старение население Старого Света и вызывает ту самую миграцию... Европейские страны-колонизаторы, сейчас сами рискуют превратиться в колонии своих недавних сателлитов. На этом фоне виден четкий конфликт двух культур — европейской (с ее христианскими ценностями) и неевропейской (преимущественно с исламскими постулатами)».

«**Сергей Грисюк (Sergei Grisyuk), Казахстан, председатель правления научно-образовательного фонда «Аспандау»:** «Кризис указал на необходимость кардинального изменения традиционной западной ценностной парадигмы. На мой взгляд, Европа мучительно и пока не очень успешно пытается топологизироваться в новом, еще только формирующемся глобальном ценностном пространстве... Ценностное самоопределение становится наиболее актуальной проблемой. Лишь на этой основе могут быть правильно выбраны векторы дальнейшего общесоциального движения».

Анализ мнений экспертов, разбитых на группы «европейцы», «россияне» и «эксперты остального мира», показал, что существенной разницы в оценках не наблюдается, речь идет скорее о вполне предсказуемых нюансах.

В частности, россияне больше других акцентируют внимание на теме противоречия интересов различных стран — участников ЕС, а эксперты из остальных стран мира (т.е. не Европы и не РФ) — на теме отсутствия согласованной стратегии, что, по сути, является другой стороной той же медали.

По ряду вопросов достаточно четко видна разница между европейскими экспертами, осознающими проблемы ЕС как свои и близко принимающих их к сердцу, и «внешними экспертами» (РФ и прочие страны), которые оценивают проблемы, глядя со своей, далекой колокольни. Так, например, эксперты из Европы проявляют определенную озабоченность ослаблением у себя международного влияния и принципов общественной организа-

ции (18 и 12% соответственно), а респонденты из остальных стран не считают эти проблемы существенными.

Зато «внешних экспертов» больше заботит неэффективность европейского проекта для мигрантов (правда, на уровне всего 12–13%), а Европа гораздо больше волнуется за демографический кризис (целых 30%). Можно, однако, предположить, что тема мигрантов не поднимается в Европе из соображений политкорректности. Так, после выхода книги члена правления Бундесбанка **Тило Саррацина** (Thilo Sarrazin) «Германия — самоликвидация, или как мы ставим нашу страну на карту» (*Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen*), в которой автор подвергает резкой критике иммиграционную политику властей ФРГ, предвещая упадок страны, — СДПГ поставила вопрос об исключении автора из своих рядов. «Арабская» фамилия автора усиливает анекдотичность происходящего.

Кроме того, 18% экспертов из остальных стран обращают внимание на недостаточность энергетической и сырьевой базы Европы, однако респонденты из ЕС и РФ не считают эту проблему столь значимой. Хотя объективно проблема истощенности ископаемых ресурсов в Европе имеет место, европейцы не считают это первоочередной проблемой, будучи обеспечены надежными поставками из России, а россияне, со своей стороны, полагают Европу партнером в традиционных поставках сырья и энергии.

« **Джорджио Витанжели (Giorgio Vitangeli), Италия, директор журнала La Finanza:** «Несостоятельность европейской энергетической и сырьевой базы в будущем не станет серьезной проблемой, т.к. Россия является Европой. И договоренность между Европой и Россией (а в долгосрочной перспективе — и образование некой формы союза) неизбежна, поскольку вытекает из географической рациональности».

Таким образом, ответы экспертов из ЕС и РФ свидетельствуют об осознании ими тесной экономической связки «Россия — Европа», позволяющей успешно решать данную проблему. Очевидно, что такое положение вещей делает учет российских интересов одним из факторов, определяющих политику Европы.

Подытоживая эту главу, хотелось бы вновь напомнить о значении недавних событий в «колыбели европейской цивилизации» — Греции, после которых впервые стали говорить о том, что сам проект европейской интеграции серьезно пошатнулся. Греция продемонстрировала, что есть проблемы, неразрешимые в рамках прежней модели. Именно 2010 г. в полной мере поставил вопрос о кризисе Европы и о необходимости смелых реформ. И проблемы Греции, и проблемы других стран вряд ли будут решены к концу текущего года. Напротив, они обретают системный характер. Европа оказалась на перепутье — или смелые реформы, смелые дальнейшие шаги интеграции, или стагнация, ведущая к развалу европейского единства.

« **Олег Неменский (Oleg Nemensky), Россия, научный сотрудник Института славяноведения РАН:** «Объединенная Европа — проект еще становящийся, но уже чрезмерный по целому ряду позиций, по-своему актуальных для каждой из ее стран. По сути, формат европейской интеграции, несмотря на ее давнюю историю, до сих пор не выбран. Однако уже несомненно, что на современном этапе Европа столкнулась с кризисом идентичности, и это в немалой степени влияет на неопределенность пути ее дальнейшей интеграции. Отказ от христианских оснований и одновременный все более очевидный провал стратегий интеграции мигрантов ставит под большой вопрос все будущее проекта единой Европы».

Предыдущие исследования Института посткризисного мира показали, что мир находится в процессе перехода к многополярности — сейчас формируются новые центры силы. Претерпевают ли изменения позиции Европы в этом конкурентном поле?

Обозначенные экспертами «бюджетные дефициты», «падение конкурентоспособности» и «противоречия интересов» предсказуемы — эта фактура лежит на поверхности в лен-

тах событий. Одно из открытий этого исследования — «отсутствие европейской стратегии развития». С точки зрения экспертного сообщества, у европейских элит нет стратегии, нет видения и понимания целей. Прочие проблемы (конкурентоспособность, противоречия интересов, долги) — лишь внешние симптомы болезни. Европа нуждается в новом дыхании, а значит, в новой стратегии. Европа всегда воспринималась как законодательница мод в мире, как образец прогресса и инноваций. От того, какую новую стратегию создаст «зависшая» в данный момент Европа, зависит и историческое определение текущего кризиса — как кризис роста или как кризис старения.

Приведенный выше анализ экспертных мнений позволяет увидеть следующую картину. В мировом мнении формируются два главных тренда в понимании сути европейского кризиса. Первый тренд — оптимистический (кризис роста). К этому больше склоняется сама Европа, меньше оптимизма у россиян. Второй тренд — жесткий пессимизм, европейский кризис рассматривается как проявление неизбежного старения европейской цивилизации, а значит, отступление всего западного мира. Что особенно важно, к этому пессимизму склоняются «внешние игроки» — Россия и, в еще большей степени, остальной мир, конкурирующий с Европой. Такой взгляд на Европу извне — вызов, и прежде всего — идеологический вызов европейской безопасности. Если в джунглях все кричат: «Акела промахнулся!» — то Акела перестает восприниматься как вождь стаи и цена восстановления подорванного авторитета может быть очень высока.

«**Булент Акма (Bulent Acma), Турция, профессор, зав. кафедрой экономики в Анатолийском университете:** «В ЕС возможно множество проблем. Они существуют не только в экономической, но также в социальной и культурной сферах. В ближайшем будущем ЕС придется столкнуться с проблемой энергетики и сырьевых ресурсов. ЕС потеряет международную конкурентоспособность и влияние».

«**Омер Нахум Фрейкса (Omer Nahum Freixa), Аргентина, преподаватель в Университете Буэнос-Айреса, консультант правительства города Буэнос-Айрес:** «Это действительно очень тяжелый момент для Европы. Я вижу ретракции (отмены, т.е. шаг вперед — два шага назад) на пути соединения Европы с остальным миром».

«**Дмитрий Евстафьев (Dmitry Evstafiev), Россия, вице-президент КРОС:** «Я не являюсь сторонником «крайних» сценариев развития ситуации в Европе. Я не думаю, что ЕС рухнет, более того: при определенных условиях есть шанс, что удастся сохранить «зону евро». Но беда в том, что даже если крайнего сценария удастся избежать, Европа навсегда утратила право на глобальное лидерство. Европа расписалась в том, что 1) она абсолютно нерезистентна к внешним, а тем более внутренним кризисам и 2) никакой вменяемой социальной модели (а социальная модель сейчас будет одним из основных компонентов глобальной конкурентоспособности) у нее нет».

В мировых элитах сформировалось стойкое убеждение, что Европа экономически слабеет. А это далеко не безобидная вещь. Сам образ слабеющей Европы формирует дальнейший тренд отступления, поскольку влияет на решения мировых элит, инвесторов и рядовых потребителей европейской продукции. Восприятие элитами Европы как «отступающей армии» создает вызовы европейской безопасности — экономической и политической.

ГЛАВА 2

ОБОЗРИМЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Что делать?

Есть ситуации, когда голоса надо не подсчитывать, а взвешивать.

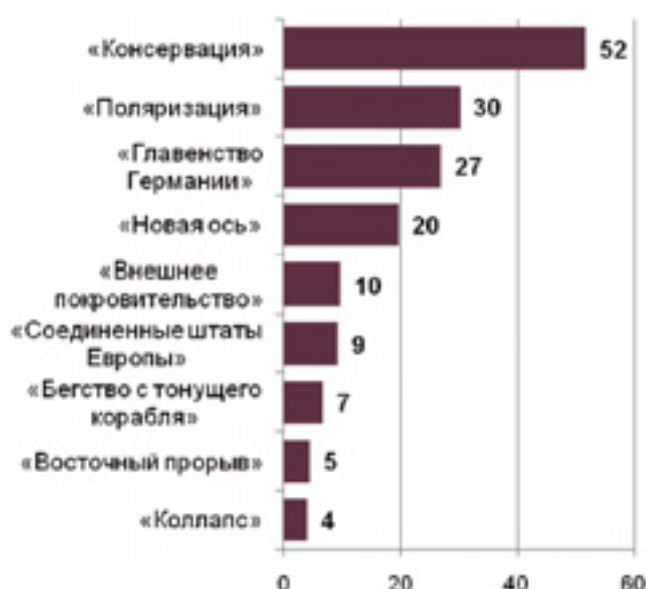
*Виталий Дымарский (Vitaliy Dymarsky), Россия,
председатель совета директоров КРОС*

Проблемы, стоящие перед Европейским союзом, ждут своего разрешения, но политические решения по определению не могут быть приняты вне выбора стратегического курса развития. Каждый кризис является своего рода перепутьем, где под влиянием исторически сложившейся инерции или силой политической воли осуществляется — зачастую нелегкий — выбор. Реальностью, определяющей дальнейшее движение и развитие, становится результат взаимодействия сил инерции и новаторства.

Было крайне интересно узнать, что думает сообщество экспертов о путях будущего развития Европейского союза. Поэтому экспертам был предложен вопрос: **«Какой тренд развития событий до 2020 г. кажется вам наиболее вероятным?»**

Распределение полученных ответов приведено в **Диаграмме 4А¹**. «Контрольный пакет» (52%) принадлежит сторонникам сценария «Консервация», согласно которому никаких принципиальных изменений в ближайшее десятилетие не ожидается, а, напротив, сохранятся существующие отношения и тенденции. При этом зачастую подчеркивается, что сам уровень вложенных в интеграцию усилий будет препятствовать любой попытке поворота «вспять» или «в сторону».

Диаграмма 4А
Все эксперты

«**Марк Гуди (Mark Goode), США, генеральный директор и партнер Peninsula Group:** «Тенденция будет направлена скорее на «сохранение», а значит, все изменения будут очень медленными и постепенными. В краткосрочной перспективе не изменится ни руководство, ни валюта. Не думаю, что произойдет какой-нибудь возврат в прошлое, т.к. уже много сил вложено в интеграцию европейских стран, Европейского сообщества и в поддержание единой европейской валюты».

«**Андерс Свенссон (Anders Svensson), Швеция, специалист по налогообложению в международной аудиторской компании:** «Я не верю в ухудшение или крах Европейского союза, т.к. слишком много политического авторитета и денег было вложено в этот проект. 2020 г. — это относительно близкое будущее, если говорить о мировой политике, и не думаю, чтобы какие-либо значительные изменения произошли до этого момента».

¹ Экспертам предлагалось выбрать более одного варианта ответа, поэтому сумма может превышать 100%

Такое положение дел представляется вполне логичным, поскольку речь идет о большой или даже сверхбольшой системе, обладающей колоссальным запасом инерции, и при этом внешнее воздействие на систему, выразившееся в виде финансово-экономического кризиса, недостаточно для ее кардинального изменения.

Разумеется, текущий кризис стал потрясением для Европы, но потрясением не настолько сильным, чтобы мы стали свидетелями принципиального изменения выбранного ранее вектора развития.

Тем не менее группа экспертов, придерживающихся сценария «Консервация», далеко не однородна. Часть из них оценивает консервацию как вынужденную, но вполне разумную меру, предотвращающую возможные негативные последствия из-за недостаточно взвешенных решений.

«**Аяна Манасова (Ayana Manassova), Казахстан, председатель правления Национального аналитического центра при Правительстве и Нацбанке РК:** «До 2020 г. наиболее вероятен тренд «Консервация», а кардинальное изменение нынешних принципов европейской интеграции маловероятно. Все убедились, что поспешное решение проблем интеграции и быстрое объединение 27 государств с разными политическими экономическими и социальными уровнями развития, включая страны, которые только несколько лет назад входили в социалистическую систему, является непростым делом».

«**Роберт Абдуллин (Robert Abdullin), Россия, почетный президент Международной организации кредиторов (WOC):** «Совершенно очевидно, что любое резкое движение в отношении какого-либо направления стагнации кризиса приведет к самым радикальным катастрофическим последствиям для Евросоюза. Поэтому консервация и косметический ремонт в краткосрочном периоде — единственно возможный вариант для ЕС».

Другие же отмечают негативные аспекты, считая, что консервация будет иметь скорее неблагоприятные последствия и приведет к стагнации. Здесь эксперты часто обращаются к теме зависимости Евросоюза от США, рассматривая последние как силу, так или иначе сдерживающую возможные амбиции ЕС.

«**Валерий Пекар (Valerii Pekar), Украина, президент компании «Евроиндекс Лтд»:** «Нужно принимать в расчет, что кроме интересов европейских наций уже есть и самостоятельные интересы евробюрократии. Будут предприняты всевозможные попытки сохранить достигнутое без серьезных изменений».

«**Майкл Эллис (Michael Ellis), США, основатель и вице-президент транспортной компании Trucking Co.:** «Мне кажется, что Европа с каждым днем все больше зависит от США. Давайте не будем забывать о многочисленных производителях автомобилей, которые укоренились в США (например, Германия со своими Audi и Швеция, поставляющая автомобили Volvo)».

«**Сергей Пахомов (Sergei Pakhomov), Россия, председатель Комитета государственных заимствований г. Москвы:** «Политическая разобщенность, сложный механизм длительного компромиссного поиска решения общих проблем стран ЕС, явные противоречия в целях между «старой» и «новой» Европой делают тренд «Консервация» наиболее вероятным. Экономическая стагнация в ЕС под бременем государственного долга и необходимость жесткой экономии государственных расходов приведет к тому, что США с наметившимися тенденциями к росту экономики станут ведущей экономической силой Запада. Неизбежно, что ЕС будет следовать в фарватере США как экономического (и военного) лидера».

Однако у сторонников инерционного сценария имеется достаточно серьезная «оппозиция». Так, около трети (30%), опрошенных экспертов придерживаются точки зрения, согласно которой Европейский союз ждет поляризация.

« Филипп Дреан (Philippe Drean), Франция, финансовый директор Бюро Веритас Абиджан (Кот-д'Ивуар), финансовый инспектор Африканского региона: *«В нынешней ситуации раскол между сильными и слабыми экономическими системами в Европе неизбежен».*

« Жиль Сан-Поль (Gilles Saint-Paul), Франция, профессор экономики в Университете социальных наук в Тулузе: *«Поляризация должна быть снова инициирована в ЕС благодаря сильной команде, состоящей из сильных экономик».*

При этом сценарий такой поляризации несколько отличается в видении разных групп экспертов. Речь идет не только о часто дискутируемом варианте консолидации ядра сильных экономик с удалением из еврозоны слабых государств либо выходом из ЕС наиболее сильных...

« Такао Коизуми (Takao Koizumi), Япония, президент и генеральный директор компании A.I.Medicine, LLC: *«Европейский союз будет существовать и в 2020 году, но некоторые экономически слабые государства отпадут от него, либо уйдут страны с сильной экономикой. В новом Европейском Союзе, составленном из оставшихся стран, к 2020 году будет принят ряд законов, и ЕС будет выглядеть скорее как единое государство».*

« Сирил Ганэм (Cyril Ghanem), Франция, независимый экономист: *«Чтобы выжить, ЕС придется изменить модель: будут применяться строгие нормы с ужесточенными контролем и санкциями, вынуждающими более слабые государства выходить из ЕС и становиться привилегированными партнерами ради всеобщего блага».*

...но и о возможном вводе новых правил для членов ЕС, пересматривающих «вес» тех или иных стран в принятии решений.

« Андрей Черепанов (Andrey Cherepanov), Россия, директор НУ «Проект национального развития»: *«Вероятнее всего — тренд «Поляризация», но не столько с удалением из еврозоны слабых государств, сколько с лишением их равноправия в принятии стратегических решений».*

« Тадас Шараповас (Tadas Sarapovas), Литва, доктор экономики, руководитель международного отдела в Университете управления и экономики: *«ЕС не рухнет, т.к. его структура удобна для сильных экономик его стран-членов. Евросоюз способен изменить форму существования путем ограничения роли слабых экономик, однако это может вызвать политические конфликты».*

Возможны и другие векторы регионализации Европы, исходя из различий в скорости развития тех или иных страновых групп.

« Ирина Семененко (Irina Semenenko), Россия, д.пол.н., зав. сектором Центра сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований ИМЭМО РАН: *«Разные скорости развития могут способствовать формированию внутри большого региона Евросоюза нескольких кластеров, конфигурация которых не совпадет с границами государств, а может включать, например, близкие по типу развития группы регионов с сильным центром (или группы государств). Это регионализация внутри ЕС».*

Необходимо отметить, что определенные разногласия существовали между «старой» и «новой» Европой еще до начала кризиса. С появлением трудностей Евросоюз быстро разделился на более и менее пострадавших от финансовых катаклизмов. В число стран, пострадавших более других, попали и государства, недавно вступившие в Европейский союз — бывшие социалистические страны.

Противоречия между старожилами ЕС и его неопитами в условиях кризиса серьезным образом обострились. Ряд европейских политиков, включая президента Франции Н. Сарко-

зи, еще до кризиса заявляли, что прием в ЕС новых членов из числа восточноевропейских государств носит явно преждевременный характер¹. Стало очевидным, что форсирование процесса вступления бывших соцстран продиктовано политическими соображениями и осуществлено с целью не допустить распространение влияния России на бывших сателлитов СССР. Однако решение одной политической проблемы неизбежно породило другую. Страны «новой» Европы быстро превратились в проводников американского влияния в Старом Свете и в известной мере противопоставили себя странам «старой» Европы.

«**Людек Гоуска (Ludek Houska), Чехия, менеджер проектов компании DHL IT Services Europe:** *«Рано или поздно должен случиться раскол и реконструкция ЕС. Но на это могут потребоваться годы, как и на то, чтобы эффективная модель ЕС была найдена».*

В условиях же кризиса «старая» Европа весьма неохотно идет на предоставление помощи новым членам ЕС. На брюссельской встрече глав стран ЕС премьер-министр Венгрии Ф. Дюрчань запросил 190 млрд евро на помощь странам Центральной и Восточной Европы, что вызвало жесткое сопротивление со стороны бундесканцлера ФРГ А. Меркель. Ситуацию постарался сгладить председатель Еврокомиссии Ж. Баррозу, который заявил: «Речь идет об оказании помощи тем, кто в ней действительно нуждается, а не о помощи определенной категории государств, поскольку ЕС объединяет 27 стран, ситуация в которых очень разная, в том числе и в новых странах-членах, а также в так называемых «старых» и в государствах — участниках зоны евро». Еврокомиссия предоставила в 2010 г. 11 млрд евро в качестве помощи пострадавшим от кризиса странам, при этом 7 млрд евро пойдут новым членам ЕС.

Очевидно, что эта проблема «неравенства» (развития, усилий, вкладов) столь же остра, сколь и неразрешима в краткосрочном отрезке времени. Оптимизм внушает то, что лишь малая доля (7%) мировых интеллектуальных элит представляет себе такой крайне радикализированный вариант поляризации, как «Бегство с тонущего корабля», предполагающий отказ ведущих стран-доноров — Германии, Франции, Бенилюкса и др. — от дальнейшего участия в проекте под названием «Европейский союз».

«**Томас Мюллер (Thomas Mueller), Германия, партнер в международной стратегической консалтинговой компании:** *«Результатом развития второго («Поляризация») или третьего («Бегство с тонущего корабля») тренда может быть создание чего-то нового, например «Евро 2», в котором, возможно, будут существовать слабые страны ЕС».*

Но, видимо, актуальность указанной проблемы делает сценарий «Главенство Германии», который предполагает усиление роли этого государства как архитектора и исполнителя европейской интеграции, экономического и политического лидера Евросоюза, — фактически таким же популярным в глазах мирового экспертного сообщества, как и идея поляризации. И хотя многие аналитики расценивают этот сценарий как достаточно умозрительный, памятуя высокую степень взаимопроникновения европейских экономик и степень вовлеченности Германии в процесс глобализации, тем не менее эта страна остается бесспорным экономическим лидером Европы и главным донором Европейского союза. 27% экспертов проголосовало именно за такой вариант развития событий.

«**Фелипе Хасе (Felipe Haase), Чили, генеральный директор компании Alisur S.A.:** *«Немецкая гегемония — наиболее вероятный путь развития событий. На данный момент Германия является самой сильной страной в Европе, поэтому она может использовать свою силу для того, чтобы возглавить ЕС».*

¹ По мнению ряда европейских политиков, неоправданно быстрая политическая и экономическая экспансия на восток, которая сродни заглыванию непрожеванных кусков пищи, началась даже несколько раньше. Так, премьер-министр Бранденбурга Матиас Платцек (Matthias Platzeck; СДПГ) в сентябре 2010 г. вновь высказался по тому поводу, что 20 лет назад произошло не объединение Германии, а фактически аншлюс ГДР, одним из следствий чего стала «беспощадная деиндустриализация Восточной Германии».

« **Владимир Пантин (Vladimir Pantin), Россия, заведующий отделом ИМЭМО РАН:** *«По-видимому, произойдет усиление Германии как лидера Евросоюза».*

Немецкая экономика оказалась гораздо более устойчивой к мировому финансово-экономическому кризису, чем американская. Если США вынуждены сокращать импорт, то сектор розничной продажи в Германии демонстрирует стабильность, при том что Германия — импортер номер два в мире после США. Безработица в Германии в отличие от аналогичного показателя Америки показывает минимальные значения за последние 16 лет.

Германия всегда благосклонно относилась к идее объединенной Европы. Ряд аналитиков связывает это с тем, что новая европейская идентичность была для немцев более привлекательной, чем дискредитированная национальная идентичность. Но представительство Германии в органах ЕС не соответствует ни ее доле населения, ни вкладу в бюджет Евросоюза. При населении, составляющем 17% от всех жителей ЕС, в Европарламенте только 13% мест принадлежит Германии, а в Совете министров — лишь 8%. При том что страна финансирует 20% бюджета ЕС, на нее саму расходуется только 12% бюджетных средств.

Роль экономического локомотива и донора Евросоюза, исполняемая в ущерб национальным интересам, не встречает энтузиазма ни со стороны населения Германии, ни со стороны ее политического руководства. Так, по данным опроса Forsa, 56% немцев не считают нужным тратить немецкие деньги на спасение евро, а 64% считают идею евро бесперспективной.

Принимая вышеизложенное во внимание, можно представить себе положение, при котором Германия будет демонстрировать все больший отрыв в области экономической мощи от остальной Европы и будет проявлять все меньше желания поддерживать реципиентские настроения других стран. Тогда возможно возникновение вопроса о донорстве в обмен на «правильную организацию экономики» под контролем Германии. Более того, возможно, что при определенном раскладе менее развитые страны могут ответить на этот вопрос согласием.

« **Саймон Германт (Simon Hermant), Канада, директор по развитию компании Life Choices Natural:** *«Немцы могут и должны рассмотреть возможность выхода из ЕС, оставаясь при этом в зоне евро, где они смогут играть роль европейского лидера, аналогичную роли США в мире. Они должны покинуть пределы ЕС и стать источником активности — это в их силах».*

В этом ряду возможно предположить и своего рода возвращение к старому немецкому плану «Срединная Европа» (Mitteleuropa-Plan): лидерство Германии, ограниченное Центральной и Восточной Европой.

Четвертое место в рейтинге возможных трендов развития событий до 2020 г. занял вариант с формированием «новой европейской оси». Каждый пятый эксперт предполагается создание стратегического союза ЕС с какой-либо из новых растущих экономик (Россия, Индия, Китай).

« **Крис Нанкарроу (Chris Nancarrow), США, экономист, юрисконсульт и член совета директоров Центра для жертв нарушений прав человека:** *«Формирование стратегического союза с некоторыми из развивающихся экономик является наилучшим способом обеспечения экономического будущего ЕС. Конечно, все зависит от нюансов такого союза. Такое объединение сделает все возможное для достижения ЕС положительного торгового баланса с остальным миром».*

« **Д-р Грета Росс (Dr. Greta Ross), Великобритания, независимый консультант по проектам в области реформ здравоохранения:** *«Возможно, что экономические стратегические союзы могут быть заключены со странами, на которых европейский/американский финансовый кризис не сказался непосредственно, и такие союзы могут быть выгодными в долго-*

срочной перспективе — например, стратегические экономические связи с Индией, Китаем, Россией».

Несомненно, что интригой для мирового сообщества является развитие отношений по линии «Китай — ЕС». Здесь уместно вспомнить Збигнева Бжезинского, который заявил, что будущее не за «Большой восьмеркой» или «Семеркой», а за «Большой двойкой», куда войдут США и Китай. Но пока что нет никакой гарантии того, что эта «Двойка» сложится в соответствии с предначертанным г-ном Бжезинским прогнозом. «Двойка» может возникнуть и по линии «Брюссель — Пекин».

«**Сильвейн Райнес (Sylvain Raynes), США, партнер в компании R&R Consulting:** «У Европы есть интересы, которые расходятся с интересами Америки. А вот страны БРИК все чаще ищут друзей в Европе».

«**Фрэнк Скозафава (Frank Scozzafava), США, вице-президент по рекламе и маркетингу в компании Jobdiva Inc:** «Существует возможность формирования новой системы координат: ЕС образует стратегический союз с некоторыми из новых развивающихся экономик, таких как Китай, Индия, со всеми их денежными средствами. Не могу судить о России, но Китай и Индия — это две страны, демонстрирующие самый быстрый в мире рост населения, и денег у них больше, чем у кого-либо другого, особенно в Китае».

Но следует отметить и особую роль России и ряда других постсоветских стран в реализации сценария с формированием «новой европейской оси». С одной стороны, в случае осуществления структурной перестройки экономики, географическая, историческая и культурная близость стран Европы и России могут сыграть важную роль в возникновении новой оси «Брюссель — Москва» с дальнейшим прицелом на Пекин. Более того, в силу промежуточного географического положения и исторически сложившихся тесных отношений как с Европой, так и с Китаем Россия также неизбежно будет вовлечена в стратегическую интригу «Брюссель — Пекин».

С другой стороны, уже сегодня Россия является важнейшим стратегическим поставщиком энергии и сырья для ЕС. В дальнейшем, по мнению ряда экспертов, параметры этого партнерства могут быть расширены: необходимость искать новые ресурсы и новые рынки заставит ЕС обратить свой взор на ближайших восточных соседей. Таким образом, ось «ЕС — Москва» вполне может дополнять и даже конкурировать с осью «ЕС — Китай».

«**Том Хашимото (Tom Hashimoto), Албания/Япония, специалист в области политических наук и международных отношений в университете Нью-Йорка в Тиране:** «С точки зрения нормативов отношения ЕС — Россия должны укрепляться, чтобы: а) преодолеть необходимость ЕС в ресурсах, б) преодолеть демографические проблемы России и в) стабилизировать так называемое «совместное соседство». В ближайшие 10 или 20 лет будет нежелательным присоединение к ЕС России или Украины. В качестве решения в среднесрочном периоде для ЕС выгодно увеличить экономические связи одновременно с Россией, Индией и Китаем. Также для членов ЕС нежелательно отказываться или вносить изменения в текущую структуру ЕС до 2020 г. Т.к. ЕС — это беспрецедентный проект, последствия его краха непредсказуемы и никто из стран не готов к этому — по крайней мере, в настоящий момент».

«**Маурицио Колелла (Maurizio Colella), Италия, адвокат, владелец адвокатского бюро:** «Европейскому союзу нужны ресурсы и новые рынки, и в любом случае возникнет необходимость увеличить их с помощью России и/или других больших республик бывшего Советского Союза (вероятнее Казахстана, чем Украины), но боюсь, что до 2020 г. влияние Америки будет слишком сильным и помешает этому».

Однако стоит отметить, что более «регламентированный» вариант похода Европы на восток — сценарий «Восточный прорыв», который подразумевает увеличение ресурсов ЕС за счет включения в Евросоюз крупнейших республик бывшего СССР (России, Украины, Казахстана) — собрал всего лишь 5% голосов. Это свидетельствует о весьма скептическом отношении экспертного сообщества к европейской экспансии на восток в качестве ресурса преодоления кризисных явлений и дальнейшего развития.

«**Али Демир Кутлай (Ali Demir Kutlay), Турция, экономист в компании China Innova Group:** «Европейский союз будет расширяться на восток. Формирование единого европейского государства или формирование новых объединений меньшего масштаба может все еще быть на повестке дня ЕС, но сегодня он остро нуждается в новых партнерах и новых экономических ресурсах. По сути, Европейскому союзу нужны надежные партнеры для тех или иных соглашений. Поэтому сейчас определенно удачный момент для расширения на восток».

«**Алексей Мухин (Alexei Mukhin), Россия, генеральный директор Центра политической информации:** «Стратегический союз ЕС с Россией даст возможность европейской экономике избавиться от фобий, на которых играют США (излишняя энергетическая зависимость от России и т.п.) и выправить ситуацию с так называемыми «молодыми» членами Союза, стимулировав их экономики российским сырьем».

Вполне очевидно, что такое положение связано с европейским опытом интеграции постсоциалистических стран, которое было крайне нелегким, а также с тем обстоятельством, что в период кризиса эти самые постсоциалистические страны повисли тяжким бременем на бюджете Евросоюза.

Вообще, кроме «Поляризации», каждый из радикальных сценариев развития событий, который может повлечь за собой серьезные изменения статус-кво, набрал не более 10% сторонников. Так, каждый десятый эксперт считает вероятным тренд «внешнего покровительства», т.е. усиления зависимости ЕС от США. Эта точка зрения не лишена ни логических оснований, ни исторических прецедентов. Очевидно, что США рассматривают Европу как основного и главного союзника в осуществлении собственных геополитических планов. В этом смысле послевоенный «План Маршалла» не был исключительно благотворительной акцией, но созданием мощного плацдарма на границах основного противника США — СССР. Но с исчезновением «советской угрозы» Европа все в меньшей степени заинтересована в осуществлении функций партнера США, особенно в части военных акций в регионах, значительно удаленных как от самой Европы, так и от зон ее жизненных интересов. Вместо этого европейцы все в большей степени переключаются на решение собственных проблем.

«**Ксения Темникова (Ksenia Temnikova), Россия, зам. генерального директора Международного инновационного центра, главный редактор журналов «Проектное финансирование» и «Деловой английский язык»:** «Увеличение зависимости ЕС от США может формироваться под влиянием совокупности политических, экономических и военных факторов. В этом плане необходимо применять «широкий» (а не «узкий») подход, рассматривая не только взаимоотношения ЕС и США, но и в более широком плане — политические, экономические и военно-стратегические взаимоотношения ЕС и НАТО».

«**Джужьетто Кьеца (Giulietto Chiesa), Италия, независимый журналист:** «Тенденция состоит в подчинении поведению и интересам США. Но кризис наступает, а Европа, следующая такому тренду, не сможет противостоять ему. Это означает, что некоторые радикальные изменения возможны, поскольку они продиктованы обстоятельствами».

Гипотетически, в случае неблагоприятного для ЕС развития событий при одновременном росте влияния и возможностей США, нельзя полностью исключить вариант сценария, напоминающий послевоенное содействие США возрождению Европы. Также очевидно, что

если такой план и будет когда-либо осуществлен, то целью его будет, во-первых, более плотное вовлечение Европы в глобальную игру США, а во-вторых, предотвращение сближения Европы и Китая с целью их объединенного противостояния лидеру монополярного мира — Соединенным Штатам.

Практически равные шансы (9%), по мнению экспертного сообщества, и у сценария «Соединенные Штаты Европы», подразумевающего превращение ЕС в федеративное государство.

«**Александр Этерман (Alexander Eterman), Израиль, экономист, независимый аналитик:** «В ЕС будет продолжаться процесс создания Соединенных Штатов Европы. Не думаю, что он завершится к 2020 г. ЕС сохранится в нынешнем виде. Нынешний Союз продолжит достаточно динамично развиваться в сторону большего объединения. Европе надо энергично работать над собой».

«**Ахмед Саад (Ahmed Saad), Саудовская Аравия, инвестиционный менеджер международной инвестиционной компании Fogas:** «Если единое экономическое правительство будет создано по принципу «Соединенные Штаты Европы», то это — жизнеспособно. В противном случае политическое правительство будет ограничено в действиях. Так, в политической экономике любая идея потерпит неудачу, если в основе своей не имеет денежных ресурсов».

При всех европейских противоречиях в Европе достаточно сторонников полного политического объединения.

«**Оливье Буйретт (Olivier Buirette), профессор современной истории в Университете Новой Сорбонны:** «Кризисы являются катализаторами истории. Начавшись в 2008 г., он в 2020 г. предоставит ЕС возможность создания союза».

«**Паоло Раймонди (Paolo Raimondi), Италия, экономист, автор статей в итальянской ежедневной газете ItaliaOggi:** «Лично я хотел бы, чтобы Европа была способна правильно и мужественно реагировать на проблему выбора пути дальнейшего развития Соединенных Штатов Европы. Правильным решением могли бы стать переговоры, проведенные в ближайшее время. История доказывает, что Европа и европейские лидеры не всегда реагировали на происходящее должным образом. Успех будет способствовать стабилизации во всем мире; отказ же — к дестабилизации».

Но, как верно отметил известный германовед Генрих Винклер (Heinrich August Winkler), «авторитет Европы на международной арене зависит не от ее размеров, но от готовности и способности создать институциональные и психологические условия для развития европейской ментальности, европейской общности. Для этого очень важно научиться принимать важные решения в сфере внешней политики не методом межправительственных соглашений, но через голосование большинством... Я лично очень бы хотел, чтобы в один прекрасный день Европа действительно стала федерацией. Однако это нельзя спустить сверху — нет, это должно вызреть изнутри».

Очевидно, что вероятность осуществления подобного сценария, равно как и сценария внешнего покровительства, прямо пропорциональна остроте проблем, с которыми потенциально может столкнуться Евросоюз.

Наконец, за сценарий «Коллапс» (ликвидация ЕС) проголосовало только 4% опрошенных.

«**Адриано Бенайон (Adriano Benayon), Бразилия, профессор экономики в университете Бразилиа:** «Здесь можно только гадать. Наиболее вероятным исходом представляется финансовый и экономический крах».

« Кельвин Баумгартен (Calvin Baumgarten), США, основатель российско-немецкой международной неправительственной организации: *«Думаю, что сначала начнется поляризация, а потом наступит крах».*

При этом необходимо отметить, что большинство аналитических гипотез краха Евросоюза, таких как парад дефолтов или распад европейского рынка, по умолчанию исходят из условия отсутствия политической воли лидеров стран ЕС или их желания договариваться. Однако переговорный процесс всегда был сильной стороной европейской политической культуры, что, по-видимому, и заставляет большинство экспертов сомневаться в осуществимости таких сценариев.

Пожалуй, наиболее интересным в ответах на этот вопрос стали их значимые различия в разных пулах экспертов — «россиян», «европейцев» и «представителей остальных стран мира». Распределения мнений экспертов из разных групп в отношении наиболее популярных трендов развития событий в ЕС приведены в **Диаграммах 4Б, 4В и 4Г** соответственно.

Как мы видим, в отношении сценария «Консервация» все эксперты проявляют единодушие. Однако дальше мы наблюдаем разные «картинки мира». Для европейцев и россиян на втором месте однозначно оказывается сценарий «поляризации». Но если выбор данного тренда европейцами (30%) диктуется максимально «приближенной» актуальностью для

них этой темы и эмоционально-пристрастным отношением к ней (в зависимости от выбранной «стороны баррикад»), то российским экспертам (которые еще в большей степени уверены в таком исходе — 36%), видимо, легче представить себе «авторитарный» вариант развития событий. Именно они чаще всего предполагают установление в ЕС новых правил, легитимирующих разные «веса» для разных стран-членов.

Для экспертов из прочих стран такой поворот событий, напротив, представляется менее реальным (25%), зато гораздо более логичным им кажется тренд «Главенство Германии» (почти 40%). Для Европы такой расклад представляется менее очевидным (26%), а в России вариант с гегемонией одной страны вообще мало

¹ Экспертам предлагалось выбрать более одного варианта ответа, поэтому сумма может превышать 100%

кто всерьез рассматривает (15%). Также россиянам кажется менее вероятным, чем всем остальным экспертам, наступление сценария «Новая ось», хотя, казалось бы, они должны быть весьма заинтересованы в развитии именно этого тренда.

Таким образом, в целом картина вырисовывается следующая. Наиболее вероятный сегодня, по мнению большинства экспертов, инерционный консервативный сценарий развития событий в Европе, вероятней всего, приведет к тому, что в ЕС, который сохранится в своих нынешних границах, постепенно выделится ядро сильных экономик, а общий тренд «разноскоростного движения» будет усиливаться. Реализация такого сценария чревата усилением центробежных тенденций и расколом ЕС в более долгосрочной перспективе. Но есть и другой путь — путь достаточно смелых реформ. В первую очередь он связан с усилением интеграции и ужесточением контроля бюджетной дисциплины стран-участниц — созданием общего регулятора финансовых рынков и в перспективе Европравительства. Во-вторых, на этом пути обретут жизнь различные проекты нового стратегического сотрудничества. Выбор вектора новых партнерств будет зависеть от выбора стратегии дальнейшего развития объединенной Европы.

Европейское правительство

Будущие 10 лет европейской интеграции потребуют больше усилий и принесут больше проблем участникам в процессе, чем 10 прошлых лет интеграции.

Александр Апокин (Alexander Apokin), Россия, Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, ведущий эксперт

Практические действия европейских властей по преодолению последствий кризиса, обусловленные инерцией логики государственного управления, оказались достаточно ожидаемыми и предсказуемыми. Поскольку кризис начался в финансовой сфере — и начался он вследствие того, что контролеры финансового рынка не смогли купировать опасный рост объема торгуемых деривативов, — то необходимо усовершенствовать систему контроля в финансовой сфере, создать очередную «комиссию наблюдения над комиссией слежения».

«**Саймон Германт (Simon Hermant), Канада, директор по развитию компании Life Choices Natural:** «Когда-то европейская финансовая и банковская системы были символами совершенной банковской и бюджетной политики. Финансовый экономический кризис 2007–2009 гг. выявил истинное лицо европейской банковской системы. Заявление европейских банков о том, что им удалось избежать ошибок, с которыми столкнулись их американские коллеги, выглядело обескураживающе на фоне их дальнейшего упадка, продаж и национализации. Неудивительно, что евро упал, а некоторые государства-члены находятся в таком бедственном экономическом положении».

Такой подход получил поддержку известного нобелевского лауреата в области экономики Дж. Стиглица: «К счастью, сегодня мы можем отпраздновать победу идеи финансового регулирования и в Европе, и в США. В конце концов, почти все согласны, что кризис, который охватил мир и, видимо, затянется еще на годы, обязан своим возникновением издержкам дерегулирования, основы которого были заложены еще 30 лет назад при Маргарет Тэтчер и Рональде Рейгане. Полностью свободные рынки и неэффективны, и нестабильны».

Аналогичное положение было сформулировано главой Европейского центрального банка Жаном-Клодом Трише (Jean-Claude Trichet), заявившим, что истоки финансового кризиса возникли еще несколько лет назад, когда Германия и Франция нарушили положения пакта стабильности. «Немецкой общественности следовало бы так бурно реагировать на нарушения европейского пакта стабильности не сейчас, а еще в 2004 г.», — сказал он.

« Д-р Грета Росс (Dr. Greta Ross), Великобритания, независимый консультант по проектам в области реформ здравоохранения: *«ЕС продемонстрировал свою уязвимость, поскольку успех и стабильность евро во многом зависят от долговременного взаимного следования денежно-кредитным правилам всех государств — членов ЕС. Непрочность евро стала также очевидной вследствие банкротства Греции, поскольку Греция не смогла следовать правилам денежно-кредитного контроля. Кризис выявил тот факт, что практический эффективный внешний контроль над политикой таких стран непрост для реализации, а выход из экономических трудностей с помощью более богатых стран (таких, как Германия) не является удачным решением».*

ВЕС был подготовлен план реформы регулирующей системы финансовых рынков на основе проекта бывшего главы центрального банка Франции и директора-распорядителя МВФ Жака де Ларозье, который предполагает создание двух групп надзорных органов. В первую группу, которая будет называться Европейским советом по системным рискам (European Systemic Risk Board, ESRB), войдут центральные банки стран — членов ЕС. В задачи совета будет входить общий мониторинг состояния финансовой системы и раннее предупреждение Еврокомиссии о любых признаках кризиса. Задачей второй группы — Европейской системы финансовых наблюдателей (European System of Financial Supervisors, ESFS) — будет контроль исполнения общеевропейских банковских правил и принятия антикризисных мер¹.

Основным препятствием на пути реализации новой системы стали позиции отдельных стран, опасющихся потери контроля над собственными финансовыми системами. Так, с соответствующим заявлением выступила Великобритания, являющаяся основным финансовым центром Европы. Эксперты полагают, что и позиция других стран в отношении новой системы регуляторов будет также весьма сдержанной и ориентированной на то, чтобы ограничиться координацией национальных органов.

« Сильвейн Райнес (Sylvain Raynes), США, партнер в компании R&R Consulting: *«Европа проявила себя в меньшей степени сплоченной, чем от нее ожидали. К несчастью».*

Аналогичная позиция наблюдается и в отношении европейского экономического правительства. Рождение идеи европейского экономического правительства явилось одним из стратегических ответов ЕС на вызовы кризиса и угрозы реализации потенциально неблагоприятных сценариев развития. Председатель Европейского совета Херман ван Ромпей и глава Европейской комиссии Жозе Мануэл Баррозу впервые заявили о необходимости создания европейского экономического правительства на Брюссельском экономическом форуме в мае 2010 г. Это случилось сразу после «греческого кризиса», когда еврозона оказалась на краю пропасти и могли реально потребоваться экстраординарные меры для спасения не только евро, но и проекта под названием «Европейский союз».

« Иван Леве (Ivan Lowe), Италия, основатель и партнер крупной инвестиционной компании в Нью Йорке: *«В политически мудрой Европе царит неразбериха, поскольку там очень много необъединенных стран с совершенно разной политикой. У США единое правительство, у Европы же разные правительства в разных странах. Очевидно, проблема состоит в том, что политика едина для всех европейских стран. Само понятие ЕС значительно, но результаты пока не впечатляют».*

« Руслан Гринберг (Ruslan Grinberg), Россия, член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН: *«Европа нуждается в экономическом правительстве, а национальные эгоизмы не позволяют его создать».*

¹ Подробно система де Ларозье проанализирована в докладе Института посткризисного мира «Финансовая архитектура посткризисного мира: эффективность решений».

Это заявление о создании европейского правительства сразу вызвало множество вопросов и дискуссий.

«**Игорь Аверин (Igor Averin), Украина, технический директор ТРК «Люкс»:** *«Идея совершенно непонятна. Дело не только и не столько в «единости» правительства. Все зависит от того, что это будет за правительство? Чьи интересы оно будет защищать? Впрочем, в любом случае Европе не избежать мощных социальных катаклизмов, которые и откроют дорогу новому переделу собственности и списанию долгов. Сохранит ли после этого Европа свою целостность — большой вопрос. Уверен, что нет».*

«**Кейт Роджерс (Keith Rogers), Канада, доцент в Королевском университете:** *«Трудно сказать, что может означать единое экономическое правительство. Для того чтобы быть эффективным, правительству (или органу управления) необходимо формировать расходы отдельных стран-членов и, следовательно, социальной политики. Без этой способности центральное экономическое правительство будет неэффективным; с этой способностью оно будет выходить за рамки своего экономического мандата».*

Однако в дальнейшем, по мере ослабления остроты ситуации, политики довели до сведения общественности, что создание какого-то нового исполнительного органа не подразумевается. Речь идет о согласовании экономической политики стран ЕС.

Так, на встрече бундесканцлера Германии Ангелы Меркель и президента Франции Николя Саркози, состоявшейся 14 июня 2010 г. в Берлине, оба лидера подтвердили намерение создать единое европейское экономическое правительство. «Нам необходимо сильное экономическое правительство, еще более сильное, чем то, которое мы имеем сейчас», — заявила лидер Германии. При этом было отмечено, что речь не идет о создании новых управленческих структур, под экономическим правительством должен пониматься Совет глав государств 27 стран — членов Евросоюза. При этом политики пришли к единому мнению о необходимости повышения степени ответственности за несоблюдение договорной дисциплины вплоть до лишения нарушителей права голоса.

На европейском бизнес-саммите, прошедшем 30 июня — 1 июля 2010 г. в Брюсселе, термин «экономическое правительство» уже не употреблялся, хотя он явно присутствовал в подтексте выступления председателя Совета Европы Х. Ромпея, который подчеркнул, что использование единой валюты в 16 европейских странах означает необходимость строжайшей координации финансовой и бюджетной политики. «Общая валюта означает, что общая и судьба», — заявил он.

«**Джорджо Витанжели (Giorgio Vitangeli), Италия, директор журнала La Finanza:** *«Политический союз — это потребность. Иначе Европейского союза попросту не существует; валютный союз также долго не протянет. Будет существовать только общий рынок, который предпочла бы Англия. Но политический союз не означает исчезновения разных наций. Корни наций уходят в глубину веков, а их ветви тянутся через настоящее в будущее. Объединенная Европа будет сильной, если будут сильны ее нации».*

Также было отмечено, что в существующих условиях необходимо использование жестких санкций в отношении государств — нарушителей единых правил государственного бюджетирования, при этом механизм применения санкций должен вступать в действие автоматически, без дополнительных обсуждений и решений со стороны европейских руководителей.

«**Д-р Грета Росс (Dr. Greta Ross), Великобритания, независимый консультант по проектам в области реформ здравоохранения:** *«Будущая объединенная Европа может стать реальностью, но для этого прежде всего необходимо больше равенства на игровом поле экономики и намного больше прозрачности и доступности для всеобщего обозрения того, как*

каждая страна управляет бюджетом. А такие перемены вряд ли наступят в ближайшем будущем».

Несмотря на скепсис многочисленных наблюдателей за текущим переговорным процессом, первый принципиальный шаг на этом пути был сделан: в сентябре текущего года было объявлено, что Евросоюз приступил к созданию первой в мире наднациональной системы по контролю финансовых рынков. Организация начнет работу с 1 января 2011 г., и возглавит ее председатель Европейского центрбанка Жан-Клод Трише. Как отметил еврокомиссар по вопросам внутреннего рынка Мишель Барнье: «Мы достигли исторической вехи в создании механизма финансового регулирования». Впервые в истории европейские агентства по финансовому контролю получают полномочия, превышающие полномочия национальных правительств, что, очевидно, означает продолжение централизации власти в Брюсселе. Таким образом, в данном вопросе большинство аналитиков оказались консервативнее в своих ожиданиях, чем политические элиты — в действиях. Мы стали свидетелями серьезной инновации, сильного шага в дальнейшей интеграции экономических политик европейских государств.

Выяснение отношения мирового экспертного сообщества к идее создания единого экономического правительства ЕС также стало одной из целей нашего исследования. Расклад мнений по соответствующему вопросу отражен на **Диаграмме 5А**.

Как мы видим, экспертное сообщество распалось на три примерно равные части. Одна часть (32%) не приемлет эту идею либо считает ее непонятной. Высказывания экспертов позволяют выделить целый ряд причин для скепсиса в этом вопросе.

Во-первых, степень различия в уровне развития стран, входящих в Евросоюз, просто не позволит в должной мере обеспечить адекватные условия как для «бедных», так и для «богатых» его членов — и лишь усилит эту разность потенциалов.

«**Джей Пенисбург (Jay Penisburg), Франция, специалист по международному бизнес-праву в международной юридической фирме:** «Это неудачная идея, потому что экономика в разных странах Европы различна. В случае создания единого экономического правительства пострадают многие государства. Не думаю, что это может помочь бедным странам или стать стимулом для решения их собственных проблем. Сильные государства должны помогать слабым, но не посредством единого экономического правительства. В случае создания единого экономического правительства существует два возможных сценария развития событий: бедные страны не смогут соответствовать остальным (или же их попытки закончатся неудачей), или богатые страны обеднеют».

«**Любовь Фадеева (Liubov Fadeeva), Россия, д.и.н., профессор, зав.кафедрой политических наук Пермского государственного университета:** «Идея не вполне понятна в связи с серьезными различиями между «старой» и «новой» Европой и с нарастающими в обществе опасениями по поводу еврократии».

Во-вторых, подчинение всех стран, входящих в Евросоюз, единому экономическому правительству создает угрозу национальному суверенитету, на потерю которого многие государства пойти не готовы.

«**Кельвин Баумгартен (Calvin Baumgarten), США, основатель российско-немецкой международной неправительственной организации:** *«В этом случае мы потеряем свободы в отношении своего суверенитета».*

«**Евгения Зайцева (Evgenia Zaiceva), Латвия, председатель правления Латвийской корпорации бухгалтеров и экономистов:** *«Единое экономическое правительство в ЕС невозможно, т.к. на арене есть несколько очень сильных игроков — Германия, Франция, Великобритания, Польша, которые никогда не откажутся от национальной независимости в пользу единого экономического (а фактически — политического) управления».*

В-третьих, сама идея централизации власти и процессов принятия решений пагубна, т.к. усиливает риски и подрывает демократические основы жизни европейского общества.

«**Илья Юданов (Ilya Yudanov), Россия, старший научный сотрудник Института катализа им. Г.К. Борескова СО РАН:** *«Одной из наиболее сильных сторон ЕС полагаю полицентричность. Наличие единого центра снижает устойчивость системы, т.к. повышает риск принятия и проведения в жизнь ошибочных решений»*

«**Джабин Афифа (Jabeen Afifa), Саудовская Аравия, редактор Saudi Gazette of Okaz Organization:** *«Для современного правительства централизация никогда не может стать решением. Работа должна проводиться на уровне масс, а не так, как это делается — на уровне правительств нескольких стран, уже не говоря о едином экономическом правительстве для ЕС».*

«**Гюнтер Кюттинг (Günther Kutting), Германия, директор информационного центра по операциям в Европе компании Steinway&Sons:** *«Не существует никакой необходимости экономической власти, сила Европейского союза достигается различием местных экономик».*

В-четвертых, возникают сомнения, насколько формат «единого правительства» оптимален с точки зрения экономической координации и каковы могут быть механизмы реализации подобного проекта.

«**Гулимжан Сулейменова (Gulimzhan Suleimenova), Казахстан, директор Института модернизации государственного управления, Академия государственного управления при Президенте РК:** *«Само появление идеи служит ярким доказательством обострения проблем, связанных с регулированием национальных экономик. Однако насколько наднациональная структура сможет решить накопившиеся социально-экономические проблемы?».*

«**Геннадий Кононенко (Gennady Kononenko), Россия, заместитель главы Московского представительства южнокорейской компании SoBig Co.LTD:** *«Мне не совсем понятны критерии формирования такого правительства, а также процедура его формирования. Может возникнуть дискриминация проблемных с экономической точки зрения государств, чьи представители никогда (или почти никогда) не смогут возглавлять такое правительство. А подобная ситуация полностью противоречит декларируемым ЕС принципам равноправия и демократии».*

Тем не менее, две трети участников нашего опроса считают идею создания единого экономического правительства ЕС вполне допустимой. Однако немного большая из них доля экспертов (37%) поддерживает эту идею с оговоркой о низкой вероятности ее реализации в ближайшее время. Эксперты видят несомненные преимущества данного проекта, позво-

ляющие проводить скоординированную стратегию развития ЕС и способствующие сохранению стабильности и повышению конкурентоспособности.

«**Тадас Шараповас (Tadas Šarapovas), Литва, доктор экономики, руководитель международного отдела, Университет управления и экономики:** «Если Европа продолжит идеологическую интеграцию, ей необходимо наличие эффективного координирующего органа, способствующего стабильности, а также сосредоточенного на эффективной диверсификации экономического развития».

«**Маурицио Колела (Maurizio Colella), Италия, адвокат, владелец адвокатского бюро:** «На самом деле Европейский союз не может существовать без единого экономического правительства и единой внешней политики, но боюсь, что в ближайшем будущем этого не будет».

«**Сирил Ганэм (Cyril Ghanem), Франция, независимый экономист:** «Значительная гармонизация может и должна быть достигнута прежде всего через создание единого экономического правительства (пенсии, социальное страхование, планы развития малых бизнесов...). Новые члены в настоящее время теряют рабочую силу из-за ужасного экономического положения (на Балканах и в Балтике)».

Однако претворение его в жизнь возможно, по их мнению, только в долгосрочной, а следовательно, туманной перспективе. С одной стороны, государства-участники не готовы к этому шагу в силу, прежде всего, экономических причин — в том числе и «разницы потенциалов», о которой говорилось ранее.

«**Андерс Свенссон (Anders Svensson), Швеция, специалист по налогообложению в международной аудиторской компании:** «На мой взгляд, единое экономическое управление в Европейском союзе возможно в долгосрочной перспективе и с помощью множества маленьких шагов. Некоторые меры уже были предприняты, но полная интеграция экономического управления в ЕС не может быть успешно достигнута до тех пор, пока европейские страны не сравняются по экономической силе и обеспеченности, если такое вообще возможно».

«**Крис Нанкарроу (Chris Nancarrow), США, экономист, юрисконсульт и член совета директоров Центра для жертв нарушений прав человека:** «Полагаю, что в первую очередь необходимо разделиться с негативными последствиями недавнего глобального экономического кризиса. Это включает в себя ожидание последствий функционирования недавно введенной нормативно-правовой базы, а также отслеживание того, какие страны — члены ЕС находятся в наилучшем состоянии для восстановления. Эти страны будут превращаться в лидеров при создании единого экономического правительства. В целом я считаю, что это превосходная цель для повышения роли и пользы ЕС в будущей глобальной экономической среде».

«**Елена Шадрина (Elena Shadrina), Япония/Россия, научный сотрудник в Университете Нигаты:** «Как только экономика ЕС (которая в любом случае должна играть роль локомотива) стабилизируется, идея станет актуальной».

С другой — в силу скорее культурных и социопсихологических причин: многие страны не готовы поступиться своей самостоятельностью, амбициями либо традиционалистскими стереотипами.

«**Микка Пинеда (Mikka Pineda), США, аналитик Roubini Global Economics LLC:** «Будет трудно найти руководителей, которые могут выйти на наднациональные интересы, а не просто использовать единое экономическое правительство для дальнейшего продвижения интересов своей собственной страны».

«**Максим Мошков (Maxim Moshkov), Россия, научный сотрудник в НИИ системных исследований РАН:** *«Такое образование, в принципе, могло бы сильно помочь — при условии предоставления ему достаточных полномочий. Но, боюсь, участники Евросоюза не готовы реально поступиться экономической самостоятельностью, потому и не жду этого решения в ближайшем времени».*

«**Фелиппе Кадематори Араужо (Felippe Cademartori Araujo), Бразилия, управляющий по вопросам структурированных финансов Акционерного банка Сумитомо Мицуи:** *«Это может стать возможным, только если граждане каждой из стран — членов ЕС начнут ставить интересы, жизненно важные для ЕС, выше национальных интересов».*

Как мы видим, сторонники единого экономического правительства «на перспективу» озвучивают, по сути, те же сомнения, что и противники этого проекта. Разница здесь лишь в том, что для первых это не является непреодолимым препятствием.

И, наконец, 31% опрошенных экспертов считают, что решение о создании такого правительства актуально как никогда и его необходимо создавать в самой ближайшей перспективе.

«**Олексий Рачок (Olexiy Rachok), Швейцария/Украина, партнер по инвестициям крупного швейцарского банка:** *«Такое решение назрело еще с 1992 г. с Маастрихта».*

«**Д-р Иоаннис Коккорис (Dr. Ioannis Kokkoris), Греция, советник по экономическим вопросам Управления по добросовестной конкуренции (Лондон):** *«Я думаю, что иметь единое мнение просто необходимо: в меньшей степени в сфере политики, в большей — в экономике и внешней политике... Оно должно быть сформулировано единым органом или одним человеком».*

«**Петр Соломатин (Petr Solomatin), США, партнер немецкой консалтинговой компании, консультант в области логистики:** *«Думаю, логическим шагом после политической интеграции станет образование единой структуры, которая принимает единые экономические решения, поэтому я считаю, что сейчас для этого самое время».*

Зачастую эксперты, придерживающиеся этой точки зрения, говорят об условиях и параметрах, которым должна удовлетворять данная структура.

«**Ирен Бухадана (Irene Bouhadana), Франция, генеральный секретарь Института Мира и Развития, доцент в Университете Пантеон-Сорбонна:** *«Если настало время для этого шага, необходимо точное определение, что такое единое экономическое правительство».*

«**Андрей Черепанов (Andrey Cherepanov), Россия, директор НУ «Проект национального развития»:** *«Под правительством стоит понимать не руководящий коллектив, а единые и подробные правила функционирования экономик при жестком контроле их исполнения силами специального органа, формируемого всеми государствами Европы. Единое экономическое правительство ЕС в классическом варианте может создаваться лишь в целях управления отдельными участками — например, денежно-кредитными и миграционными процессами».*

«**Саад Ахмед (Saad Ahmed), Саудовская Аравия, инвестиционный менеджер международной инвестиционной компании Fogas:** *«Если единое экономическое правительство будет создано по принципу «Соединенные Штаты Европы», то это — жизнеспособно, в противном случае политическое правительство будет ограничено в действиях. Так в политической экономике: любая идея потерпит неудачу, если в основе своей не имеет денежных ресурсов».*

В целом можно заключить, что в будущей Европе возрастут тенденции консолидации, несмотря на вспышки симпатий к идее национального суверенитета, вызванные кризисными

явлениями. Такого мнения придерживаются как резидентные, так и внешние эксперты. Это наглядно подтверждается и распределением ответов экспертов в зависимости от их принадлежности к группам «россиян», «европейцев» или «экспертов остальных стран мира» (**Диаграмма 5Б**).

Как мы можем увидеть, доля тех, кому идея европейского правительства представляется непонятной или сомнительной, во всех группах практически одинакова.

Следовательно, равны и доли не отвергающих эту идею (порядка 70%). Вместе с тем доля европейских экспертов, считающих учреждение европейского правительства безотлагательной задачей, более чем вдвое превышает соответствующую долю в группе «остальной мир». Российские же эксперты занимают промежуточное положение между европейским энтузиазмом и скепсисом остального мира.

Подобная готовность идти дальше по пути консолидации, которую демонстрирует каждый второй представитель европейской интеллектуальной элиты, входит в определенное противоречие с ожиданиями, что в ближайшее время в Европе возобладает тренд поляризации. Идея раскола, как мы наблюдали выше, также имеет немало сторонников в Европе. Или же правы их «коллеги с Востока», предполагая, что дальнейшая консолидация в Европе будет сопряжена с диктатом более сильных над более слабыми?

Все это заставляет нас обратиться к более долгосрочным трендам, которые связаны непосредственно с основами европейской модели государственности. Речь идет о «дрейфе» тех ценностей, которые лежат в фундаменте общественной организации сегодняшней Европы.

ГЛАВА 3

ЭВОЛЮЦИЯ ОСНОВ

Европа снова застыла посередине.
Ей необходимо понять, что середина является
самым сильным положением на долгосрочном этапе.

*Сильвейн Райнес (Sylvain Raynes), США,
основатель и старший партнер компании R&R Consulting*

Современный тип демократического суверенного государства появился в Европе, и до сих пор многими воспринимается как образец государственности. Между тем во многом противоречивый процесс европейской интеграции содержит сегодня признаки кризиса той самой модели государственности, которую принято считать европейской. Наибольший ущерб претерпела идея национального суверенитета. Очевидно, что процесс интеграции отражает логику взаимовыгодного развития и по мере своего углубления сулит все новые и новые преимущества. Но за национальным суверенитетом стоят века национального развития и становления национального самосознания. Интеграция и национальный суверенитет представляют собой и принципы общественной организации многих народов Европы, и особого рода ценности в глазах каждого европейца. Кроме того, такими же принципами и ценностями являются демократия, прогресс, равенство перед законом, свобода предпринимательства, рациональный подход *etc.*, которые в различные исторические эпохи определяли конкурентные преимущества Европы.

«**Сергей Пахомов (Sergei Pakhomov), Россия, председатель Комитета государственных заимствований г. Москвы:** *«Любые интеграционные процессы требуют компромиссных решений, взаимного учета часто противоречивых интересов различных стран. Национальный суверенитет в интегрирующихся между собой странах уже не может абсолютизироваться. Отказ от национальной валюты уже подразумевает отказ от национальной денежной политики и от значительной части государственного суверенитета... Дальнейшее углубление европейской интеграции потребует и дальнейшего отказа от государственного суверенитета стран-членов вначале в сфере бюджетной и фискальной политики, а затем уже и в сфере внешней политики... Этот процесс, однако, наталкивается на острые национальные противоречия между странами ЕС. Путь к выходу из конфликта вокруг национального суверенитета (а этот принцип очень глубоко внедрен в политическую культуру и национальную психологию европейцев Запада) лежит через развитие общеевропейской демократии и укрепление равенства всех граждан Европы перед общеевропейским законом. Это — в теории, на практике путь развития общеевропейской демократии будет достаточно тернистым».*

Чтобы понять отношение мирового экспертного сообщества к произошедшим изменениям, мы задавали участникам нашего исследования следующий вопрос: **«Какие из европейских принципов общественной организации в наибольшей степени утратили свое значение за последние 20 лет?»**

Как видно из **Диаграммы 6'**, больше половины экспертов предсказуемо отметили снижение для объединенной Европы значимости национального суверенитета. Этот выбор логичен в условиях развития процесса политической и экономической консолидации в Европе.

«**Миленко Гудич (Milenko Gudich), Сербия/Словения, директор Международной академии управления учителей; консультант в Институте экономики Белграда:** *«Ни один из европейских принципов не утратил своей значимости, за исключением, возможно, национального суверенитета».*

¹ Экспертам предлагалось выбрать более одного варианта ответа, поэтому сумма может превышать 100%.

Диаграмма 6
Все эксперты

«Владимир Осаковский (Vladimir Osakovsky), Россия, глава департамента стратегии и исследований в UniCredit Bank: «За последние 20 лет Европа проходила через период унификации и объединения, что само по себе — де-факто — подразумевает утрату национального суверенитета отдельными государствами. Это действительно произошло и по факту, и юридически».

«Али Демир Кутлай (Ali Demir Kutlay), Турция, экономист в компании China Innova Group: «В последние годы национальный суверенитет или национальный экономический суверенитет уменьшился. Поскольку Европейский союз пытался быть единым образованием, он оказывал влияние на экономические и социальные решения правительств».

Однако ряд экспертов подчеркивает, что тенденция к размыванию ценности национального суверенитета носит глобальный характер.

«Джузеппе Базиле (Giuseppe Basile), Швейцария/Италия, управляющий по маркетингу в области телекоммуникаций в компании Rast & Fischer: «Национальный суверенитет приходит в упадок, т.к. экономическая глобализация фактически сводит его на нет».

«Олег Неменский (Oleg Nemensky), Россия, научный сотрудник Института славяноведения РАН: «Принцип национального суверенитета постепенно уходит в прошлое, и это касается всей системы международных отношений, но Европа здесь, несомненно, лидер. На смену ему (и за счет него) приходит принцип приоритета прав человека и наднациональные структуры, эти права гарантирующие».

Прочие европейские принципы общественной организации оказались, по оценкам экспертов, значительно более сохранными.

Так, не более 15–16% экспертов отметили снижение значимости таких принципов, как:

- «стремление к прогрессу» (16%), что может быть объяснено как ростом популярности неоконсервативных теорий, так и отсутствием внятной стратегии дальнейшего развития для европейской цивилизации на новом этапе, о чем говорилось выше;

«Иоахим Зонтаг (Joachim Sontag), Германия, владелец Sontag Consult: «Стремление к прогрессу может прогрессировать, если политика действительно в нем нуждается, чего, впрочем, ожидать не приходится».

«Людек Гоуска (Ludek Houska), Чехия, менеджер проектов компании DHL IT Services Europe: «Что, в сущности, делает ЕС? Заявляет право на первенство в развитии и прогрессе, но в то же время гонится за противоположным — за исключительными социалистическими принципами, политкорректностью и равенством, доведенным до крайности, которые на деле (в случае если это заходит слишком далеко) ведут к стагнации и отсутствию гибкости».

- «рационализм и значительная роль науки в жизни общества» (15%) — во многом объясняется исчерпанностью пятого технологического уклада;

«**Руслан Гринберг (Ruslan Grinberg), Россия, член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН:** «...и, пожалуй, в жизни общества, к сожалению, утрачивает значение рационализм и роль науки».

«**Пьер-Шарль Прадье (Pierre-Charles Pradier), Франция, младший вице-президент Университета Пантеон-Сорбонна, президент Ассоциации деканов факультетов экономики и управления:** «Граждане ЕС ориентированы исключительно на краткосрочную личную выгоду, следовательно, на экономический рост. Этот мотив рационален, но недостаточен, поскольку он исключает какие-либо долгосрочные инвестиции, например, в науку и культуру, исключает любой качественный прорыв».

- «свобода предпринимательства и незыблемость частной собственности» (15%) — возможное следствие того, что в условиях высокой концентрации производства и существования крупных транснациональных корпораций свобода предпринимательства имеет гораздо меньшее значение, чем в условиях грюндерства раннего капитализма.

«**Марк Гуди (Mark Goode), США, генеральный директор и партнер Peninsula Group:** «Вряд ли можно сказать, что имело место развитие предпринимательской деятельности — по крайней мере, из того, что я знаю от своих европейских коллег. До сих пор нет рынка, который бы стимулировал развитие предпринимательства или хотя бы его поддерживал».

«**Евгения Зайцева (Evgenia Zaiceva), Латвия, председатель правления Латвийской корпорации бухгалтеров и экономистов:** «После расширения ЕС практически не работает общий рынок, потому что целью расширения ЕС было расширить рынок для сбыта товаров старых членов Союза».

В наименьшей степени утратили свое значение, по мнению мирового экспертного сообщества, такие основополагающие ценности европейского образа жизни, как:

- «гуманизм, приоритет прав человека» и «демократия» (по 13%), а также «правовое государство, равенство всех граждан перед законом» (9%) — здесь мы видим отголоски и последней балканской войны, и ужесточения антитеррористических мер, и неудачных решений, упирающихся в миграционную политику.

«**Д-р Грета Росс (Dr. Greta Ross), Великобритания, независимый консультант по проектам в области реформ здравоохранения:** «...демократия обеспечивает право граждан выражать идеи, которые могут быть кому-то политически невыгодны, и поэтому истинная демократия находится в опасности (или не существует) там, где власть жестко контролирует действия людей или групп».

«**Геннадий Кононенко (Gennady Kononenko), Россия, заместитель главы Московского представительства южнокорейской компании SoBig Co.LTD:** «Считаю, что ЕС больше не вправе декларировать претензии к какому-либо субъекту международного права по поводу нарушения прав человека, т.к. в ряде стран ЕС эти права уже нарушены, и тем самым поправлены собственные принципы ЕС, на которых строилась вся политика гуманизма и приоритета прав человека (вспомним хотя бы запрет на ношение национальной одежды мусульманами в Бельгии и стремление к этому Франции)».

«**Жиль Сан-Поль (Gilles Saint-Paul), Франция, профессор экономики в Университете социальных наук в Тулузе:** «Значимость верховенства закона снизилась из-за распространения произвола государственного вмешательства и появления особого отношения к определенным группам населения, особенно в свете политически корректной идеологии».

Анализ мнений экспертов, входящих в группы «Европа», «Россия» и «остальные не-европейские страны», не выявил значимых различий, кроме нескольких нюансов. Так, например, российские эксперты даже в большей степени, чем сами европейцы, склонны отмечать падение значения национального суверенитета (63 и 51% соответственно). В то же время эксперты-россияне значительно реже своих коллег из других стран считают, что Европой был утрачен принцип свободы предпринимательства (7 против 20%). Последнее можно объяснить недостаточной развитостью системы стимулирования бизнеса в России и, соответственно, высокими порогами выхода на рынок. Зато европейские и российские респонденты практически единодушны в том, что «правовое государство» в Европе остается незыблемым, в то время как 17% экспертов из остальных неевропейских стран в этом сомневаются.

Таким образом, оценка мировыми элитами уровня сохранности основ европейской государственности сводится в целом к следующему: Европа продемонстрировала готовность пожертвовать национальным суверенитетом ради интергации, но мегаисторический драйв, заданный когда-то лозунгом «Свобода! Равенство! Братство!», до сих пор не утратил своего значения и является одним из краеугольных камней ее развития.

«Владимир Хорос (Vladimir Khoros), Россия, д.и.н., руководитель Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН: *«Не то чтобы эти принципы утратили значение, но они подверглись эрозии в силу общего кризиса европейской цивилизации, сформировавшейся в свое время в эпоху модерна и Просвещения. Если в Европе возобладает осознание цивилизационного кризиса и стремление преодолеть его (что не исключено), то имеют перспективу опять-таки все перечисленные принципы».*

Поэтому вторым последовательным шагом стало выяснение, **какие из этих принципов социальной организации имеют наилучшие перспективы укрепления и развития.** Распределение мнений участников нашего опроса на этот счет приведено в **Диаграмме 7А¹**.

Как мы можем убедиться, фактически все перечисленные «ценностные ориентиры» имеют шанс укрепиться в будущем. Однако наиболее перспективными принципами с точки зрения дальнейшего развития оказались «гуманизм, приоритет прав человека», а также «рационализм и значительная роль науки в жизни общества» (каждый третий эксперт отметили одну или обе эти категории).

Диаграмма 7А
Все эксперты

«Петр Соломатин (Petr Solomatin), США, партнер немецкой консалтинговой компании, консультант в области логистики: *«Лучшие перспективы имеет гуманизм в связи с европейской интеграцией совершенно разных культур и стремление к прогрессу».*

«Гаэтано Капассо (Gaetano Capasso), Бельгия, трейдер на фондовых рынках, управление инвестициями: *«Думаю, будет развиваться гуманизм и права человека. Социальная сплоченность усилится, так же как рационализм. Европа становится намного больше и сталкивается с различными проблемами — таким образом, рациональные и научно обоснованные решения здесь очень важны».*

¹ Экспертам предлагалось выбрать более одного варианта ответа, поэтому сумма может превышать 100%

« Серик Аханов (Serik Akhanov), Казахстан, профессор, председатель совета Ассоциации финансистов Казахстана: *«В перспективе надеемся на усиление роли принципа рационализма в жизни общества. Резко повысится роль науки в экономическом прогрессе».*

Ненамного отстают и «демократический» блок принципов — «правовое государство, равенство всех граждан перед законом» и собственно «демократия». Четверть экспертов выбрали эти варианты ответов.

« Андерс Свенссон (Anders Svensson), Швеция, специалист по налогообложению в международной аудиторской компании: *«У демократии как формы управления есть хорошие шансы к укреплению в новых странах — участницах ЕС, т.е. в основном в Восточной Европе»*

« Марк Гуди (Mark Goode), США, генеральный директор и партнер Peninsula Group: *«Возможно, в течение последних 10–20 лет произойдет переход от незначительной национализации к демократии. Больше демократических ценностей и меньше социализма».*

Такую же долю сторонников (24%) получают «свобода предпринимательства и незываемость частной собственности», которые остаются неотъемлемым правом и основополагающим институтом демократического общественного устройства.

« Джей Пенисбург (Jay Penisburg), Франция, специалист по международному бизнес-праву в международной юридической фирме: *«Свобода предпринимательской деятельности имеет наилучшие шансы, для предпринимательства существует система права, и предпринимательство — это деньги...»*

« Томас Мюллер (Thomas Mueller), Германия, партнер в международной стратегической консалтинговой компании: *«Я не верю в госпрограммы, я верю в свободную экономику и предпринимательство...»*

За наилучшие перспективы укрепления и развития такого принципа, как «стремление к прогрессу», выступили 22% участников опроса. При этом зачастую стремление к прогрессу в представлении экспертов неразрывно связано с идеей равенства граждан, лежащей в основе либерально-демократической доктрины развития общества.

« Жанат Курманов (Zhanat Kurmanov), Казахстан, член Совета директоров Казахстанского фонда гарантирования депозитов: *«То, что составляет наибольшую привлекательность и основу роста конкурентоспособности объединенной Европы, должно получить дальнейшее укрепление: это прогресс и равенство граждан»*

« Илья Крамник (Илья Крамник), Россия, военный обозреватель информационного агентства РИА-Новости: *«Стремление к дальнейшему прогрессу по-прежнему сохраняется, более того — это залог развития общества, а правовое государство и равенство граждан перед законом являются гораздо более полезной и осязаемой категорией, чем абстрактный гуманизм и демократия «вообще».*

Логично и в полном соответствии с предыдущим вопросом замыкает перечень «национальный суверенитет» — только десятая часть экспертов отметили этот вариант ответа.

« Д-р Иоаннис Коккорис (Dr. Ioannis Kokkoris), Греция, советник по экономическим вопросам Управления по добросовестной конкуренции (Лондон): *«Национальный суверенитет становится все более и более важным для большинства стран, особенно в период кризиса. Мы были свидетелями того, что когда начала рушиться банковская система, на первый план*

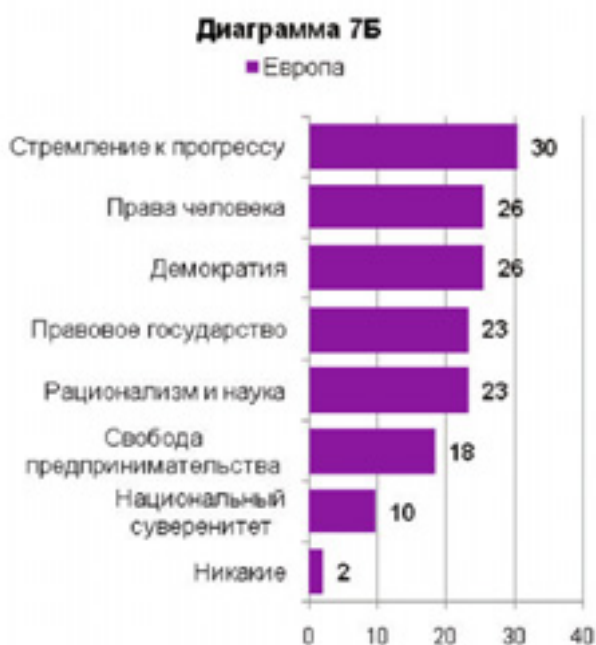
вышли национальные интересы и некоторые государства, такие как Исландия и Германия, спасали свои банки. Это становится все более очевидным и важным».

Итак, большинство указанных принципов, характеризующих либерально-демократическую модель общественно-политического устройства, получили примерно равные «права» на существование в глазах глобального экспертного сообщества. Значит ли это, что никакого «дрейфа» базовых ценностей не происходит?

Действительно, с одной стороны, либеральная демократия остается сегодня наиболее эффективной моделью экономического и политического развития, обеспечивающей высокий стандарт потребления для населения (кстати, превращению либеральной демократии в доминирующую форму политических режимов в немалой степени способствовала внешне-политическая стратегия США). Либерально-демократические ценности, на основе которых унифицировалось единое европейское пространство, начинают приобретать универсальный характер, становясь неотъемлемой частью международных соглашений.

Но, с другой стороны, несмотря на все успехи, либеральная демократия пока не является универсальной формой демократической системы. Ее весьма быстрое с точки зрения исторического процесса распространение на страны третьего мира привело к растущему в последние годы разочарованию в самой концепции «демократического транзита». Распространение демократии привело к появлению большого числа новых режимов, в которых демократические институты уживаются с чисто национальными, традиционалистскими традициями, многие из которых оказались настолько отличными от исходной англосаксонской модели, что теперь уже принято говорить о концепции «нелиберальных демократий». Не секрет, что в странах Восточной Европы и постсоветского пространства, часть из которых вошли в ЕС, национальная идея (как некогда было и в «старой» Европе XIX в.) в большей степени ассоциируется с национальным «освобождением» и защитой собственных интересов, нежели с традиционными идеалами либеральной модели. Еще больше таких стран в Азии и Латинской Америке, которые с пристальным интересом следят сегодня за событиями в Европе.

Видимо, поэтому разделение участников опроса на пулы по странам демонстрирует существенные различия в приоритетах европейских экспертов и представителей всего остального мира (диаграммы 7Б и 7В соответственно¹).

¹ Экспертам предлагалось выбрать более одного варианта ответа, поэтому сумма может превышать 100%

Как мы видим, «внешний мир» продемонстрировал полное единодушие с Европой в отношении того, что гуманизм, права человека, демократия, правовое государство и равенство граждан перед законом — по-прежнему основополагающие ценности. Но во главу угла эти два мира поставили разное. Если для большинства стран важнейшими принципами, на которых должно базироваться сегодня «правильное» общественно-политическое устройство, стали рационализм и повышение роли науки в жизни общества, то для Европы это стремление к прогрессу. Перед ценностью прогресса для европейских экспертов отступают на второй план не только рационализм и наука, но даже свобода предпринимательства. В то же время аналитикам, наблюдающим ситуацию в Европе со стороны, «стремление к прогрессу» представляется либо несколько туманной целью, либо избыточной роскошью в грядущие непростые времена.

На первый взгляд логично предположить, что европейцы, связывая свое будущее с идеями социального прогресса, делают ставку скорее на принцип прямой демократии, в то время как остальной мир в большей мере полагается на конструкции правового государства, обеспечивающего свободу предпринимательства, развитие которого происходит в том числе за счет научно-технического прогресса. Но объяснение данному феномену может лежать и более глубоко — на уровне, не побоимся этого слова, миссии, разделяемой европейским самосознанием или по крайней мере его передовым «форпостом» в лице интеллектуальных элит.

Вспомним, что к тем общим ценностям, которые разделяет сегодня объединенная Европа, она пришла в длительной и жестокой борьбе. Поэтому здесь накоплен вековой опыт плюрализма, являющегося отличительной чертой именно европейской цивилизации, опыт по выработке правил, позволяющих мирно сосуществовать и взаимодействовать гражданам и различным институтам, которые разделяют далеко не единообразные ценности. В такой доминирующей культуре не работает насильственное насаждение системы представлений и правил — она поддерживается только верховенством закона и поиском все новых, более совершенных форм общественной жизни, ведущих к росту социальной свободы и социальной справедливости. Собственно, это и есть путь социального прогресса.

«**Миленко Гудич (Milenko Gudich), Сербия/Словения, директор Международной академии управления учителей; консультант в Институте экономики Белграда:** «...гуманность и приоритет прав человека, так же как и стремление к прогрессу, которые являются важной частью европейской самоидентификации, наиболее перспективны с точки зрения развития и укрепления. Тем не менее это недостижимо без изменения общего европейского сознания (на личностном, организационном/институциональном и общественном уровне) в направлении творчества и предпринимательства».

Европейский проект федерализма действительно может стать демократической «золотой серединой», когда принятие стратегических решений предполагает переговоры и компромиссы, когда в соответствии с принципом «единство в разнообразии» политическое объединение не нарушает целостность и автономию составных частей — государств-членов и регионов. По-видимому, первым тестом на эффективность еврофедерализма станет консенсус в вопросе о том, в каких сферах prerogatives принятия решений будут принадлежать центру, а в каких — останутся за периферией. Но для этого, похоже, придется найти принципиально новую цивилизационную парадигму, которая позволит примирить такие разновекторные устремления, как дальнейшая интеграция во имя прогресса и сохранение национальных суверенитетов и самобытности, и сохранит при этом главные достижения демократии в виде гражданских свобод.

На этом пути видится целый ряд препятствий и опасностей, и одна из них кроется в усилении роли политических факторов. Эта общемировая тенденция, возникшая в связи с глобальным экономическим кризисом, привела к целому ряду позитивных вкладов в борьбу с его последствиями. Однако она может обернуться (а по мнению ряда аналитиков — уже оберну-

лась) обратной стороной медали, в результате чего, как писал английский ученый, профессор оксфордского университета **Ларри Зидентоп**¹, «экономические отношения становятся просто придатком государства и его идеологии, средством, используемым властью для навязывания собственных предпочтений». Другая опасность, которую также отмечают многие аналитики, грозит в том случае, если политическая институционализация ЕС будет проходить исключительно в логике экономического детерминизма. Тогда мы рискуем получить в итоге один из вариантов «нелиберальной (олигархической) демократии».

« **Паоло Раймонди (Paolo Raimondi), Италия, экономист, автор статей в итальянской ежедневной газете ItaliaOggi:** *«Финансовые и политические интересы играют огромную роль в подрыве идеи континентального Европейского союза и единства, представляя собой опасную идеологию сепаратизма и местного, регионального эгоизма. Регионализация является другим названием олигархического контроля. Проблемы в Европе порождены не различными религиями или различными политическими взглядами. Происходят они от «наследственного» эгоизма, отсутствия экономической справедливости и отсутствия общего плана. Европа должна сформулировать необычные современные решения явного конфликта национального суверенитета, с его различными языками, историей и культурой, и проблемы современного мира, где объективно происходящий процесс глобализации будет объединять народы и предоставлять возможности для диалога. Все это было идеалами наших великих европейских мыслителей и поэтов».*

« **Владимир Миронов (Vladimir Mironov), Россия, декан философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова:** *«Долгое время Европа развивалась в окружении социалистических стран. И это заставляло соревноваться с данной системой. Социализм рухнул... и соревноваться стало не с кем. И возвращается классический капитализм, описанный Марксом... Мы живем в эпоху олигархического капитализма, и в большинстве стран (в прямой или косвенной форме) во главе государств стоят олигархи, которые объединены более мощно, чем пролетарии. Думаю, что это характерно и для стран, находящихся за рамками Евросоюза. Если все будет продолжаться в том же духе, то мы придем либо к форме глобальной империи — при внешней демократии, — либо к глобальной революции».*

Поиски новых идеологий и новых форм социальности, адекватных наступающей новой фазе мирового развития, становятся для Европы определяющим трендом. Это перекликается и с результатами **предыдущего исследования Института**², зафиксировавшими, что мировой кризис подтолкнул интеллектуальные элиты мира к осознанию необходимости дальнейшей модернизации либерализма, его адаптации к задачам предстоящего развития. В том числе большинством экспертов осознавалась неизбежность возникновения различных «конкурирующих» моделей демократии.

Все эти вопросы оказываются весьма актуальными не только для европейского экспертного сообщества, они волнуют интеллектуальные элиты и многих других стран, особенно — с формирующейся новой идентичностью (в частности, это характерно для всех стран постсоветского пространства).

« **Виктор Мироненко (Viktor Mironenko), Россия, главный редактор журнала «Современная Европа»:** *«Скорее всего, мы будем свидетелями второго этапа секуляризации политической жизни — теперь от идеологии вообще. Собственно, суть происходящего в форме «Европейский союз» процесса состоит в поиске третьей точки на экспоненте «римское право — кодекс Наполеона — ?». Сложность в том, что решение теперь должно быть не европейским, а глобальным».*

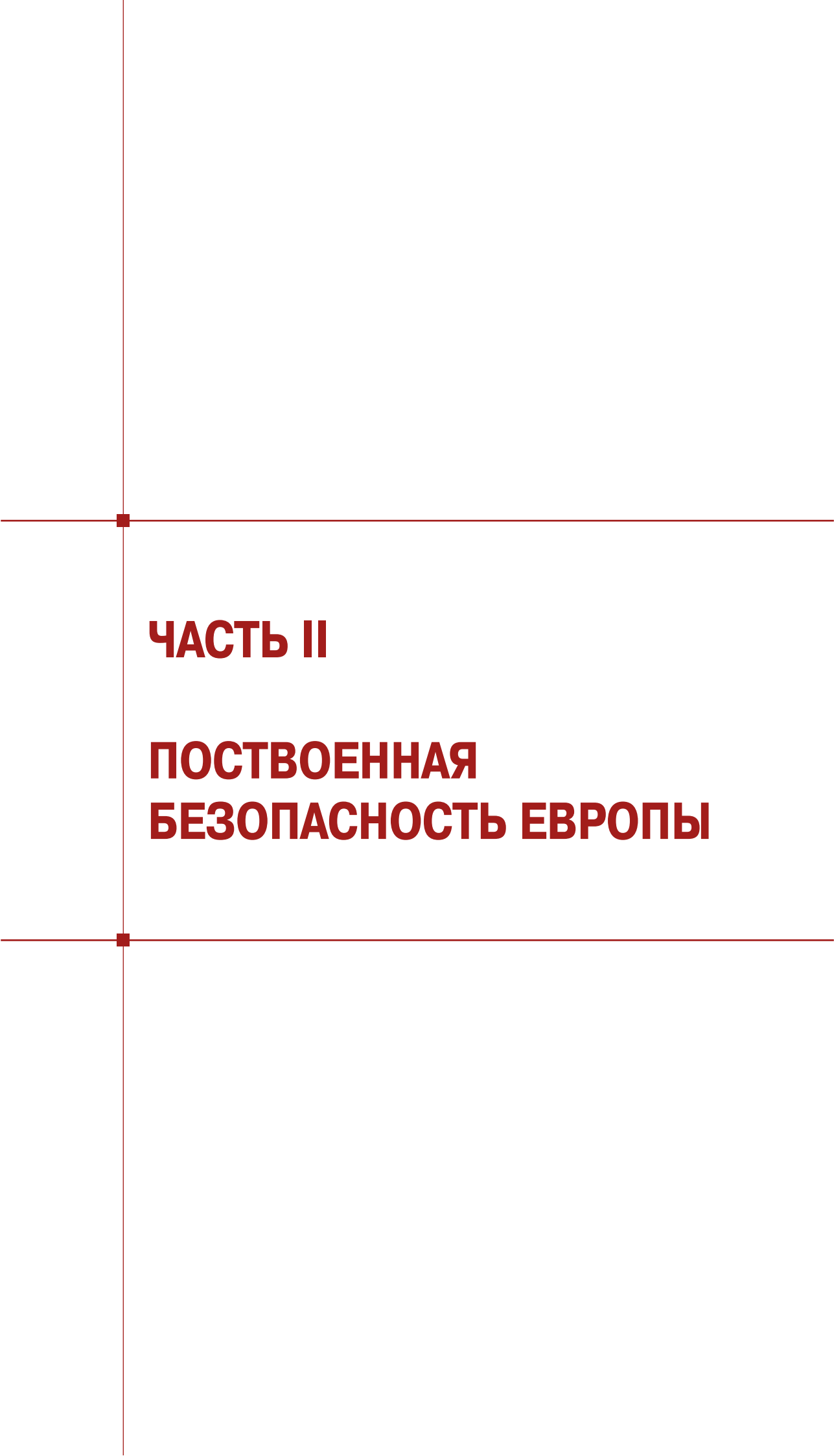
¹ Л. Зидентоп. Демократия в Европе.

² См. доклад Института посткризисного мира «Модели посткризисного развития: глобальная война или новый консенсус» (ноябрь 2009 г. — январь 2010 г.).

« Арташес Газарян (Artashes Gazaryan), Литва, основатель Школы демократии и управления: «Старая» Европа перестала быть тем, чем она была. «Новая» Европа той Европой тоже не стала — и никогда не станет. Но жизнь продолжается — поэтому и будет актуальным поиск нового национального «идентитета» и стремление к прогрессу как выходу из стагнации глобальной революции».

Таким образом, приоритет прав человека, рационализм и наука остаются в представлении мирового сообщества самыми сильными неэкономическими ресурсами Европы, ресурсами ценностного плана. Но именно формирование нового культурно-цивилизационного кода на основе стремления к прогрессу может стать безусловным конкурентным преимуществом объединенной Европы в грядущую эпоху цивилизационных кризисов, вновь подтвердив ее статус генератора и хранителя ценностных кодов, которые могут стать ориентирами для многих народов.

Сегодня мы все надеемся на успешное завершение кризиса в Европе и ждем, что его негативные финансово-экономические и социальные последствия будут преодолены, а в актуальную повестку дня вновь вернуться вопросы развития и дальнейшего социального прогресса. В то же время следует отметить, что кризис не закончился и что он обладает свойством вызывать внезапные обострения наиболее серьезных угроз, к каковым прежде всего относятся вопросы безопасности.

ЧАСТЬ II

ПОСТВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЕВРОПЫ

ГЛАВА 4

УГРОЗЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Безопасность надо понимать предельно широко — как обеспечение способности социально-экономической системы отвечать на вызовы и противостоять угрозам и опасностям — не только и не столько военным, но и всем прочим.

Николай Косолапов (Nikolay Kosolapov), Россия, зав. отделом международно-политических проблем ИМЭМО РАН

Негативные тенденции, порожденные финансово-экономическим кризисом либо обострившиеся под его влиянием, потенциально могут создать угрозы безопасности Европейскому союзу. В связи с этим экспертам было предложено ответить на вопрос: «**Каковы главные угрозы европейской безопасности в ближайшие 10 лет?**» Распределение мнений участников нашего исследования по этому вопросу представлено на **Диаграмме 8А**¹.

«**Джорджио Витанжели (Giorgio Vitangeli), Италия, директор журнала La Finanza:** «Потеря экономической конкурентоспособности — это безжалостный эффект экономической глобализации и неконтролируемой свободной торговли. Европейские рабочие не могут конкурировать с китайскими. И это реальная проблема».

Как мы можем видеть, эксперты сошлись во мнении, что наибольшую опасность представляют собой следующие пять угроз: потеря конкурентоспособности, паралич наднациональных госорганов ЕС, наплыв иммигрантов, терроризм и взрыв радикального сепаратизма. При этом проблема потери конкурентоспособности лидирует с существенным отрывом. Более половины участников опроса отметили эту угрозу.

Диаграмма 8А
Все эксперты

«**Марк Стоунер (Mark Stoner), США, региональный вице-президент ипотечной компании Milestone Mortgage:** «Главная угроза от экономического спада — это снижение занятости и бизнес-возможностей, финансовой безопасности людей, что приводит к радикальным настроениям».

«**Илья Крамник (Ilya Kramnik), Россия, военный обозреватель информационного агентства РИА-Новости:** «Падение конкурентоспособности экономики в силу отсутствия еди-

¹ Экспертам предлагалось выбрать более одного варианта ответа, поэтому сумма может превышать 100%

Примечательно, что когда речь шла о текущих проблемах объединенной Европы (вспомним первую главу настоящего доклада), конкурентоспособность ЕС отмечалась экспертами среди существенных, но отнюдь не самых главных вопросов повестки дня. Как мы видим, актуальность этой проблемы, в представлении участников нашего исследования, будет расти по экспоненте и встанет с полной остротой уже в среднесрочной перспективе. Помимо опасности обострения в этой связи противоречий между более и менее конкурентоспособными странами, о которой мы говорили в вышеупомянутой первой главе, следует учитывать, что для ЕС и Европы в целом конкурентоспособность является синонимом инновационности. Таким образом, утрата инновационного потенциала и лидерства в этой сфере также становится угрозой номер один, ведь иные конкурентные преимущества, например дешевизна рабочей силы, природных ресурсов, инвестиционного капитала и т.д., в ЕС отсутствуют.

«**Клаас ван дер Темпель (Klaas van der Tempel), Нидерланды, старший научный сотрудник в институте Clingendael:** «Что касается потерь экономической конкурентоспособности, то ЕС может сохранить конкурентоспособность, если внедрит новую социоэкономическую модель, основой которой будет устойчивость и применение инновационных технологий».

В этой связи небезынтересен рейтинг инновационности, составленный Фондом информационных технологий и инноваций (Information Technology and Innovation Foundation — ITIF) по 16 индикаторам, отнесенным к шести категориям и взвешенным с учетом значимости (**Таблица 3**). Вот эти категории:

1. Человеческий капитал: высшее образование у граждан возрастной группы 25–34 лет; число сотрудников научных и исследовательских учреждений на 1000 занятых.
2. Инновационный потенциал: корпоративные инвестиции в исследования и разработки (R&D); государственные инвестиции в исследования и разработки; доля в мировом объеме научных публикаций.
3. Предпринимательство: инвестиции в венчурный капитал; новые компании.
4. Инфраструктура информационных технологий (ИТ): современные технологии государственного и муниципального управления (e-government); широкополосные коммуникации; корпоративные инвестиции в ИТ.
5. Экономическая политика: эффективная ставка налогообложения корпораций; простота организации и ведения бизнеса.
6. Экономические результаты: торговый баланс; приток прямых иностранных инвестиций; реальный ВВП на душу населения трудоспособного возраста; производительность труда.

Также ITIF опубликовал и данные о динамике инновационного статуса (**Таблица 4**).

Как явствует из приведенных данных, ЕС не может похвастаться ни высоким рейтингом инновационности, ни его динамикой за последнее десятилетие.

Впрочем, не все, включая специалистов, занимавшихся проблемой связи инноваций и экономического роста, согласны с безоговорочной ролью науки в развитии экономики. Так, проректор Букингемского университета **Теренс Кили (Terence Kealey)** считает, что «исторических свидетельств того, что государственное финансирование науки приносит хотя бы какую-то экономическую пользу, попросту не существует. Если взглянуть на страны, лидировавшие в последние 200 лет — Великобританию и США, то окажется, что каждая из

Таблица 3. Рейтинг инновационности

Позиция	Страна	Балл
1	Сингапур	73,4
2	Швеция	71,0
3	Люксембург	66,2
4	Дания	64,5
5	Южная Корея	64,2
6	США	63,9
7	Финляндия	59,6
8	Великобритания	59,2
9	Япония	59,0
10	НАФТА*	58,6
18	ЕС-15**	52,5
20	ЕС-25***	50,6
30	ЕС-10****	36,9
33	Китай	36,0
35	Россия	35,1
38	Бразилия	30,1
40	Индия	21,6
	СРЕДНИЙ БАЛЛ	36,5

*Северо-Американское соглашение о свободной торговле (НАФТА).

** Группа ЕС-15: Австрия, Бельгия, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Ирландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Испания, Швеция, Великобритания.

*** Группа ЕС-25 включает все государства ЕС, за исключением Болгарии и Румынии, которые вступили в ЕС в 2007 г. и по которым пока нет достаточных для анализа данных.

**** Группа ЕС-10 включает 10 новых государств, вступивших в ЕС в 2004 г.: Кипр, Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения.

Таблица 4. Изменения в инновационном статусе за период 1999–2009 гг.

Позиция	Страна	Балл
1	Китай	19,5
2	Сингапур	19,0
3	Литва	14,8
4	Эстония	18,1
5	Дания	17,4
6	Люксембург	16,9
7	Словения	16,7
8	Россия	15,2
9	Кипр	14,7
10	Япония	14,4
14	Индия	13,6
19	ЕС-10	12,8
26	ЕС-25	9,4
29	ЕС-15	8,5
37	НАФТА	5,1
39	Бразилия	3,7
40	США	2,7
	СРЕДНИЙ БАЛЛ	11,2

*The Atlantic Century Benchmarking EU & US Innovation and Competitiveness
Robert D. Atkinson and Scott M. Andes ITIF February 2009, p. 2*

них становилась богатейшей страной на душу населения (и по абсолютным показателям) в отсутствие всяких вложений в науку. Каждая из них попросту практиковала *laissez-faire* и собирала налогов менее чем на 10% ВВП. Интересно при этом посмотреть на страны, пытавшиеся догнать двух лидеров. Некоторые из них — такие как Франция или Германия — делали гигантские вложения в науку. Другие, как Швейцария или Япония, по культурным или историческим причинам отказывались от финансирования этой области. И оказывается, что невозможно утверждать, что Франция или Германия преуспели в научном или экономическом плане значительно лучше конкурентов. В то же время очевидно, что, например, бывший Советский Союз или Индия, которая до последнего времени инвестировала в науку огромные деньги, все больше отставали не только в научном плане, но и в экономическом».

Однако тот же автор признает, что финансирование фундаментальной науки в США осуществляется во многом за счет частных корпораций. Если принять во внимание структуру экономики, то для Европы в меньшей степени характерны крупные предприятия, а следовательно, их возможности финансировать подобные исследования ограничены.

Тем не менее инновационный потенциал не определяется только деньгами, израсходованными на НИОКР. Важна организационная инфраструктура инноваций. В последние десятилетия в некоторых странах мира совместными усилиями государства, науки и бизнеса удалось создать «локомотивы инноваций» — национальные инновационные системы. Каждая из стран, добившаяся успеха (США, Израиль, Финляндия, Индия), шла своим путем, и оказалось, что такие модели, как Силиконовая долина или Бангалор, невозможно «тиражировать». Инновационные очаги пока имеют национальный (неглобальный) характер,

они укоренены в национальную производственную и научную традицию, опираются на собственные инженерно-научные школы. Инновации глобальны в применении, но локальны в происхождении.

Второе место среди угроз европейской безопасности заняли проблемы наднационального регулирования. На паралич наднациональных европейских государственных органов указало 40% участников опроса, что достаточно предсказуемо, поскольку феномен Греции стал для стран Европейского союза настоящим шоком. Хотя, по здравом размышлении, ничего удивительного в этом не было. В 1981 г. Грецию приняли в ЕС в надежде на ее договорное развитие, которого впоследствии не произошло. Возможность кризиса, подобного греческому, была заложена в момент образования ЕС, о чем еще тогда предупреждали многие наблюдатели. Очевидна и связь этого фактора с угрозой потери конкурентных преимуществ, которые давала европейская интеграция.

«**Сергей Пахомов (Sergei Pakhomov), Россия, председатель Комитета государственных заимствований г. Москвы:** «Наихудшей является ситуация, когда из кризиса каждая страна — член ЕС под давлением усилившегося национального сепаратизма и «поиска виноватых» в других странах будет выходить «по-своему». Тогда паралич наднациональных институтов неизбежен, а с ним и крах всей идеи европейской интеграции, и потеря конкурентных преимуществ, которые эта интеграция давала».

«**Игорь Аверин (Igor Averin), Украина, технический директор ТРК «Люкс»:** «Основная (внутренняя) угроза стабильности ЕС — это неравномерность экономического развития территорий (стран), составляющих Евросоюз. И отсутствие централизованной политической силы, которая регулированием денежных потоков могла бы делать это развитие более равномерным. Пока что эти потоки идут не на развитие территорий, а скорее на «потребительское кредитование» отсталых регионов, которое их не развивает, а только загоняет в более глубокие долги. Происходит не выравнивание развития, а наоборот — дальнейшая дифференциация, временно замаскированная возрастающим долгом «отстающих». Когда-нибудь в долг давать перестанут — и у депрессивных регионов исчезнут источники поставок, а у промышленно развитых стран исчезнут рынки сбыта».

Параллельное существование единого Центрального банка и независимой финансовой политики каждой из стран еврозоны заложило потенциальную возможность такого коллапса. В условиях господствующего тренда к общему экономическому росту эти «встроенные» противоречия можно было замаскировать или отложить их разрешение «на потом», однако первое же серьезное испытание привело к обрушению конструкции в ее слабом месте.

Еще более серьезной проблемой является, по мнению ряда экспертов, проблема отсутствия политической воли национальных правительств к формированию эффективных наднациональных органов экономического управления, которым была бы делегирована часть полномочий этих правительств. Конечно, создание первой в мире наднациональной системы по контролю финансовых рынков, которая начнет работать с 1 января 2011 г., может стать прорывным шагом. Дальнейшее продвижение по этому пути логично предполагает создание, наряду с общеевропейским Центробанком, и европейского министерства финансов, контролирующего политику бюджетных расходов государств. Но логика интеграции поневоле заставляет думать дальше. Контроль ради контроля малоэффективен без общеевропейской стратегии. Поэтому необходимо вырабатывать общие принципы рационального экономического развития, причем это становится вопросом не только европейской, но и глобальной безопасности. Ведь, по мнению многих аналитиков, глобальный финансово-экономический кризис еще далек от завершения, и любой сбой в преодолении финансовых и банковских кризисов принесет непредсказуемые последствия для всего мира.

« **Паоло Раймонди (Paolo Raimondi)**, Италия, экономист, автор статей в итальянской ежедневной газете *ItaliaOggi*: «Основной угрозой для европейской и глобальной безопасности является отсутствие координации в борьбе с банковским кризисом, финансовыми пузырями и спекуляциями. Если страны мира вслед за G-20 не в состоянии воспроизвести в современных условиях Бреттон-Вудскую систему, где стимулируются долгосрочное инвестирование и модернизация реального сектора экономики, а краткосрочные спекулятивные операциями (начиная с внебиржевых производных спекуляций) нейтрализуются, то экономическая и политическая безопасность окажется под угрозой. В этом контексте терроризм, сепаратизм, наркотики, и т.д., и т.п. предполагают большой и неконтролируемый эффект мультипликатора дестабилизации».

Третье и четвертое места в рейтинге основных угроз Евросоюзу делят такие проблемы, как наплыв мигрантов и терроризм (по 31% голосов). В определенном смысле наплыв иммигрантов, которые плохо интегрируются в европейское общество, является проблемой для Европейского союза, одной из излюбленных тем для массмедиа и поводом для образования ксенофобских партий. Европейский союз не в состоянии в исторически ограниченные сроки переварить столь большое количество людей с иными взглядами и ценностными установками.

« **Вадим Георгиади (Vadim Georgiadi)**, Армения, директор компании *Zenteq.am* (Армения), вице-президент компании *RenderX* (США): «Наплыв мигрантов из азиатских и африканских стран — это самая большая угроза культурному и цивилизационному единству».

« **Али Демир Кутлай (Ali Demir Kutlay)**, Турция, экономист в компании *China Innova Group*: «На третье место я бы поставил поток мигрантов из африканских стран, а не из Азии... поскольку поток азиатских иммигрантов в Европу не непрерывен. Скорее всего, достигнув определенного уровня благосостояния, они вернутся на родину».

« **Сергей Тетюхин (Sergei Tetyukhin)**, Россия, ведущий эксперт отдела бизнес-анализа в компании «ФОРС — Банковские Системы»: «ЕС все хуже ассимилирует мигрантов, что неизбежно приводит к конфликту между диаспорами и коренными европейцами. ЕС все больше рассматривается мигрантами как место для сладкой жизни на готовом, а не место, где можно работать и зарабатывать».

Все это неизбежно порождает культурные конфликты, вызванные столкновением зачастую весьма отличных друг от друга цивилизационных ценностей.

« **Такао Коизуми (Takao Koizumi)**, Япония, президент и генеральный директор компании *A.I.Medicine, LLC*: «Я полагаю, что многие эмигранты из Китая имеют возможность влиять на изменение культур европейских стран».

« **Андерс Свенссон (Anders Svensson)**, Швеция, специалист по налогообложению в международной аудиторской компании: «Религиозное напряжение между традиционными христианскими ценностями и ценностями радикальных мусульман, чья доля в составе населения возрастает».

Ряд экспертов отмечают и угрозы, связанные с эксплуатацией этих отличий со стороны радикально настроенных политических движений.

« **Андрей Галушка (Andriy Halushka)**, Великобритания, главный аналитик корпоративного и инвестиционного банка *Credit Agricole*: «Наплыв мигрантов из стран Азии и Африки является угрозой при условии, что эти мигранты будут продолжать отказываться интегрироваться в европейскую культуру и институты и при открытой поддержке

этой иммиграции со стороны левых партий, рассматривающих их как свою избирательную клиентуру».

« **Олег Неменский (Oleg Nemensky), Россия, научный сотрудник Института славяноведения РАН:** *«Наднациональные европейские органы явно не способны справиться с проблемами, вызванными азиатско-африканской миграцией. На этом фоне возможен быстрый рост крайне правых настроений и политических движений, которые в ряде случаев могут принимать весьма радикальные формы».*

Интересно, что более трети экспертов, которые отметили в ряду основных угроз европейской безопасности неэффективную работу наднациональных госорганов ЕС, указывают также и на опасность наплыва иммигрантов. Видимо, в их понимании это связано с отсутствием скоординированной иммиграционной политики ЕС либо серьезными проблемами в ее реализации.

Однако ввоз рабочей силы, по-видимому, неизбежен для Европы, население которой стареет и сокращается. Некоторой альтернативой иммиграции является увеличение пенсионного возраста. Так, в июле 2010 г. Еврокомиссия опубликовала соответствующие рекомендации. Ряд национальных правительств рассматривает такую возможность: в Греции пенсионный возраст, возможно, повысится в дальнейшем с 60 до 65 лет, в Испании и Германии — с 65 до 67, во Франции — с 60 до 62 лет.

В то же время, по заключению директора Института экономики труда (Бонн) **Клауса Циммермана (Klaus Zimmermann)**, увеличившиеся потоки мигрантов не привели к проблемам в виде сокращения уровня зарплат и росту безработицы в «старых» странах Европейского союза. За счет мигрантов удалось добиться роста общеевропейского ВВП, включая этот показатель в расчете на душу населения.

Циммерман указал на то, что в условиях текущего финансово-экономического кризиса произошло замедление миграционных процессов и возвращение части мигрантов из-за потери работы в страны постоянного проживания. Причинами реверсивных иммиграционных протоков было также определенное социальное давление на иностранных работников. В целом же, несмотря на то что структура потоков может меняться, тенденция к миграции с востока на запад останется неизменной — и будет носить позитивный для экономики характер.

С другой стороны, как показали недавние события с депортацией цыган из Франции в Румынию, реально существует также проблема миграций и в рамках Европейского союза.

После 11 сентября 2001 г. стало очевидным, что для всего мира терроризм обрел новое качество, несопоставимое с тем, что было прежде. Для Европы испытанием явились теракты в Мадриде 11 марта 2004 г. и в Лондоне 7 июля 2005 г. При этом, несмотря на отсутствие в Европе масштабных терактов в последние годы, эта проблема далека от решения. Этим обстоятельством и объясняется попадание угрозы терроризма в список основных угроз для Европы.

« **Д-р Иоаннис Коккорис (Dr. Ioannis Kokkoris), Греция, советник по экономическим вопросам Управления по добросовестной конкуренции (Лондон):** *«Проблемы терроризма существуют повсюду в мире, а Европа представляла собой наилучшую среду для возникновения войн, из чего следует, что внутри нее существует множество разрушительных идей, пользующихся успехом. Есть территории, где это более чем очевидно, есть различные страны ЕС, где террористические акты происходят регулярно, и сегодня, когда Европа переживает серьезный экономический кризис, это может привести к новым террористическим атакам».*

« **Аяна Манасова (Ayana Manassova), Казахстан, председатель правления Национального аналитического центра при правительстве и Нацбанке РК:** *«Терроризм становится все*

масштабнее и изощреннее по средствам и способам, а поэтому все опаснее. В указанный срок он будет нести одну из главных угроз европейской безопасности».

После окончания холодной войны терроризм потерял былую социальную и классовую окраску, но некоторые эксперты обращают внимание на тесную связь такого явления, как терроризм, с проблемой мигрантов.

«**Крис Нанкарроу (Chris Nancarrow), США, экономист, юрисконсульт и член совета директоров Центра для жертв нарушений прав человека:** *«Терроризм неизбежен при таком огромном количестве мигрантов в ЕС. Могу предвидеть неизбежные столкновения между христианскими и мусульманскими идеалами. Конечно, не все мигранты намерены вредить во что бы то ни стало. Тем не менее неблагоприятные поступки даже одной «паршивой овцы» компрометируют всех мигрантов в глазах местных жителей».*

«**Виталий Дымарский (Vitaliy Dymarsky), Россия, председатель совета директоров КРОС:** *«Наплыв мигрантов из азиатских и африканских стран предполагает и вариант ответа — терроризм».*

Взрыв радикального сепаратизма, по мнению всего экспертного сообщества, замыкает Топ-5 угроз европейской безопасности (30% ответивших).

«**Константин Матвиенко (Konstantin Matvienko), Украина, руководитель Корпорации стратегического консалтинга «Гардарика»:** *«Мы чувствуем усиление ксенофобских настроений в тех странах, для которых это никогда не было характерно. Например, в той же Франции. И у безответственных европейских политиков возникает огромное искушение поэксплуатировать в своих интересах эти настроения. Это особенно показали последние выборы в Бельгии: к власти приходят силы, заинтересованные в дезинтеграционной, мягко говоря, политике».*

Говоря об угрозе сепаратизма, нужно иметь в виду, что в Европе в настоящий момент есть несколько регионов, где остается нерешенной проблема национального самоопределения.

Так, Королевство Бельгия балансирует на грани раскола на Фландрию и Валлонию, при этом германоязычные «восточные кантоны» могут отойти к ФРГ. Баски, насчитывающие свыше миллиона человек, добиваются отделения Страны Басков от Испании, не брезгуя вооруженными акциями. Другим сепаратистским регионом в Испании является Каталония, жители которой намерены в 2014 г. провести референдум и по его результатам определить свой статус. Кроме того, в июле 2007 г. специальный автономный статус был введен для еще одного региона Испании — Валенсии, которая также входит в «каталонские земли» — район, где широко распространен каталанский язык, сильно отличающийся от испанского.

Помимо ставшей уже традиционной североирландской проблемы, в Соединенном Королевстве в последнее время обострился шотландский сепаратизм — парламентские выборы в 2007 г. выиграла Шотландская национальная партия, выступающая за образование независимого шотландского государства. Очаги сепаратизма, доставляющие определенную головную боль центральным и местным властям, есть также во Франции и Италии.

Проблема сепаратизма имеет свое зеркальное отражение — ирредентизм. Так, войти в состав Венгрии хотели бы мадяроязычные общины Румынии (в Трансильвании), Сербии (Воеводина) и Словакии. Вообще, на Балканах, даже за пределами бывшей Югославии, есть много нерешенных политических и национальных проблем.

Экономический кризис и недовольство политикой наднациональных госорганов ЕС — уже достаточный повод, чтобы раздуть застарелые тлеющие конфликты, но ряд участников исследования считают, что помимо собственных «скелетов в шкафу» угроза сепаратизма

увеличивается в связи с наплывом мигрантов. Эксперты не исключают в дальнейшем возникновения конфликта по «косовскому сценарию», опасность которого возрастает по мере расширения ЕС на восток.

«**Жиль Сан-Поль (Gilles Saint-Paul), Франция, профессор экономики в Университете социальных наук в Тулузе:** «Большое число мусульманских иммигрантов, чья интеграция весьма затруднительна, может привести к радикальному сепаратизму, как это уже наблюдалось в бывшем Советском Союзе или Югославии. Зависимость от импортируемой энергии может привести к политическому подчинению России и/или странам Ближнего Востока. Это даже может нанести ущерб национальной независимости и таким нашим ценностям, как свобода слова».

«**Сергей Трофименко (Sergei Trofimenko), Россия, партнер в коммуникационной группе «Пойнт Пассат»:** «Эта проблема будет нарастать и, в свою очередь, может привести к определенному взрыву радикального сепаратизма: области, еще не подверженные заселению мигрантами, могут также потребовать себе автономии».

«**Томас Мюллер (Thomas Mueller), Германия, партнер в международной стратегической консалтинговой компании:** «Если говорить о Европе, включая балканские страны, Кавказ и т.д., то добавляется угроза радикального сепаратизма. В ЕС, если даже Бельгия распадется, это будет сделано нормальным цивилизованным образом, и угрозы сепаратизма не возникнет».

Терроризм также зачастую имеет корни в сепаратистской среде либо среди неадаптированных мигрантов.

«**Иоахим Зонтаг (Joachim Sontag), Германия, владелец Sontag Consult:** «Думаю, взрыв радикального сепаратизма произойдет, но сам по себе он не представляет опасности. Опасность в том, что он легко находит общий язык с терроризмом, так что эти две сущности переплетены между собой».

Как показывает исторический опыт, время не очень властно над изменениями настроений сепаратистов, а конфликты, подобные косовскому, способны надолго отравить мировую политическую ситуацию и оказать самое неблагоприятное влияние на тренды мирового развития.

«**Миленко Гудич (Milenko Gudich), Сербия/Словения, директор Международной академии управления учителей, консультант в Институте экономики Белграда:** «Уверен, Европе необходимо выработать объективное понимание того, что произошло с Югославией, и сделать соответствующие выводы. На данный момент разумные объяснения событий, как со стороны тех, кто принимал в них участие, как внутри страны, так и за ее пределами, носят упрощенческий характер. Это еще один пример «политически корректного», но непродуктивного поведения».

Кроме того, стремление к независимости имеет свойство обостряться в кризисные времена, когда возникшие затруднения рассматриваются сепаратистами и регионалистами как шанс реализовать свои программы. Весьма ярко это проявилось в ходе распада СССР, когда националистическим и сепаратистским движениям удалось в ряде случаев получить реальную власть.

На территории Европы сохраняется целый ряд потенциально опасных регионов, где процветают сепаратистские настроения, часть из которых является наследием еще Первой мировой войны. Подобно торфяникам в сухую погоду, они готовы вспыхнуть и создать труд-

ноукротимую цепную реакцию пожаров — при возникновении неких условий, которые станут катализатором этого возгорания.

Хотя такая угроза, как рост популярности неонацизма, не вошла в пятерку главных, она находится на шестом месте (16% голосов). Участники исследования считают, что эта проблема обострилась в связи с кризисом и, в свою очередь, будет способствовать росту сепаратистских настроений.

«**Кельвин Баумгартен (Calvin Baumgarten), США, основатель российско-немецкой международной неправительственной организации:** *«Уверен, что централизованная власть Европа столкнется с новым взрывом радикального сепаратизма, который впоследствии ускорит развитие неонацизма или следующей фазы неолиберализма».*

«**Али Демир Кутлай (Ali Demir Kutlay), Турция, экономист в компании China Innova Group:** *«Неонацизм является огромной угрозой, которой должны серьезно озаботиться немцы. Экономический кризис в мире всегда вызывает ультра национализм».*

Масштабная экологическая катастрофа в Мексиканском заливе и аномальные колебания погоды, имевшие место в этом году; а также популяризированные Голливудом сценарии «конца света», тем не менее, не произвели должного впечатления на экспертное сообщество. Природные и техногенные катастрофы как угрозы европейской безопасности получили лишь 11 и 10% голосов респондентов соответственно.

«**Лаура Анахи Мафуд (Laura Anahí Mafud), Аргентина, корреспондент газеты El Cronista Comercial:** *«К сожалению, стихийные бедствия, вызванные глобальным потеплением, будут проблемой для всего мира. Например, в январе и феврале произошли два крупных землетрясения (в Гаити и Чили), ставшие причиной гибели людей и многомиллионных потерь для экономики этих стран. Европа столкнулась со страшным наводнением и снежными бурями. Думаю, это будет представлять угрозу в ближайшие годы».*

«**Людек Гоуска (Ludek Houska), Чехия, менеджер проектов компании DHL IT Services Europe:** *«Основным риском могут стать катастрофы, возникшие по вине человека».*

Такая угроза для Европы, как попадание в зависимость к новому центру силы, также волнует лишь каждого десятого участника исследования.

«**Серик Аханов (Serik Akhanov), Казахстан, профессор, председатель совета Ассоциации финансистов Казахстана:** *«Будет усиливаться зависимость от США»*

«**Владимир Пантин (Vladimir Pantin), Россия, заведующий отделом ИМЭМО РАН:** *«Одной из основных угроз является попадание в зависимость от нового центра экономической и политической силы — Китая».*

Американский писатель Том Клэнси в серии своих технотриллеров, написанных в конце XX — начале XXI в., ярко и подробно описал различные американские фобии, показав идеальную американскую империю, которая успешно борется с различными возникающими угрозами. Один из романов Клэнси — «Прямая и явная угроза» (Clear and Present Danger) — посвящен борьбе США с колумбийской наркомафией... Увы, наркотическая угроза в качестве реальной угрозы европейской безопасности получила только 7% голосов опрошенных экспертов.

«**Илья Крамник (Илья Крамник), Россия, военный обозреватель информационного агентства РИА-Новости:** *«Наркотическая угроза — одна из составных частей проблемы миграции, и хотя вряд ли способна разрушить европейское общество сама по себе, но объективно способствует его деградации».*

Видимо, осознание европейскими политиками малой вероятности вооруженных конфликтов и является одной из причин очередного сокращения вооруженных сил, которое в настоящее время планируется в крупнейших европейских государствах (в первую очередь в Германии, в меньшей степени в Великобритании и Франции). Вооруженные конфликты как значимую угрозу для Европы назвали лишь 5% респондентов.

«Фелипе Хасе (Felipe Haase), Чили, генеральный директор компании Alisur S.A.: «Существует большая вероятность возникновения в Европе вооруженных конфликтов, инициированных новыми соседями России, потому что они нестабильны, а их экономика неустойчива».

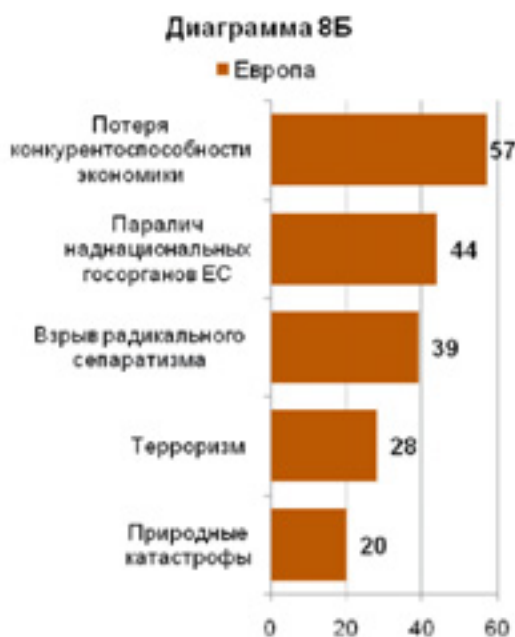
Но каков бы ни был разброс мнений, примечательно следующее: только 1% экспертов считают, что серьезных угроз для европейской безопасности, понимаемой в широком смысле, в том числе как способности противостоять вызовам, сегодня нет.

И, наконец, весьма интересным в этой части нашего исследования стал анализ различий во взглядах на угрозы европейской безопасности со стороны экспертов, представляющих различные «кластеры» — Европа, Россия и весь остальной мир. Полученную картину можно было бы озаглавить «параллельные миры» или, в лучших традициях российской пропаганды советского времени, — «три мира — три детства» (Диаграммы 8Б, 8В и 8Г соответственно).

Так, в картине мира наиболее «заинтересованной стороны» — европейских экспертов (Диаграмма 8Б) — мы видим четкую иерархию первых пяти по значимости угроз: потеря конкурентоспособности (1), паралич наднациональных госорганов ЕС (2), радикальный сепаратизм (3), терроризм (4) и, наконец, природные катастрофы (5). Попадание в этот топ-список природных катастроф, которые оказались явно периферическими угрозами для экспертов из всех остальных стран, вполне может носить ситуативный характер, т.к. за последнее время Европа пострадала от целой череды стихийных бедствий — извержения вулкана, ураганов, наводнений.

Зато наплыв мигрантов, как оказалось, является коренной проблемой, угрожающей безопасности Европы, исключительно в глазах российских экспертов. Подавляющее большинство из них вынесло во главу угла именно эту проблему (Диаграмма 8В). Объяснение этому феномену может быть двояким. Кажущееся «замалчивание» этой проблемы со стороны европейского сообщества диктуется, во-первых, вцементированной в культурные нормы политкорректностью, а во-вторых, тем, что европейцы в отличие от «внешних наблюдателей» сосредотачиваются не на истоках, а на более актуальных для них следствиях обозначенной проблемы. Сам «наплыв» — факт, с которым давно смирились, и теперь гораздо важнее, какова политика по управлению процессами адаптации иммигрантов (а это вопрос эффективности работы наднациональных органов), по согласованию интересов регионов (вопрос предотвращения взрыва сепаратизма), по минимизации других негативных последствий (терроризм и т.д.).

Иммигранты в целом приносят Европейскому союзу значительную пользу, что, по-видимому, понимают и представители всех остальных стран. Но, с другой стороны, опасе-

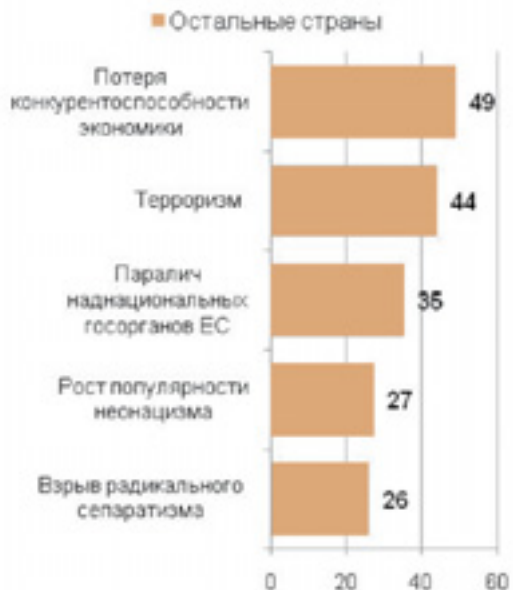

¹ Экспертам предлагалось выбрать более одного варианта ответа, поэтому сумма может превышать 100%

Диаграмма 8В

Диаграмма 8Г

ния, связанные с «засильем мигрантов», которые так явно выразили эксперты из России, могут объясняться и весьма большим авторитетом европейской культуры для российского образованного класса, который боится ее утраты под натиском чуждых культурных традиций и норм. Подобного рода отношение к европейской культуре как к самоценному феномену является ресурсом ЕС с точки зрения выстраивания отношений с Россией и, вероятно, с другими русскоязычными странами СНГ. Прочие же угрозы европейской безопасности, по мнению российского экспертного сообщества, составляют ту же цепочку, что и у европейских экспертов, но на одну «ступеньку» ниже: конкурентоспособность — паралич наднациональных госорганов — радикальный сепаратизм — терроризм.

А вот эксперты остального мира демонстрируют свою, отличную от двух других позицию в этом вопросе (Диаграмма 8Г). Так, угроза терроризма становится в их представлении почти такой же значимой для Европы, как потеря конкурентоспособности экономики. Она даже затмевает проблемы наднационального регулирования. Неожиданно серьезный вес приобретает рост популярности неонацизма, становясь вровень с угрозой взрыва радикального сепаратизма. Последнее, впрочем, может объясняться взглядом с «другой стороны баррикад»: среди этой группы экспертов немало представителей бывшего либо еще остающегося таковым третьего мира. Находясь на стороне тех, кто чаще становится объектом, а не субъектом ксенофобии, они смотрят на обратную сторону медали, которой оборачивается проблема «наплыва мигрантов» для самих иммигрантов.

Итак, проект единой Европы, ставший самым смелым и успешным интеграционным проектом второй половины XX в., в ходе мирового кризиса столкнулся с вызовами нового типа. Как мы видели, экспертное сообщество уверено, что главной проблемой европейской безопасности в обозримом будущем будет потеря конкурентоспособности экономики. Проблема ослабления конкурентоспособности фундаментальна, ее не решат отдельные меры наподобие снижения курса евро или создания наднациональной системы финансового контроля. Это лишь «эшелоны обороны», в то время как Европа нуждается в наступлении. Подобно велосипедисту, Европа не усидит в лидерском кресле, не двигаясь вперед.

В условиях кризиса, когда основные ресурсы задействованы для предотвращения потенциально возможной катастрофы, нет определенности относительно того, каким образом ЕС будет преодолевать наметившуюся негативную тенденцию в области конкурентоспособности. На этом пути возможны самые различные сценарии.

Глядя на десятилетие вперед, эксперты не исключают сценария дезинтеграции (распада) Европейского союза, с отделением интегрированного сильного ядра (Франция — Германия) от относительно слабых экономик. Однако «обратный ход» в деле интеграции может внезапно двинуться по катастрофическому сценарию. Как показал опыт Югославии и СССР, процессы распада с какого-то момента становятся неуправляемыми. В случае «отката» в деле строительства единой Европы процесс деконструкции затронет не только общеевропейские институты, но и сами государства. В этом случае Европа рискует повторить «югославский сценарий».

Сегодня наиболее вероятен выбор между концентрацией сил внутри Старого Света и внешней экспансией. Оба направления чреваты своими специфическими рисками и значительным системным риском, связанным с тем, что на реализацию любого мегапроекта может не хватить финансовых и кадровых сил. Но альтернатива превращения в периферию современного мира для Европы еще рискованней. Говоря иными словами, восстановление позиций ЕС в области конкурентоспособности с большой вероятностью сопряжено с геополитическими сдвигами и изменением баланса сил.

Как мы видели на примерах совсем недавней истории, такие изменения чреваты возникновением очагов вооруженной борьбы, при этом, учитывая наличие в Европе достаточного количества очагов сепаратизма, вооруженное противостояние возможно даже в случае внутриевропейской перестройки. Гораздо более замысловатые сюжеты с весьма большим числом точек бифуркации ждут ЕС на пути внешней экспансии. Тем не менее, Европа сегодня встала перед необходимостью вынужденной экспансии на мировых рынках, в мировой культуре и геополитике. Европейский проект находится в том неравновесном состоянии, когда невозможно состояние «покоя»: либо решительная экспансия, либо «откат» и постепенная деградация.

Исходя из этого, вполне закономерен вопрос о гарантиях и гарантах безопасности Старого Света. О них и пойдет речь в следующей главе.

ГЛАВА 5

ГАРАНТЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Эффективность институтов

Европейская безопасность лучше всего обеспечивается экономически и технологически конкурентоспособной и социально гармоничной Европой.

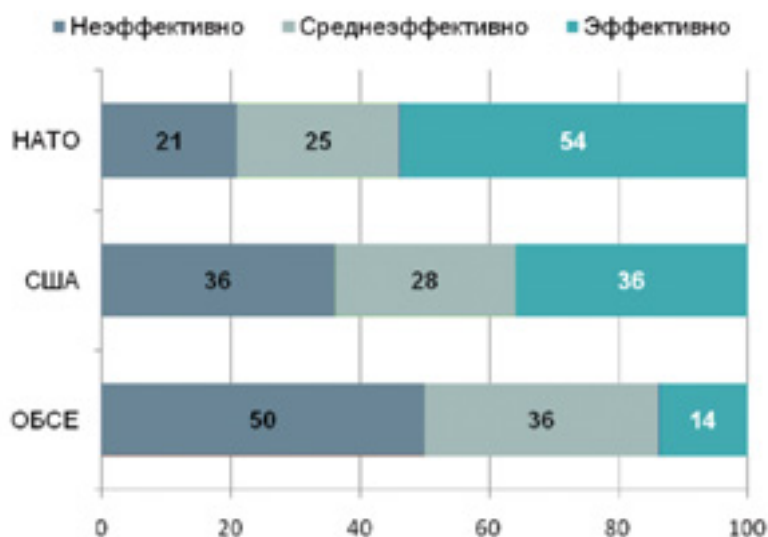
Миленко Гудич (Milenko Gudich), Сербия/Словения, директор Международной академии управления учителей (CEEMAN's IMTA), консультант в Институте экономики — Белград (Economics Institute Belgrade)

Сегодня самые главные угрозы безопасности ЕС носят в глазах мирового экспертного сообщества не военный, а экономический и политический характер. Однако значительное ослабление позиций по первому пункту и возникновение непреодолимых противоречий по второму может с большой вероятностью актуализировать вопросы безопасности в их изначальном понимании — как противостояние угрозе насилия. «Вечный мир», о котором мечтал Иммануил Кант, пока не наступил и вряд ли наступит в XXI в. Поэтому опасность возникновения военного конфликта или массовых очагов насилия всегда была и остается серьезнейшей из угроз. Европейцам это хорошо известно — хотя бы в силу того обстоятельства, что Европа была территорией, где начались обе мировые войны.

В настоящее время европейская безопасность обеспечивается двумя международными организациями: НАТО и ОБСЕ, а также Соединенными Штатами Америки как союзническим государством. В нашем исследовании экспертам было предложено **оценить эффективность этих институтов как гаранта европейской безопасности**. Оценивать предлагалось по пятибалльной шкале. Набранные баллы были сгруппированы для следующих оценок: «неэффективно» — 1–2 балла; «среднеэффективно» — 3 балла; «эффективно» — 4–5 баллов. Полученные результаты представлены в **Диаграмме 9А**.

В целом, как мы видим, менее всего обеспечение европейской безопасности эксперты связывают с деятельностью ОБСЕ, а наибольший вклад в предотвращение военных угроз, по их мнению, осуществляет НАТО.

Диаграмма 9А
Все эксперты

«Оливье Бюйретт (Olivier Buirette), Франция, профессор современной истории в Университете Новой Сорбонны: «На мой взгляд, НАТО — это безопасность для многих европейцев в современном мире».

«Владимир Осаковский (Vladimir Osakovsky), Россия, глава департамента стратегии и исследований в UniCredit Bank: «Само существование НАТО, я думаю, во многом предот-

вратило вооруженные конфликты, которые потенциально возможны в Европе еще до сих пор. В частности, между Турцией и Грецией. ОБСЕ не блещет эффективностью по той простой причине, что это больше совещательный орган, чем исполнительный».

« Д-р Иоаннис Коккорис (Dr. Ioannis Kokkoris), Греция, советник по экономическим вопросам Управления по добросовестной конкуренции (Лондон): «Я полагаю, что НАТО имеет более высокий рейтинг, поскольку располагает большими возможностями в предотвращении вооруженных конфликтов. По крайней мере, если возникнут подобные риски, то они быстро будут купированы. В конце концов, НАТО может вмешаться, в случае, если ситуация обострится до такой степени, что возникнет вооруженный конфликт. Тогда НАТО может прибегнуть к применению военной силы».

Тем не менее, с точки зрения ряда участников опроса, потенциал ОБСЕ использован далеко не полностью. Будучи сфокусированной на общеевропейском процессе, в отличие от США и НАТО, ОБСЕ могла бы стать идеальным институтом, гарантирующим европейскую безопасность.

« Александр Минеев (Alexander Mineev), Россия, собственный корреспондент «Новой газеты» в странах Западной Европы: «ОБСЕ пытается разрешить спор, используя более широкий подход, чем НАТО. Взгляд ОБСЕ более продуктивен, поскольку их деятельность распространяется не только на военную область, но и на экономику, окружающую среду, гражданские свободы и гуманитарную сферу».

« Такао Коизуми (Takao Koizumi), Япония, президент и генеральный директор компании A.I.Medicine, LLC: «ОБСЕ пытается разрешить спор, используя более широкий подход, чем НАТО. Взгляд ОБСЕ более продуктивен, поскольку их деятельность распространяется не только на военную область, но и на экономику, окружающую среду, гражданские свободы и гуманитарную сферу».

Разочарование экспертов в ОБСЕ — свидетельство длящегося вот уже более 10 лет кризиса данной организации. В предыдущей главе настоящего доклада шла речь о том, что главные вызовы современной Европе носят преимущественно не военный, а социально-экономический и политический характер. Возникает опасная асимметрия вызовов и институтов обеспечения безопасности. Опасность состоит в том, что неэффективная работа в невоенной сфере безопасности может привести к эскалации насилия, когда уже вынужденно будет включаться ресурс НАТО, США или других вооруженных сил. Вызовами нового типа и должна была бы, по идее, заниматься ОБСЕ, но эти вопросы не входят в повестку дня данной организации, находящейся во власти стереотипов XX в. Обеспечение европейской безопасности трудно представить без обновления повестки дня ОБСЕ и расширения сферы влияния ОБСЕ на восток. Поэтому и Европа, и остальной мир (по крайней мере ее ближайшие соседи) реально нуждаются в сильной ОБСЕ, а для этого сама эта организация нуждается в реформе и новой повестке дня.

США как гарант безопасности вызывает амбивалентное отношение: количество экспертов, позитивно расценивающих их роль, и критиков абсолютно одинаково. Кроме того, ряд участников исследования отводят США ведущие позиции в обеспечении безопасности Европы именно ввиду лидирующей роли Штатов в НАТО.

« Джузеппе Базиле (Giuseppe Basile), Швейцария/Италия, управляющий по маркетингу в области телекоммуникаций в компании Rast&Fischer: «Де-факто США управляют НАТО и ОБСЕ, поэтому США являются главным игроком в этой области».

«**Михаил Барабанов (Michael Barabanov), Россия, главный редактор журнала Moscow Defense Brief:** «Фактически безопасность стран ЕС обеспечивают США. НАТО имеет значение не более как инструмент американской политики».

«**Арутюн Хачатрян (Arutuni Khachatrian), Армения, главный редактор Информационного центра Ноян Тапан:** «Роль США в безопасности Европы вне рамок НАТО не очень ясна — во всяком случае, сейчас».

Но это же обстоятельство заставляет другую часть экспертов полагать, что США и НАТО, напротив, фактически наносят ущерб европейской безопасности.

«**Владимир Хорос (Vladimir Khoros), Россия, руководитель Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН, д.и.н.:** «На мой взгляд, НАТО и США больше дискредитируют, нежели поддерживают европейскую безопасность».

«**Адриано Бенайон (Adriano Benayon), Бразилия, профессор экономики в университете Бразилиа:** «Я бы с радостью ответил на этот вопрос, если бы он был сформулирован отрицательно, в особенности относительно НАТО и США: «Какая из этих организаций является более разрушительной для европейской безопасности?»

Небезынтересно, что ряд участников исследования указывают на необходимость учитывать в системе обеспечения европейской безопасности фактор альянса с Россией. При этом безопасность понимается в данном случае далеко не только в военном контексте.

«**Джульетто Кьеза (Giulietto Chiesa), Италия, независимый журналист:** «НАТО и США преследуют интересы США — и ничего больше. Учитывая дальнейшее развитие кризиса, европейская безопасность может быть защищена путем стратегического партнерства с Россией. Источником опасности является Уолл-стрит».

«**Дмитрий Данилов (Dmitry Danilov), Россия, зав. отделом европейской безопасности в Институте Европы РАН:** «Нельзя забывать, что европейская безопасность обеспечивается и другими игроками, включая Россию, организации на постсоветском пространстве. Большое значение имеют системы партнерств по линии Россия — Запад (Россия — НАТО, Россия — ЕС, межгосударственные форматы)».

К этому следует добавить, что немало экспертов отметили необходимость выйти за рамки исключительно военного контекста при обсуждении данной темы, поскольку существующие сегодня «гаранты безопасности» бессильны перед лицом современных, совершенно нового типа угроз.

«**Сирил Ганем (Cyril Ghanem), Франция, независимый экономист:** «За прошлое десятилетие угроза безопасности видоизменилась; практически невозможно, чтобы одно из «ведущих» европейских государств подверглось нападению со стороны другого. Терроризм, наркотики, информационные войны или финансовые проблемы намного более вероятны в современном мире. В какой мере ОБСЕ и НАТО более конкурентоспособны в местном масштабе, нежели правительства государств?»

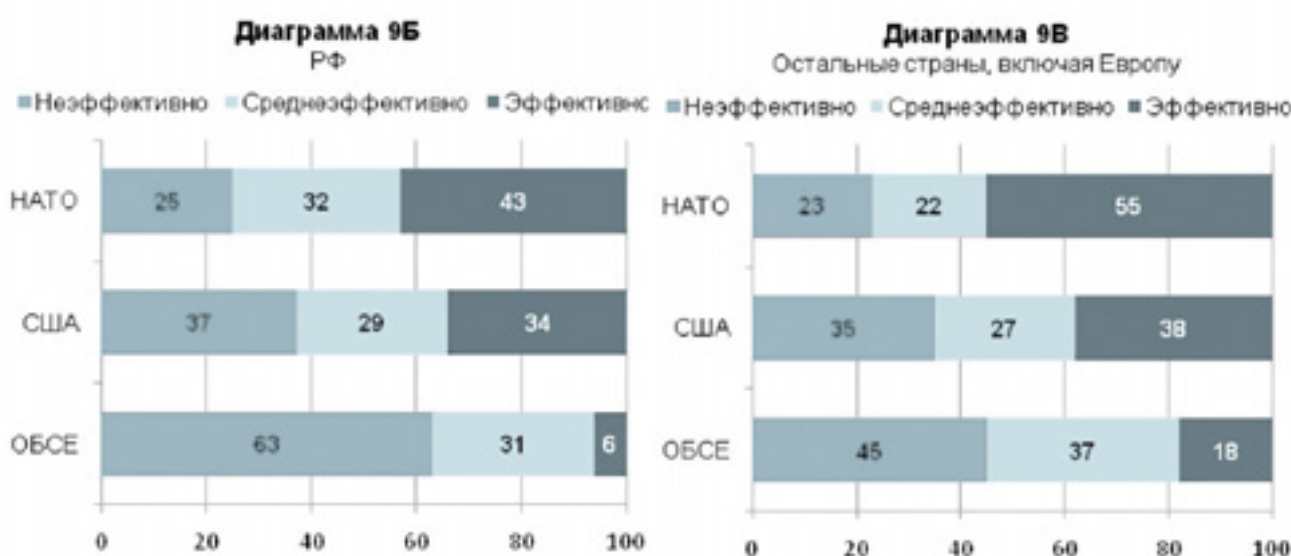
«**Владимир Миронов (Vladimir Mironov), Россия, декан философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова:** «Все зависит от характера угрозы, и ни одна из этих организаций не сможет спасти, например, от последствий глобальных катастроф, в том числе и информационного плана, или от развернутого глобального терроризма».

«**Том Хашимото (Tom Hashimoto), Албания/Япония, специалист в области политических наук и международных отношений в университете Нью-Йорка в Тиране (University of New**

York in Tirana): «НАТО гарантирует только военную безопасность. У НАТО очень ограниченные возможности реакции на экономический кризис или кризис демократии».

Сравнение мнений экспертов из разных стран об этих трех гарантах европейской безопасности показало, что в целом распределение оценок их эффективности весьма близко. Однако российские эксперты и в данном вопросе проявили выраженный по сравнению с участниками исследования из всех других стран скепсис. Их оценки демонстрируют более низкую готовность позитивно оценивать роль международных организаций, призванных обеспечивать безопасность Европы (Диаграммы 9Б и 9В соответственно).

Таким образом, лидером среди гарантов европейской безопасности оказалось НАТО. Однако, как признают наши эксперты, НАТО также является далеко небеспроблемной организацией.

Как распределились мнения экспертов о роли НАТО в современном мире, мы можем увидеть на **Диаграмме 10А¹**.

Лидерами рейтинга с минимальным разрывом оказались две, по сути, противоположных точки зрения. Согласно первой — ее разделяют 42% участников исследования — НАТО является пережитком холодной войны. В определенной мере это отражает реальное (де-факто) положение дел, поскольку блок создавался как противовес военному присутствию СССР в Европе.

« Ян Дирк Гертсема (Jan Dirk Geertsema), Нидерланды, владелец и главный консультант Business Consulting B.V.: «Безусловно, НАТО является пережитком холодной войны, а новая роль и обязанности недостаточно четко определены. Это будет сложно сделать, поскольку проще обозначить одного

¹ Экспертам предлагалось выбрать более одного варианта ответа, поэтому сумма может превышать 100%.

агрессора (страны Варшавского договора во время холодной войны), нежели их совокупность и запутанную сегодняшнюю действительность».

«**Александр Апокин (Alexander Apokin), Россия, ведущий эксперт Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования:** «Ключевая миссия НАТО исчезла в 1990 г. и с тех пор остается неопределенной. НАТО как инструмент евроатлантической интеграции, увы, в 1990-е гг. проявил себя не лучшим образом. Не слишком успешной оказалась и кампания по борьбе с терроризмом 2000-х гг. — военный блок не слишком подходит для борьбы с терроризмом, что показала не слишком успешная агрессия в отношении Ирака. В отсутствие ключевой миссии НАТО слишком велико для того, чтобы играть защитную роль (это иллюстрирует недавняя полемика правительств Турции и Израиля), а очевидного инициатора новой холодной войны пока не наблюдается, особенно в России».

При этом многие эксперты обращают внимание на неэффективность и фактическую бесполезность НАТО в настоящий момент:

«**Мустафа Бадави (Mustafa Badawy), Колумбия, предприниматель, основатель компании Colacom:** «НАТО совершенно бесполезная организация после окончания холодной войны и распада Варшавского договора. Оно не должно существовать».

«**Фарид Матук (Farid Matuk), Перу, независимый экономист:** «Помимо того что НАТО является реликвией холодной войны, эта организация показала себя неэффективной в военном плане в Афганистане».

В этой связи интерес представляет мнение бывшего канцлера ФРГ Гельмута Шмидта, который полагает, что с 1991 г. НАТО превратилось в «стратегический инструмент американцев», которые «совершают интервенции там, где считают, что не наткнутся на особо сильное сопротивление». («Ирак, Афганистан или бомбы на Белград — хрестоматийные примеры».)

Согласно второй точке зрения — количество разделяющих ее экспертов составляет 38%, — НАТО является защитником Европы, т.е. организацией, объективно отражающей интересы народов Европы в обеспечении своей безопасности. С этим тоже трудно поспорить, поскольку упомянутая организация представляет главную военную силу Старого Света.

«**Вальтраут Урбан (Waltraut Urban), Австрия, профессор экономики в Венском институте международных экономических исследований:** «НАТО частично заменяет общую европейскую политику безопасности».

«**Джермано Доттори (Germano Dottori), Италия, профессор университетов LUISS-Guido Carli, Link-Campus University:** «НАТО является страховым полисом Европы, не желающей расходовать слишком много средств на оборону. Это также инструмент влияния для предотвращения возможной ренационализации западной политики безопасности».

«**Серик Аханов (Serik Akhanov), Казахстан, профессор, председатель совета Ассоциации финансистов Казахстана:** «НАТО отражает интересы безопасности народов Евросоюза. Вместе с тем должна существовать общеевропейская система безопасности, включающая в себя защиту интересов ЕС и РФ».

К позитивным оценкам, характеризующим НАТО как блок, защищающий интересы населения Европы, можно также отнести роль «борца с терроризмом», за которую проголосовали 16% опрошенных экспертов.

«**Фелиппе Кадематори Араужо (Felippe Cademartori Araujo), Бразилия, управляющий по вопросам структурированных финансов Акционерного банка Сумитомо Мицуи:** «За по-

следние 20 лет НАТО действовало как организация, гарантирующая безопасность входящим в нее странам — от террористов, враждебных фундаменталистов или другой потенциально опасной угрозы».

...и роль «защитника демократии», которую, впрочем, упомянули только 12% участников опроса.

«**Гаэтано Капассо (Gaetano Capasso), Бельгия, трейдер на фондовых рынках, управление инвестициями:** «НАТО представлено большим количеством стран, каждая из которых имеет вес в НАТО, поэтому я думаю, что оно эффективно распространяет принципы демократии».

Таким образом, в совокупности доля позитивных оценок, характеризующих НАТО как реального защитника интересов населения Европы, составляет 67% и явно преобладают над представлениями о НАТО как о «рудименте» эпохи противостояния двух систем.

Однако столь же значительная доля оценок (68%) характеризовала НАТО как блок, который защищает (в том числе либо в первую очередь) интересы тех или иных групп.

Так, фактически каждый третий эксперт убежден в том, что НАТО — экспансионистский блок, действующий в интересах США. Здесь, на наш взгляд, сказалось сразу два обстоятельства. Во-первых, критическое отношение к НАТО со стороны экспертов из России и ряда стран СНГ, имеющее вполне понятные исторические корни. Во-вторых, нашли свое отражение и противоречия, которые возникли между США и ЕС по вопросам финансирования военных расходов и участию в военных кампаниях, инициированных США в различных частях мира.

«**Андрей Черепанов (Andrey Cherepanov), Россия, директор НУ «Проект национального развития»:** «НАТО — инструмент устрашения потенциальных противников США (в стратегическом плане США) и европейских государств (в тактическом плане США)».

«**Сильвейн Райнес (Sylvain Raynes), США, партнер в компании R&R Consulting:** «НАТО — это американская организация для защиты собственных интересов на территории Европы. Как бы то ни было, кто выиграл войну?»

А четвертая часть участников исследования (24%) считают, что НАТО служит интересам крупного европейского и американского капитала, являясь его геополитическим инструментом.

«**Крис Нанкарроу (Chris Nancarrow), США, экономист, юрисконсульт и член совета директоров Центра для жертв нарушений прав человека:** «Пока лоббисты крупного капитала контролируют Вашингтон, НАТО будет подвержено риску стать инструментом интересов большого капитала».

«**Алексей Мухин (Alexei Mukhin), Россия, генеральный директор Центра политической информации:** «НАТО — инструмент решения проблем крупного американского и европейского капиталов в обход политических схем, предполагающих Soft Power».

И, наконец, 17% респондентов характеризуют НАТО как преимущественно антироссийскую организацию (Россия унаследовала эту роль «врага» от СССР).

«**Марк Гуди (Mark Goode), США, генеральный директор и партнер группы Пенинсула (Peninsula Group):** «В конце концов, правда заключается в том, что если бы не было проблем безопасности, связанных с Россией, то не было бы необходимости в создании НАТО; крупные страны вложили свои ресурсы в НАТО из-за серьезной угрозы с востока, иначе они не бы не мирились с американскими войсками и военным руководством на местах в Европе».

« Михаил Барабанов (Michael Barabanov), Россия, главный редактор журнала *Moscow Defense Brief*: «НАТО — военная коалиция во главе с США для защиты Европы от России и было создано и существует только для этого. Никакой роли у НАТО вне этой нет. Не было бы России — не было бы и НАТО».

Таким образом, в интеллектуальных элитах мира идет достаточно резкая поляризация мнений в отношении НАТО, и вопрос оценки роли этого блока в современном мире оказался на острие повестки дня.

Тем не менее оценка роли НАТО в обеспечении европейской безопасности экспертами из самой Европы ожидаемо более позитивна. На взгляд «изнутри», НАТО преимущественно работает на реальные интересы населения Европы, а с экспансионистскими целями этот блок связывают значительно реже (Диаграмма 10Б).

Мнения участников опроса из других стран, исключая Россию, поляризовались: доля экспертов, считающих, что НАТО защищает интересы населения Европы, идентична доле тех, кто связывает НАТО с корпоративными, антироссийскими и другими целями.

А взгляды на роль НАТО российских экспертов прямо противоположны точке зрения коллег из Европы. Россияне полагают, что НАТО служит главным образом экспансионистским целям.

Очевидно, что такие полярные взгляды во многом предопределяются устойчивыми мифами, сформированные еще во времена противостояния двух систем. Слишком долго россиянам внушали, что НАТО — это враг. Конечно, определенную роль в подпитке этих живучих стереотипов сыграли планы приема в НАТО Грузии и Украины, а также планы размещения элементов противоракетной обороны НАТО у границ России. С другой стороны, западноевропейские СМИ также долго и успешно трудились над позитивным образом Североатлантического блока в глазах своих сограждан. Но главным, пожалуй, является то, что для многих европейских экспертов альтернатив НАТО в обеспечении безопасности пока нет (особенно учитывая ослабление роли ОБСЕ).

Диаграмма 10Б

« Д-р Грета Росс (Dr. Greta Ross), Великобритания, независимый консультант по проектам в области реформ здравоохранения: «НАТО не идеальный, но единственный панъевропейский инструмент, которым мы располагаем в настоящее время и который признан как организация, стремящаяся обеспечить безопасность. К сожалению, ее воспринимают как находящуюся под влиянием США, и ее существование часто использовалось для политических игр некоторыми деятелями с целью получения преимуществ перед оппонентами во время выборов. В настоящее время для НАТО не существует реальной альтернативы».

Характерным моментом при этом является несущественный разброс мнений во всех группах экспертов в отношении «рудиментарной» роли Североатлантического блока. Т.е.

в любом «лагере» бытует устойчивая точка зрения о НАТО как пережитке холодной войны. Видимо, поэтому ряд экспертов указывают на необходимость нового целеполагания для этой организации.

«**Иоахим Зонтаг (Joachim Sontag), Германия, владелец Sontag Consult:** «НАТО должно пересмотреть свою роль, найти смысл собственного существования. Изначально оно было создано как антироссийский блок. Даже немецкая армия пересматривает смысл своего существования».

«**А. Хузайме Абдул Хамид (A. Huzaim Abdul Hamid), Малайзия, экономист, независимый исследователь:** «НАТО потеряло целеустремленность, которая имела место во время холодной войны, но все же осталась могущественным организованным орудием для активизации вооруженных сил нескольких государств к совместным действиям. Примером этого, в том числе и действий, может служить Босния, Косово, Ирак и Афганистан. Выход для НАТО — это найти новый смысл, иначе в будущем альянс отживет свое».

Реформа НАТО

Европа и мир нуждаются в пересмотре сложившейся системы международной безопасности и ее механизмов.
Ирина Семененко (Irina Semenenko), Россия, зав. сектором Центра сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований ИМЭМО РАН, д.пол.н.

Сегодня блок НАТО является главной военной силой современного мира и еще долго будет таковым оставаться. Поэтому вопрос об эффективности, о целях НАТО и «зоне ответственности НАТО» затрагивает всех и в Европе, и за ее пределами. НАТО, вне зависимости от собственных ограничений, по факту является глобальным инструментом безопасности. Поэтому и реформа НАТО — далеко не только «натовское» дело. Так, последствия кризиса этой организации моментально «аукнутся» на постсоветском пространстве.

Сам по себе факт наличия огромной военной силы не обеспечивает безопасности государств и государственных объединений. Об этом свидетельствует печальная участь так называемого «социалистического лагеря» и Варшавского договора, обладавшего огромной военной силой. Армада Варшавского договора оказалась бесполезной в новых исторических обстоятельствах 80-х гг. XX в. Нынешний мир также находится в полосе стремительных изменений. Чтобы НАТО играло живую роль в политике безопасности, необходимо переосознание его роли в формирующемся многополярном мире.

При этом необходимо учитывать: современное европейское сознание сильно пацифизировано, получив серьезную антивоенную прививку в годы Первой и, особенно, Второй мировых войн. Сложившееся у европейцев негативное отношение к войне повлияло и на то, что в период холодной войны Западная Европа была под военным протекторатом США. Европа предпочитала мирную жизнь, стараясь как кошмарный сон забыть ужасы двух мировых войн и надеясь, что это больше не повторится.

«**Виктор Мироненко (Viktor Mironenko), главный редактор журнала «Современная Европа»:** «Европа вот уже более 60 лет не знает войн (исключение — Югославия). Но, на мой взгляд, этим мы обязаны прежде всего такому трудно формализуемому фактору, как историческая память европейцев. Если в Европе появится поколение, которое забудет о Первой и Второй мировых войнах, никакие средства не предотвратят Третью. Коллективная память европейцев и, соответственно, коллективная система безопасности, включающая

в себя не только материальные и правовые, но и психологические факторы, может обеспечить мирное будущее Европы».

« **Павел Палажченко (Pavel Palazhchenko), Россия, руководитель службы международных связей Горбачев-фонда:** «Европейская безопасность обеспечивается не столько организациями, сколько европейской политической традицией второй половины XX в., закрепившей принципы мирного урегулирования споров, компромисса и поиска общих интересов».

Поэтому НАТО становится для европейцев выгодным «внешним зонтиком безопасности», позволяющим экономить оборонные расходы, а также «политическим зонтиком», прикрывающим европейскую политику от трудных и непопулярных силовых решений и позволяющим дистанцироваться от реально идущих в защиту западных интересов войн. Создается ощущение, что сегодня прочно утвердилось представление о том, что «политика НАТО — это одно», а «политика Европы — совсем другое».

Так, профессор истории и международных отношений Бостонского университета **Эндрю Басевич (Andrew Bacevich)**, отмечал на страницах журнала Foreign Policy: «К началу этого века европейцы уже давно потеряли желание воевать. Эта перемена произошла не только в политике, она глубоко укоренилась в самой европейской культуре. Колыбель западной цивилизации — и инкубатор амбиций, насквозь пропитавших современную эпоху кровью, — стала полностью девоенизированной. В результате, как бы они не были готовы тратить деньги на обновление военных музеев или поддержание военных мемориалов, современные европейцы превратились в настоящих жадин, когда речь заходит о комплектации и экипировке боевых армий».

Ему вторит специалист по военной тематике **Роберт Каплан (Robert Kaplan)**: «Поскольку европейский патриотизм рассеялся, правительства стран Европы не могут больше требовать жертв от своих народов, когда решаются вопросы войны и мира. Как это ни парадоксально, но, победив в холодной войне, мы потеряли Европу».

Можно прогнозировать, что напряжение внутри НАТО между США и Европой будет только возрастать, и не только из-за пацифистских убеждений европейцев. Мировой кризис изрядно «вычистил карманы» всех западных государств, а военное дело стоит дорого. Огромный бюджетный дефицит и долг США толкает к тому, чтобы более равномерно распределить нагрузку военных расходов с Европой. У европейцев же приоритеты другие. Государство не хочет тратить средства на оборону, да и общество уже не примет лозунга «Пушки вместо масла». Яркой иллюстрацией этого являются недавние дискуссии в Германии по поводу очередного сокращения бундесвера и хотя бы формального сохранения призывной службы.

Старший научный сотрудник Института Катона (Cato Institute), в прошлом специальный помощник президента Рональда Рейгана **Дуг Бэндоу (Doug Bandow)** пишет в журнале National Interest: «Вместо того чтобы причитать по поводу военных расходов Европы — особенно после огромных усилий, направленных на то, чтобы отбить у континента охоту действовать самостоятельно, — Соединенным Штатам следует позволить европейцам самим отвечать за последствия своих действий. Это означает, что надо вывести американские войска и оставить НАТО Европе. Континентальная оборона должна стать прерогативой ЕС, а первые две буквы из названия НАТО (North Atlantic — Североатлантический) следует убрать (хотя это зависит от того, какой выбор сделает Канада). А если страны-члены предпочитают сохранить свои дорогостоящие и разорительные государства всеобщего благоденствия — что ж, так тому и быть... Не менее важно и то, что США необходимо сократить свой военный бюджет. Общая сумма военных ассигнований превышает 700 млрд долл. Это почти половина общемировых военных расходов. Но очевидных и серьезных угроз Америке сегодня не существует — разве что крайне маловероятное ядерное нападение со стороны России. У Соединенных Штатов нет никаких оснований выделять свои ограниченные средства на защиту преуспевающих и густонаселенных стран-союзниц — прежде всего в Европе, а также

в Азии... Европа обанкротилась. Она тратит меньше денег на оборону. Америка тоже обанкротилась. Но она денег на оборону тратит больше. И, кроме того, защищает Европу».

Мировой кризис, обострив бюджетно-долговые проблемы государств западного мира, наметил и брешь в системе обороны Европы. Оборона стоит все дороже (учитывая рост общей долговой нагрузки на бюджеты), а мощного мотива платить за оборону, который спланировал бы США и Европу, не обнаруживается. Это прямой путь к перерождению НАТО в Варшавский договор, сколь мощный, столь же и бесполезный.

Следствием этого являются неуверенность и метания европейских, да и североамериканских политиков.

«**Жиль Сан-Поль (Gilles Saint-Paul), Франция, профессор экономики в Университете социальных наук в Тулузе:** «В настоящее время существует брешь в вопросах безопасности, поскольку НАТО является понятием периода холодной войны и неуместно в многополярном мире... Тот факт, что США будут гарантировать безопасность Европы, также остается неясным в свете их проблемы с бюджетом и отсутствием интереса со стороны нынешней администрации к Европе».

«**Дидье Сорнетте (Didier Sornette), Швейцария, специалист по вопросам предпринимательских рисков, профессор в Швейцарской высшей технической школе Цюриха (Swiss Federal Institute of Technology Zurich):** «Очевидно, что недостает внятной европейской оборонной инициативы, подкрепленной реальной волей и властью. Это происходит благодаря доминированию отдельных национальных интересов».

«**Марк Гуди (Mark Goode), США, генеральный директор и партнер группы Пенинсула (Peninsula Group):** «Я не думаю, что НАТО необходимо расширяться и становиться второй ООН. Оно должно быть ограничено в своей деятельности и размерах, и нет необходимости продолжать расти и потреблять ресурсы правительств своих членов».

Интеллектуалы уже задумались о сугубо европейской оборонной инициативе, что является еще одним сигналом подрыва доверия к НАТО. Если в ближайшие год-два не будет озвучено спланивающей и ясной по целям новой стратегии НАТО, разброд и шатания будут только нарастать.

«**А. Хузайме Абдул Хамид (A. Huzaim Abdul Hamid), Малайзия, экономист, независимый исследователь:** «США уже с трудом поддерживают войну на два фронта, и их слабеющая экономика ухудшает способность к демонстрации мощи, как это было раньше. Следовательно, безопасность Европы в будущем, скорее всего, ляжет на европейские плечи».

«**Валерий Пекар (Valerii Pekar), Украина, президент компании «Евроиндекс Лтд»:** «Реальным гарантом безопасности могут быть только собственные вооруженные силы, тем более если союзники имеют конкурирующие интересы».

«**Джорджо Витанжели (Giorgio Vitangeli), Италия, директор журнала La Finanza:** «Безопасность Европы будет защищать исключительно европейская армия. В НАТО первенство принадлежит США, и я не верю, что они примут условия настоящего партнерства».

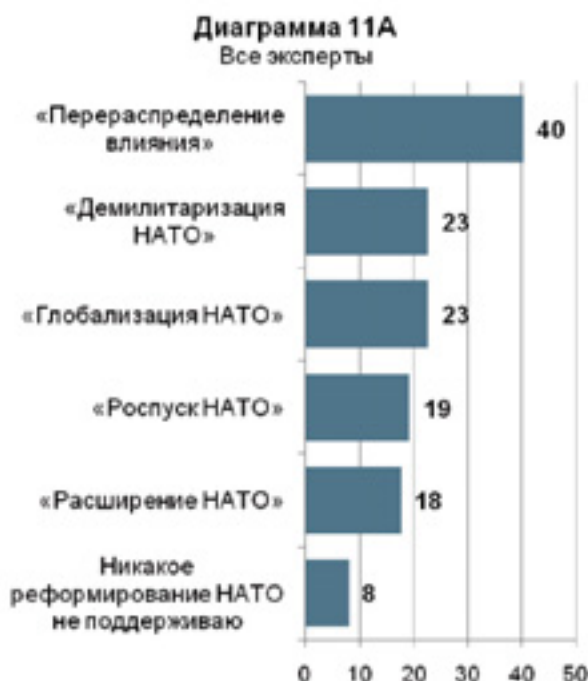
Выводы аналитиков подтверждаются результатами голосования. Согласно данным доклада Парламентской ассамблеи НАТО «Сплоченность альянса» (весна 2010 г.), оптимизм по поводу перспектив стабилизации в Афганистане испытывают 56% американцев, 37% британцев, 30% французов и 23% немцев. Одновременно 62% жителей ФРГ поддерживают вывод германских контингентов из состава Международных сил содействия безопасности (МССБ). За скорейший уход сил НАТО из страны высказываются 34% французов, по 41% респондентов в Великобритании и Германии и лишь 19% граждан США.

«Томас Мюллер (Thomas Mueller), Германия, партнер в международной стратегической консалтинговой компании: «НАТО должно сфокусироваться именно на защите своих членов и не должно заниматься другими задачами, такими как война с терроризмом в мире и установление демократии и гуманизма, потому что это создает ситуацию, когда мы ведем боевые действия в странах, где мы в принципе не должны находиться и где наше присутствие ничего не даст, а скорее всего, даже вредит. Это не нужно ни Европе, ни даже США».

Подходы к решению проблем, стоящих перед альянсом, должны быть найдены на лиссабонском саммите, намеченном на 19–20 ноября 2010 г., где будет принята новая Стратегическая концепция НАТО.

Ответы экспертов на вопрос: «**Какие направления реформирования НАТО Вы поддерживаете?**» — отражены на **Диаграмме 11А**¹:

На первом месте с 40% голосов оказалось «Перераспределение влияния», согласно которому развитие вооруженных сил Европейского союза приведет к фактическому созданию отдельного европейского военного блока, входящего в НАТО, что уменьшит степень беспрекословного доминирования США в блоке. Очевидно, такой результат отражает стремление как можно быстрее снять противоречия между союзниками: США и ЕС.

«Фабио Коста (Fabio Costa), Бразилия/Италия, партнер рекрутинговой компании Eurojob, базирующейся в Сан-Пауло, Бразилия: «НАТО должно быть реформировано таким образом, чтобы обеспечивать независимость от США».

«Александр Гапоненко (Alexander Garopenko), Латвия, директор Института европейских исследований: «Европейский союз нуждается в своих войсках; НАТО должно вывести свои войсковые части из Германии: это одна из главных задач — контролировать Германию, держать там войска. Это известная точка зрения — нелиберальная, можно сказать прокоммунистическая, но это действительно так».

«Владимир Пантин (Vladimir Pantin), Россия, заведующий отделом ИМЭМО РАН: «Поскольку НАТО используется США для достижения своих внешнеполитических целей в Ираке, Афганистане и др., необходимо создание отдельного европейского блока внутри НАТО, который действовал бы в интересах Европы, а не только США».

Часть экспертов придерживаются более радикальной точки зрения в плане перераспределения влияния внутри НАТО, настаивая на необходимости собственной европейской оборонной инициативы. Это подтверждает упоминавшуюся выше тенденцию, отражающую подрыв доверия к НАТО и США как участнику блока в принципе.

«А. Хузайме Абдул Хамид (A. Huzaim Abdul Hamid), Малайзия, экономист, независимый исследователь: «НАТО может и дальше быть организованным войсковым подразделением вооруженных сил ЕС без непосредственного участия США (но, возможно, в качестве

¹ Экспертам предлагалось выбрать более одного варианта ответа, поэтому сумма может превышать 100%.

союзника), отражая тем самым будущую возможность Европы самостоятельно отвечать за свою безопасность».

«**Маурицио Колелла (Maurizio Colella), Италия, адвокат, владелец адвокатского бюро:** «ЕС больше не нуждается в НАТО. И это должно стать первым шагом для Европейской армии в процессе переориентирования на обеспечение защиты от терроризма и новых войн».

«**Олег Неменский (Oleg Nemensky), Россия, научный сотрудник Института славяноведения РАН:** «НАТО и так уже не очень эффективная структура, а под проведение собственно европейской политики она вообще не приспособлена. Если моделировать дальнейшую европейскую интеграцию, то создание собственных вооруженных сил и постепенный переход к ним роли основной военной структуры — естественный и, возможно, даже неизбежный шаг. Это же, скорее всего, будет соответствовать и интересам России, что благоприятно отразится на панъевропейской безопасности».

Однако, соглашаясь с вариантом создания собственных вооруженных сил ЕС, ряд экспертов пока не видят реальных предпосылок к его реализации.

«**Роберт Абдуллин (Robert Abdullin), Россия, почетный президент Международной организации кредиторов:** «Четко структурированный военный блок на базе ЕС напрямую улучшил бы и экономические позиции европейских стран в глобальном экономическом пространстве. Однако на сегодняшний день серьезных предпосылок к практической реализации данной идеи пока не видно».

А по мнению ряда других экспертов, назревшее перераспределение влияния в НАТО не может привести к реальному разрыву с США:

«**Ксения Темникова (Ksenia Temnikova), Россия, зам. генерального директора Международного инновационного центра, главный редактор журналов «Проектное финансирование» и «Деловой английский язык»:** «Необходимо принимать во внимание уже сформировавшуюся систему командования НАТО (с учетом концентрации специальных информационных систем обработки данных и сигналов в «одних руках»), систему базирования подразделений НАТО по всем регионам мира (см. карты базирования), комплекс мер, позволяющих обеспечить быстрое реагирование НАТО и поддержание боеспособности подразделения в течение заданного периода в заданной точке мира, и т.п. Количественное и качественное развитие вооруженных сил Европейского союза не сможет изменить в обозримой перспективе механизм, обеспечивающий доминирование США в блоке НАТО».

«**Андрей Галушка (Andrij Halushka), Великобритания, главный аналитик корпоративного и инвестиционного банка Credit Agricole:** «НАТО должно трезво и объективно оценить, откуда исходят угрозы государствам, в него входящим, и сосредоточиться на противодействии этим угрозам. Европейские государства должны расстаться с иллюзиями, что если у них нет серьезных армий, то ни у кого другого нет планов силового давления на них. Все страны НАТО должны нести справедливую долю тяжести военных расходов и усилий, но при этом не разрывая жизненно важный союз с США».

Достаточно неожиданным было то, что многие эксперты серьезно рассматривают вариант глобализации НАТО, в результате которого НАТО, путем вовлечения максимального большого количества государств, превратится в WTO (GTO). За данный вариант проголосовала почти четверть респондентов. Однако следует обратить внимание на то, что стремление принять в НАТО весь мир (или распространить зону своей ответственности на весь мир) — это один из способов покончить с войнами.

« **Алексей Мухин (Alexei Mukhin), Россия, генеральный директор Центра политической информации:** *«Глобализация НАТО приведет к приближению блока к заявленной цели — мирового регулятора. Диверсификация влияния внутри блока поможет более равномерно распределять баланс между интересами отдельных стран».*

« **Миленко Гудич (Milenko Gudich), Сербия/Словения, директор Международной академии управления учителей, консультант в Институте экономики Белграда:** *«Глобализация мировой экономики, как и связанные с ней политические и институциональные изменения, требуют и одновременно способствуют повышению глобального уровня безопасности. Глобальная безопасность требует глобальных усилий. В этом смысле система ООН (реформированная должным образом) представляет собой, пожалуй, наилучшую платформу из всех существующих».*

Логика варианта «Глобализация НАТО» может подкрепляться и тем соображением, что угрозы безопасности западного мира носят не локальный, а глобальный характер. Невозможно победить мировой терроризм в отдельно взятом Афганистане, даже силами НАТО. Глобальные угрозы требуют глобального ответа.

К лагерю сторонников последней точки зрения следует отнести 18% респондентов, считающих целесообразным дальнейшее расширение НАТО. Они согласны с тем, что невозможно обеспечить безопасность Европы, не занимаясь потенциальными угрозами по всему миру. Блок НАТО должен превратиться в силу защиты западной цивилизации. Отсюда и необходимые меры: расширение НАТО на восток, наращивание военного потенциала, широкое партнерство с союзниками на всех континентах.

« **Гаэтано Капассо (Gaetano Capasso), Бельгия, трейдер на фондовых рынках, управление инвестициями:** *«Я думаю, важно расширять НАТО, ведь если различные страны состоят в этом блоке, всегда есть необходимость быть в чем-то похожими и искать общие решения».*

При этом увеличение влияния НАТО может происходить и без непосредственного расширения границ блока.

« **Жанат Курманов (Zhanat Kurmanov), Казахстан, член Совета директоров Казахстанского фонда гарантирования депозитов:** *«Наиболее перспективным является использование потенциала НАТО и дальнейшее развитие сотрудничества со странами, не входящими в него, в рамках реализации и расширения программы «Партнерство ради мира».*

Одним из важных вопросов при рассмотрении вариантов расширения либо глобализации НАТО становится вопрос и о расширении сотрудничества блока с Россией. По мнению ряда экспертов, этот союз может в том числе обеспечить защиту от «китайской угрозы».

« **Галина Канинская (Galina Kaninskaya), Россия, д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории ЯрГУ им. П.Г. Демидова:** *«Если ЕС будет иметь свои силы безопасности в рамках НАТО и РФ будет участвовать тесно в политической структуре НАТО, то «глобализация» блока в такой концентрической структуре будет служить на пользу стабилизации в мире».*

« **Джермано Доттори (Germano Dottori), Италия, профессор университетов LUISS-Guido Carli, Link-Campus University:** *«Я поддерживаю идею глобализации НАТО, но НАТО, расширенного за счет присоединения России или хотя бы сильно связанного с Россией, пусть даже только в качестве защиты от угрозы, идущей из Китая».*

« **Александр Шленский (Alexander Shlenski), США, бизнес-аналитик в компании Consona ERP:** *«Только расширение. А куда денешься? Иначе Китай проглотит всех и не подавится. Лучше весь мир будет ходить под Штатами, чем под Китаем».*

Однако другая, преимущественно российская часть экспертов считает более целесообразным создание Россией альтернативного военного блока.

« **Сергей Тетюхин (Sergei Tetyukhin), Россия, ведущий эксперт отдела бизнес-анализа в компании «ФОРС — Банковские Системы»:** *«Для России было бы выгоднее развитие собственного европейского военного блока, т.к. это снизило бы возможность США привлекать ЕС к своим авантюрам».*

« **Алексей Мухин (Alexei Mukhin), Россия, генеральный директор Центра политической информации:** *«...необходимо создание альтернативного военного блока или серии блоков».*

Тем не менее есть и немалая доля противников существования Североатлантического блока в его нынешнем виде. Так, порядка четверти экспертов предпочли вариант демилитаризации НАТО, предполагающий переориентацию блока на политические, невоенные методы обеспечения безопасности.

« **Илья Крамник (Ilya Kramnik), Россия, военный обозреватель информационного агентства РИА-Новости:** *«НАТО должен трансформироваться: его политические структуры более полезны — они обеспечивают реальный обмен мнениями и информацией, что позволяет вырабатывать стратегии. Одновременно необходимо развитие собственно европейских вооруженных сил, подчиняющихся европейским же командным структурам».*

А за роспуск блока высказались 19% экспертов. По их мнению, НАТО в нынешнем виде — пережиток холодной войны и реформировать его невозможно.

« **Мустафа Бадави (Mustafa Badawy), Колумбия, предприниматель, основатель компании Colacom:** *«НАТО бесполезно, оно должна быть отменено. Оно является инструментом США для сохранения своего присутствия в зоне ЕС».*

« **Сильвейн Райнес (Sylvain Raynes), США, партнер в компании R&R Consulting:** *«НАТО больше относится к теории, чем к практике».*

Однако при этом признается, что роспуск НАТО может спровоцировать серьезные конфликты.

« **Вадим Гасанов (Vadim Gasanov), Россия, консультант по документальному кинопроизводству на телеканале «Россия-2»:** *«Роспуск НАТО — это объективная необходимость, однако это немедленно вызовет ряд военных конфликтов или повысит опасность их возникновения (Турция — Греция, Германия — Польша, Польша — Украина, бывшая Югославия и т.д.)».*

Поэтому необходимо создание какого-то альтернативного инструмента. Эта новая организация должна будет решать актуальные задачи, соответствующие новым вызовам (глобальный терроризм и т.п.), привлекая для этого широкий круг государств.

« **Алексей Кузнецов (Alexey Kuznetsov), Россия, руководитель Центра европейских исследований ИМЭМО РАН:** *«Надо быть реалистами — участники НАТО должны получить какую-то жизнеспособную альтернативу (в противном случае, что и происходит, НАТО*

неизбежно будет сохраняться). При этом не должны ущемляться интересы стран, не входящих в НАТО, но являющихся его соседями».

«**Аяна Манасова (Ayana Manassova), Казахстан, председатель правления Национального аналитического центра при правительстве и Нацбанке РК:** «Необходимо создавать новую организацию, использующие методы, более эффективно отвечающие методам террористических организаций, с вовлечением других государств».

И лишь 8% участников нашего исследования придерживаются консервативной позиции сохранения текущего статуса. Ряд экспертов при этом подчеркивают не столько отсутствие необходимости каких-либо реформ, сколько невозможность консенсуса по этому поводу в настоящее время.

«**Джузеппе Базиле (Giuseppe Basile), Швейцария/Италия, управляющий по маркетингу в области телекоммуникаций в компании Rast & Fischer:** «Я не поддерживаю никакое реформирование НАТО, потому что в настоящий момент страны — члены НАТО достаточно разнородны для проведения какой бы то ни было значительной реформы».

«**Константин Матвиенко (Konstantin Matvienko), Украина, руководитель корпорации стратегического консалтинга «Гардарика»:** «НАТО не нужно реформировать. Какой есть, такой есть».

Для того чтобы увидеть, есть ли принципиальные различия в подходах к проблеме реформы НАТО со стороны экспертов из разных групп, мы свели все предложенные варианты в три кластера, отражающих главные тренды. Первый — «Внешняя экспансия и реформы структуры» — говорит о необходимости повышения эффективности НАТО путем перераспределения влияния внутри блока либо его расширения или глобализации. Второй — «Устранение военной составляющей» — связан с представлениями, что НАТО безвозвратно утрачивает свои позиции гаранта безопасности в плане военной угрозы (сюда вошли «демилитаризация» и «ропуск НАТО»). Третий — «Сохранение статус-кво».

Как оказалось, заметные отличия наблюдаются только в группе экспертов из Европы (**Диаграмма 11Б**). Причем показательно, что эксперты, представляющие заокеанских членов Североатлантического альянса, вполне солидарны с мнением «внешних наблюдателей».

Подавляющее большинство ответов европейских экспертов — в пользу реформирования либо расширения блока, а поддержка демилитаризации или роспуска НАТО незначительна. Остальной мир настроен более скептически в отношении дальнейших перспектив НАТО.

Это говорит о том, что идея разоружения или перехода к небольшим национальным армиям не соответствует интересам прежде всего самих жителей ЕС. Это, в свою очередь, свидетельствует о жизнеспособности проекта «Европейский союз» и замыслов его основателей, которые видели в объединенной Европе один из мировых центров не только экономической мощи, но и военной силы. Поэтому наиболее вероятным трендом обеспечения европейской безопасности действительно видится процесс передачи функций ее обеспечения в руки самих европейцев при уменьшении роли США.

Новые союзники или старые противники?

Дальнейшее развитие ЕС, если оно будет успешным, очевидно, потребует расширения вовне, в том числе и прием новых членов. В этом случае новые члены потребуются и для НАТО, особенно если принимать во внимание рассмотренные выше экспансионистские варианты реформирования альянса.

Распределение мнений участников нашего исследования о целесообразности вхождения в НАТО Украины, России, Беларуси, Казахстана представлено на **Диаграмме 12А**.

В целом из указанных четырех стран кандидат № 1 на прием в НАТО, по мнению экспертов, — это Украина (57%), хотя нынешнее политическое руководство Украины сняло вопрос о вступлении в НАТО с повестки дня. В этом вопросе есть сильные различия в позиции различных стран — членов НАТО: США недавно вновь подтверждали готовность принять Украину в Северо-Атлантический Альянс, а Германия проявила большую сдержанность в этом вопросе.

Диаграмма 12А

Все эксперты

■ Да, целесообразно
■ Нет, нецелесообразно

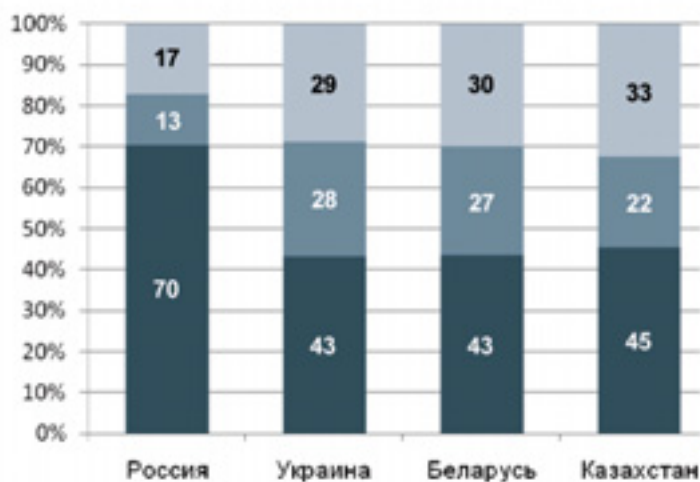

«Джей Пенисбург (Jay Penisburg), Франция, специалист по международному бизнес-праву в международной юридической фирме: «Почему бы не России и Украине? Я думаю, каждая страна имеет право вступить в НАТО».

Диаграмма 12Б

Все эксперты, ответившие "Да"

■ Да, целесообразно для обеих сторон
■ Да, целесообразно для НАТО
■ Да, целесообразно для страны

Что же касается остальных стран, то в целом целесообразность их вступления в НАТО расценивается несколько ниже: Беларусь — 46%, и еще менее Казахстан и Россия — по 42%.

Однако если взглянуть на вектор и степень «обоюдности» этой целесообразности в случае вступления в НАТО каждой из четырех постсоветских стран, то картина получится иная (**Диаграмма 12Б**).

Как мы видим, когда речь идет об Украине, Беларуси и Казахстане, то менее половины из тех экспертов, кто считает прием этих стран в состав НАТО целесообразным в принципе, видит в этом обоюдную пользу — как для блока, так и для самой страны.

« **Фелиппе Кадемартори Араужо (Felippe Cademartori Araujo), Бразилия, управляющий по вопросам структурированных финансов Акционерного банка Сумитомо Мицуи:** *«Предположим, что Беларусь, Казахстан и Украина могли бы удовлетворить требованиям для вступления в НАТО, и организации было бы намного выгоднее, если бы она смогла положиться на них в контроле за потенциальной угрозой из Центральной Азии и России. С другой стороны, я не вижу ничего, что эти страны могли бы получить взамен, особенно от господина Обамы с его молчаливым пренебрежением, которое он проявляет к своим союзникам в Восточной Европе».*

« **Крис Нанкарроу (Chris Nancarrow), США, экономист, юрисконсульт и член совета директоров Центра для жертв нарушений прав человека:** *«Я не представляю, что Беларусь может предложить НАТО. Ее военная база устарела, она едва обслуживает сама себя и ориентирована на защиту собственных границ. Беларуси также не хватает общей стратегии осуществления партнерства с Западом и Россией. В политическом плане она постоянно колеблется между ними, а ей необходимо открыть свою экономику для иностранных инвестиций, если хочет развивать ее, что, в свою очередь, может поддержать вооруженные силы. Присоединение же Казахстана было бы очень выгодно для будущего развития и эффективности функционирования НАТО. Казахстан очень богат природными ресурсами и географически близок к зоне конфликта на Ближнем Востоке».*

По мнению ряда экспертов, серьезным «но» в данном случае станет и вхождение этих стран в зону интересов России.

« **Джузеппе Базиле (Giuseppe Basile), Швейцария/Италия, управляющий по маркетингу в области телекоммуникаций в компании Rast & Fischer:** *«Я думаю, это было бы целесообразно для Беларуси, Казахстана и Украины, но нецелесообразно для России. Я думаю, Беларусь, Казахстан и Украина, возможно, хотели бы вступить в НАТО для того, чтобы стать менее зависимыми от России и меньше страдать от ее гегемонии, ведь Россия крупнее их. Но, я думаю, страны — члены НАТО имеют некоторые предрассудки в отношении бывших республик СССР. Я не уверен, что европейские страны хотят видеть Беларусь, Казахстан и Украину в НАТО».*

Зато почти три четверти экспертов, поддерживающих прием в состав НАТО России, убеждены, что это отвечает интересам обеих сторон.

« **Гаэтано Капассо (Gaetano Capasso), Бельгия, трейдер на фондовых рынках, управление инвестициями:** *«Я считаю, что вступление России в НАТО — это хорошо. Это бы стало важным заявлением для международного сообщества в целом. Это стало бы сигналом обращения России к общей цели и коллективной безопасности, что было бы хорошо для обеих сторон».*

« **Олег Буклемишев (Oleg Buklemishev), Россия, главный аналитик компании «МК Аналитика»:** *«Только Россия может дать альянсу что-то сопоставимое с расходами на ее присоединение».*

« **Джермано Доттори (Germano Dottori), Италия, профессор университетов LUISS-Guido Carli, Link-Campus University:** *«Мои оценки зависят от весьма оптимистичного взгляда на путь вступления России в НАТО. Россия должна быть наделена правом управления и ответственности за географическую территорию начиная от Балтийского моря и до Тихого океана».*

Кроме того, подобный альянс кардинально изменил бы весь смысл существования этого блока и значительно снизил общемировой «коэффициент» конфронтации.

« **Андрей Паршев (Andrey Parshev), Россия, публицист, автор книги «Почему Россия не Америка»:** *«С вхождением России НАТО потеряет свой антироссийский характер; без этого любое добавление усиливает НАТО и повышает риск войны против России».*

« **Андерс Свенссон (Anders Svensson), Швеция, специалист по налогообложению в международной аудиторской компании:** *«Если Россия присоединится к НАТО, то необходимость существования блока значительно уменьшится, отчего выиграет весь мир, кроме, естественно, самого НАТО».*

Одним из плюсов гипотетического вступления России в НАТО является, с точки зрения ряда российских экспертов, повышение боеспособности российских Вооруженных сил:

« **Георгий Энгельгардт (George Engelhardt), Россия, научный сотрудник Института славяноведения РАН:** *«Достижение военных стандартов НАТО существенно повысит боеспособность ВС РФ, позволит снизить ряд потенциальных угроз с южного и восточного направлений».*

« **Алексей Чернышов (Alexei Chernyshov), Россия, акционер Группы компаний ЧЕРУС:** *«...это событие положительно отразилось бы на армейской реформе в России и на состоянии российского ВПК (переход на стандарты НАТО открывает новые рынки и доступ к современным технологиям)».*

Однако респонденты сомневаются, что в ближайшее время Россия может получить необходимые ей гарантии безопасности со стороны США.

« **Николай Косолапов (Nikolay Kosolapov), Россия, заведующий отделом международно-политических проблем ИМЭМО РАН:** *«Для России вступление в НАТО имеет смысл только в обмен на такие же гарантии американцами ее безопасности, какие США дают другим странам — членам НАТО. В свою очередь, такие гарантии станут со стороны США возможны только после принципиальной реструктуризации ядерного потенциала России. Теми темпами, какими идет этот процесс, вопрос о подобных гарантиях сможет быть политически поставлен только за пределами 2020 г. при условии, что в этот период не будет происходить стратегическое сближение РФ с Китаем в антиамериканском контексте».*

Следует отметить, что вопрос о потенциальном членстве в НАТО России оказался одной из самых горячих тем нашей заочной дискуссии. Значительное число участников исследования — и россиян, и представителей стран Европы, и экспертов из других государств мира — высказали по этому поводу свои комментарии. Многие среди них свидетельствуют о том, что у идеи вхождения РФ в Северо-Атлантический Альянс есть значительное число противников.

Во-первых, по мнению ряда экспертов, это окажет разрушительное воздействие как на сам блок, так и на существующий геополитический баланс в мире, серьезнейшим образом пошатнув его.

« **Сергей Пахомов (Sergei Pakhomov), Россия, председатель Комитета государственных заимствований г. Москвы:** *«...Россия по определению не может войти в НАТО, поскольку сразу встанет вопрос, против кого она объединяется с американцами и европейцами. Это приведет к разрушению системы ее добрососедских отношений с азиатскими странами. Втягивание в систему блока НАТО других перечисленных здесь «постсоветских» государств неизбежно ставит Россию перед явной военной угрозой. В таком случае ей впору начинать думать, с кем объединяться против НАТО. Вряд ли такая ситуация в интересах как НАТО, так и России, тем более «постсоветских» государств, поскольку она приведет к дестабилизации международной обстановки».*

«**Фелиппе Кадемартори Араужо (Felippe Cademartori Araujo), Бразилия, управляющий по вопросам структурированных финансов Акционерного банка Сумитомо Мицуи:** «...потенциальное вступление России в НАТО обернулось бы катастрофой для обоих. Для НАТО опасность в том, что в случае вступления Москва, конечно, могла бы добавить огромную военную силу, но она также может и создать оппозицию внутри самого института. Это могло бы превратить НАТО в бездействующую структуру, больше похожую на ООН. Для России вступление могло бы иметь горький вкус капитуляции, а также парализовать дипломатическую независимость страны (или возможность промолчать там, где НАТО вынуждено действовать)».

Во-вторых, вступление России в НАТО, как полагают многие эксперты, напрямую противоречит интересам самой России.

«**Михаил Барабанов (Michael Barabanov), Россия, главный редактор журнала Moscow Defense Brief:** «Вступление в НАТО абсолютно неприемлемо для России и просто абсурдно. Вступление же в НАТО любых других бывших советских республик представляет собой прямую фундаментальную угрозу для России. Россия должна противодействовать такому вступлению всеми способами».

«**Джульетто Кьеца (Giulietto Chiesa), Италия, независимый журналист:** «Присоединение России к НАТО станет заключительным этапом ее колонизации. И первым этапом ядерной войны против Китая».

И третье, на что обращают внимание многие эксперты, — невозможность для России стать членом НАТО задает ограничения на вступление в блок и для других постсоветских стран, о которых шла речь, во избежание эскалации дальнейшего конфликта.

«**Сирил Ганем (Cyril Ghanem), Франция, независимый экономист:** «Россия никогда не вступит в НАТО. Три остальные страны нанесли бы ущерб себе и стабильности всего региона. НАТО расценило бы это как возможность перенести новое оружие ближе к России и Китаю. Это была бы катастрофа».

«**Роберт Абдуллин (Robert Abdullin), Россия, почетный президент Международной организации кредиторов:** «Вхождение всех перечисленных государств в НАТО крайне нецелесообразно уже хотя бы потому, что такой процесс очень серьезно дестабилизирует геополитическую ситуацию в мире в целом. На вступление России в НАТО никогда не пойдет сам Северо-Атлантический Альянс, а вхождение туда Беларуси, Казахстана и Украины лишь обострит конфронтацию США и России».

Сравнительный анализ мнений экспертов из России, Европы и прочих стран относительно принятия в НАТО стран бывшего СССР (Диаграммы 12В, 12Г и 12Д соответственно) показывает, что окружающий Россию мир значительно более лоялен к идее новых членов из числа бывших союзных республик. Причем для европейцев еще и нет разницы в вопросе целесообразности этого шага в отношении России, Беларуси и Казахстана — больше половины участников видят здесь очевидный смысл, в то время как представители экспертного сообщества из других стран выражают несколько больший скепсис в отношении РФ и РК.

Что же касается российского экспертного сообщества, то здесь мы видим явное преобладание негативного отношения к идее вступления в НАТО. Три четверти участников опроса отрицают какую-либо целесообразность этого шага в отношении России и Казахстана. При этом наименьший скепсис российские эксперты проявляют в принятии в состав НАТО Украины, хотя это прямо противоречит интересам РФ.

«Томас Мюллер (Thomas Mueller), Германия, партнер в международной стратегической консалтинговой компании: «На самом деле было бы неплохо, если бы Россия вступила в НАТО, но Россия, я думаю, хочет иметь свободу действовать так, как она хочет в своем огороде, грубо говоря, поэтому России сложно быть одновременно членом НАТО и делать что вздумается. В данный момент Россия в принципе ни на кого не должна ориентироваться, и в этом есть свой плюс. На самом деле мне кажется, что вступление в НАТО не выгодно ни одной из перечисленных стран».

Таким образом, хотя Запад в целом категорически не возражает против вступления России в Североатлантический блок, она не стремится стать членом НАТО. А если Россия считает, что это не соответствует ее интересам, то она также будет последовательно препятствовать вступлению в НАТО прочих постсоветских республик.

Кроме того, и Запад отнюдь не однороден в своих интересах. Если решение афганской и иранской проблем лежит в русле американской геополитической стратегии, то в обеспечении собственной энергетической безопасности за счет выстраивания новых отношений с Россией и другими странами СНГ более всего заинтересован Европейский союз. И здесь снова возникнут противоречия между Старым и Новым Светом.

Нужно также учитывать, что в политической игре вокруг расширения альянса неизбежно участвует столь крупный игрок, как Китай, создающий определенные опасения как у США, озабоченных сохранением лидерских позиций, так и у России, которая в определенной мере опасается за свои восточные регионы, граничащие с Китаем. Здесь возможны самые разные комбинации альянсов, хотя в ближайшее время вряд ли следует ожидать их быстрого формирования, поскольку Россия не склонна выступать в роли младшего партнера ни у США, ни у КНР.

Весьма скептически относится к расширению НАТО американский эксперт **Э. Басевич**: «Союзники оказались не столь сговорчивы. Конечно, НАТО выросло — 20 лет назад в альянсе было 16 государств-членов, а сегодня их 28 — но этот рост пошел во вред сплоченности. Когда-то у организации были значительные возможности, а сегодня НАТО напоминает клуб, в который может вступить практически кто угодно, включая такие источники военной мощи, как Албания и Хорватия».

«**Илья Крамник (Ilya Kramnik), Россия, военный обозреватель информационного агентства РИА-Новости:** *«В сегодняшнем формате альянса вхождение какой-либо из этих стран только приблизит его к полному коллапсу. Точно так же это вхождение бесполезно и для них».*

«**Николай Чуксин (Nikolai Chuksin), Россия, экономист, писатель, публицист:** *«Для самих этих стран вступление в НАТО гибельно по умолчанию: нынешнее состояние их экономик не позволит перейти на стандарты НАТО. И это далеко не единственная проблема, не имеющая решения при таком гипотетическом развитии событий. Для НАТО это куски, которые Североатлантический союз не сможет переварить. В НАТО достаточно одной Польши как троянского коня США».*

Другой военный эксперт, **Чарльз Капчан (Charles A. Kupchan)**, профессор мировой политики Джорджтаунского университета, старший научный сотрудник Совета по международным отношениям (США), напротив, полагает, что НАТО может спасти только вступление в нее России: «Сейчас Россия уверена в себе и способна потеснить НАТО — именно тогда, когда Запад срочно нуждается в сотрудничестве с Москвой по целому ряду вопросов, включая сдерживание ядерных амбиций Ирана, контроль над вооружениями и нераспространением ядерного оружия, стабилизацию Афганистана, борьбу с терроризмом и энергетическую безопасность... Решение вопроса о том, как привлечь Россию в евро-атлантическое пространство, лежит на поверхности: Россия должна стать членом НАТО. Конечное принятие страны в альянс было бы логическим завершением создания евро-атлантического порядка, в котором НАТО является главным институтом безопасности. Начав процесс расширения после распада советского блока, западные союзники должны теперь сделать все, что в их силах, чтобы завершить его интеграцией России и других стран СНГ в альянс».

«**Александр Шленский (Alexander Shlenski), США, бизнес-аналитик в компании Consona ERP:** *«Из двух зол выбирают меньшее. Постсоветские страны в одиночку не выстоят. Либо США их приберет к рукам, либо Китай. Первое предпочтительнее».*

Очевидно, что в ближайшее время крайне маловероятно возобновление противостояния по линии «НАТО — Россия», а если рассматривать шире, то «НАТО — СНГ» или «НАТО — ОДКБ». Только нечто экстраординарное, вроде открытия и быстрого промышленного освоения управляемой термоядерной реакции, может резко изменить торговые отношения стран НАТО и России. Следовательно, развитие отношений с большой долей вероятности пойдет по пути разрешения существующих противоречий, нивелирования различных подходов и освоения новых сфер сотрудничества между ЕС и Россией и между НАТО и Россией. В то же время вряд ли стоит ожидать высоких скоростей развития этих процессов. Но историками давно замечено: медленное развитие дает более прочные результаты.

Однако всякое отсутствие движения также может быть опасным. К сожалению, у России пока нет стратегического понимания, как взаимодействовать с главной военной силой современного мира — с блоком НАТО. Неопределенность стратегии, как известно, может привести к тому, что страна станет театром военно-политических действий для других игроков, у которых эта стратегия есть.

Чтобы выработать позицию по отношению к НАТО, представляется целесообразным задуматься над следующими вопросами:

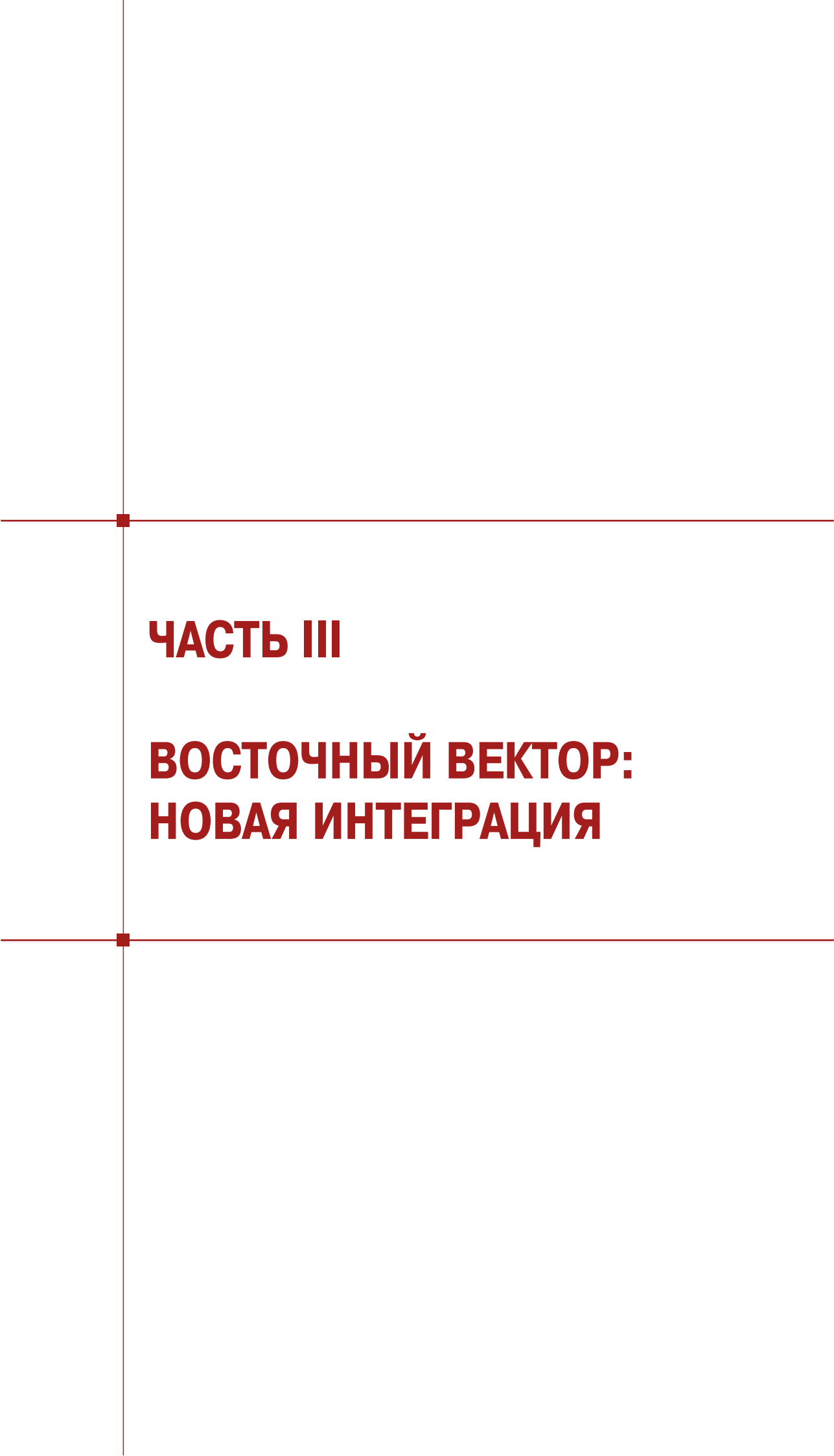
- Способна ли Россия в нынешнем состоянии обеспечить собственную безопасность собственными средствами? Адекватны ли силовые, людские и экономические ресурсы России современным типам угроз?
- Кто является стратегическими союзниками, а кто — стратегическими противниками России в мире? Каковы наиболее вероятные направления военных конфликтов, источники террористических угроз?
- Способна ли Россия в нынешнем состоянии противостоять НАТО?

Анализируя мнения мирового экспертного сообщества, поневоле приходишь к выводу, что Россия должна стать военно-политическим союзником НАТО. Именно не «входить» в НАТО, но быть союзником.

Мы стоим у истоков формирования нового многополярного мира, рождения новых союзов и распада или модификации старых. Это естественный исторический процесс. Однако сам процесс перехода может быть чреват осложнениями на периферии, на тех пространствах, которые временно выпали из-под контроля центров военной и экономической мощи, «варятся в собственном соку» и занимаются поисками новых союзов. Примером могут быть недавние события в Кыргызстане, куда основные мировые игроки не сочли нужным вмешаться: этого не сделала ни Россия, связанная обязательствами в рамках договора ОДКБ, ни США, имеющие в Кыргызстане свою военную базу, ни Китай. Хотя речь шла о стратегически важном узле в Центральной Азии и стабильности в этом узле. В условиях биполярного и даже однополярного мира такое развитие событий вряд ли было бы возможным. Ситуация более чем показательная. Из этого следует, что в процессе реструктуризации мира возможно массовое возникновение локальных конфликтов с использованием вооруженной борьбы. Это означает, с одной стороны, потенциальную возможность гибели сотен и тысяч людей, а с другой — длительное исключение периферийных пространств из сферы глобального экономического метаболизма, что может негативно сказаться на скорости и векторе мирового развития.

С точки зрения обеспечения собственной безопасности современная Россия находится перед большими угрозами, чем Европа. Вызовы для России, так же как и для западного мира, носят глобальный характер. Но если Запад прикрыт «зонтиком безопасности» НАТО, у России нет ни сил, ни времени, ни союзников, чтобы развернуть сопоставимую по масштабам собственную систему глобальной безопасности. Упование на ядерное оружие как универсальный «предохранитель» от угроз следует оставить в XX в., а современными средствами глобального сдерживания угроз Россия не располагает.

Современное оружие по укреплению безопасности страны сложнее, чем ядерное. Главным средством обеспечения безопасности страны в XXI в. является международная экономическая интеграция. США не будут наносить военный удар по Китаю, пока работает американо-китайский экономический симбиоз G2. Генезис нового мира означает возникновение новых кооперационных связей и изменение архитектуры международного разделения труда. Создание мощного симбиоза с европейской экономикой могло бы стать лучшим гарантом безопасности как для России и других постсоветских стран, так и для Европы, позволив последней удерживать инициативу в мировом развитии. Но готов ли Евросоюз взять «курс на Восток» и готов ли к этому постсоветский мир и главный игрок на этом пространстве — Россия?

ЧАСТЬ III

ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР: НОВАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

ГЛАВА 6

ЕВРОПА И РОССИЯ

Идентификация Европы

Права или не права Европа в том, что считает нас чем-то для себя чуждым? Чтобы отвечать на этот вопрос, нужно дать себе ясный отчет в том, что такое Европа, дабы видеть, подходит ли под родовое понятие Европа — Россия как понятие видовое.

Н.Я. Данилевский, 1869 г.

«Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому».

В самом понятии «Европа» сплавлено воедино множество смысловых пластов: географический, исторический, социокультурный, политический. Чрезвычайно сложное и многогранное это понятие тем не менее давно сложилось в четкий цивилизационный гештальт.

Однако даже географические границы Европы воспринимались по-разному не только в прошлые века, но и в период новейшей истории. Так, до XVIII в. сами европейцы, как правило, проводили границу по Дону, но постепенно — с подачи В.Н. Татищева¹ — была принята точка зрения, согласно которой этим рубежом является проходящий по Уральским горам водораздел, далее к югу до Каспия его проводили по реке Яик (Урал). Сейчас границу принято проводить немного восточнее — по казахстанской реке Эмба, но споры среди географов остаются.

Остались и другие «камни преткновения» — еще недавно юго-восточную границу Европы проводили то по Кума-Манычской впадине (так считает «Британника», а также российская дореволюционная и послесталинская география), то по Главному Кавказскому хребту (так было принято считать во Франции и США, а также в Советском Союзе при Сталине). В 90-е гг. XX в. из соображений политической конъюнктуры этот рубеж зачастую стали передвигать во впадину между Большим и Малым Кавказскими хребтами: таким образом Грузия и Азербайджан оказались частично в Европе, в то время как Армения осталась в Азии.

Диалектический принцип единства и борьбы противоположностей ярко иллюстрируется европейской историей на протяжении последней пары тысяч лет — Европа была раздираема войнами, церковными расколами, языковыми барьерами, но при этом оставалась Европой, чьи культурно-исторические границы еще более туманны, чем географические. Правда, фактически единой Европу можно, с определенными оговорками, считать лишь в два момента ее истории — в эпоху империи Наполеона в начале XIX в. и во времена Третьего рейха в начале 40-х гг. XX в., но эти объединения, созданные силой оружия, через некоторое время были оружием же и разрушены — при активном участии таких периферийных европейских стран, как Россия (СССР) и Великобритания. Однако сейчас предтечей европейской интеграции любят считать Карла Великого, хотя его империя со столицей в Аахене также была создана в ходе ожесточенных войн и распалась вскоре после смерти Карла.

Исторически сложившаяся граница, разделяющая Европу на ее восточную и западную части, проходит примерно по Эльбе. И даже не потому, что дальше Эльбы не смогли в I в. н.э. пройти римские легионы: Эльба на рубеже VIII–XI вв. стала восточной границей империи Карла Великого и — на тот момент — границей германского и славянского миров. Именно к востоку от Эльбы в XVI–XVII вв. произошло так называемое «второе закрепощение крестьян», превратившее Восточную Европу в аграрную полуколонию Западной. И именно

¹ Татищев Василий Никитич (1686–1750) — известный российский историк, географ, экономист и государственный деятель.

на Эльбу в 1946 г. обрушился «железный занавес», разделивший субконтинент во второй половине XX в.

Так и не формализовав критерии своей идентичности и четко не определив восточные границы, Европа на подсознательном уровне ощущает себя все же неким единым целым.

Критерии этой идентичности были различными. Границы Европы, видимо, всегда по-разному воспринимались при взгляде из Западной и Восточной Европы на эти рубежи.

В первую очередь определение культурно-исторических границ Европы связывали с религией. При этом представители западнохристианской цивилизации зачастую отказывали православным народам в «европейскости». Так, например, для известного писателя Генрика Сенкевича Европа заканчивалась там, где стоит крайний костел. Сейчас, в эпоху господства «толерантности» и политкорректности, религиозные, национальные и расовые критерии идентичности стали — по крайней мере, на официальном уровне — неприемлемыми. Широкое распространение получили политические и экономические подходы. «Европа» теперь тесно ассоциируется с такими понятиями, как демократия, правовое государство, права человека, рыночная экономика, зона евро.

Определение естественных границ Европы актуально для понимания того, каким обязательным критериям должны соответствовать государства, чтобы войти в Европейский союз. В 2004 г. в состав ЕС вошла Республика Кипр, которая целиком находится в Азии, причем фактические границы этого государства не соответствуют официальным: часть острова занимает непризнанная Турецкая Республика Северного Кипра; кроме того, там расположены британские военные базы Акروتيري и Декелия, которые Великобритания в одностороннем порядке объявила своими «заморскими территориями» (British overseas territories). И, напротив, ряд европейских государств (Соединенное Королевство и Дания) входят в ЕС не целиком. Так, вне границ ЕС оказываются коронные владения (Crown dependencies) Британии — Нормандские острова и о. Мэн, а также датские Фарерские острова и Гренландия. С другой стороны, в состав ЕС входят расположенные в Америке французские Мартиника, Гваделупа и Французская Гвиана, а также затерявшийся в Индийском океане о. Реюньон. В то же время такие вполне западноевропейские страны, как Исландия, Норвегия или Швейцария, в ЕС не входят.

Сейчас членами ЕС является несколько государств, основная (Греция, Кипр, Румыния, Болгария) или значительная (Латвия, Эстония) часть населения которых в культурно-историческом плане принадлежит к православной версии христианства. В среднесрочной перспективе в планах ЕС принятие в свой состав государств, значительная часть населения которых исповедует ислам — Албания (70% мусульман), раздираемые противоречиями Босния и Герцеговина (около 40%), а также Косово (более 90%). Последнее было отторгнуто у Сербии в результате военной операции НАТО (и в значительной степени «очищено» от сербского населения), легитимность чего в мире не признается значительным большинством государств, в том числе рядом членов Евросоюза. Также в ЕС входит несколько постсоциалистических и даже постсоветских стран, рыночные отношения в экономике которых еще глубоко не укоренились.

Таким образом, географическая принадлежность к Европе, зрелые рыночные отношения в экономике, культурно-историческая принадлежность населения к западной версии христианства (да и к христианской цивилизации вообще), подлинно демократическая политическая система (в Латвии и Эстонии значительная часть населения с 1990-х гг. по национальному признаку лишена гражданства), а также урегулированность границ государств не являются необходимыми и достаточными условиями для членства в ЕС.

Т.е. существуют некоторые обязательные условия (например, вхождение страны в ВТО), но логичных, четко и жестко сформулированных критериев и ограничений для вхождения в ЕС нет. Не видно и внятных очерченных границ Европы — нет никакой «китайской стены», отделяющей восток Европы от запада.

Для того чтобы «снять картинку» перспектив дальнейшей восточной экспансии Европейского союза, экспертам был задан вопрос: **«Какая из республик бывшего СССР (Беларусь, Казахстан, Молдова, Россия, Украина) войдет в ЕС в ближайшей перспективе (5–7 лет)?»** Распределение мнений экспертов по этому вопросу представлено на **Диаграмме 13А**¹.

В целом наиболее перспективными кандидатами в будущие члены ЕС, в представлении экспертного сообщества, стали Украина и Молдова. Эти два государства идут практически «ноздря в ноздю» — правда, в целом с невысокими рейтингами: меньше четверти участников опроса проявила оптимизм по их поводу.

За последнее десятилетие мы не раз были свидетелями драматической смены власти в Украине. Менялось при этом отношение официального Киева к России и к НАТО. Так, например, госсекретарь США Хилари Клинтон недавно в очередной раз озвучила политическое решение, принятое ранее в Вашингтоне, о вступлении этой страны в НАТО, хотя нынешнее политическое руководство Украины уже сняло этот вопрос с повестки дня. Но единственное, что остается неизменным в доктрине Украины,

— европейский вектор. Ориентация на Европу — пожалуй, единственный на сегодня серьезный фактор, не разделяющий, а объединяющий украинские элиты. Таким образом, европейская идея обретает политический смысл прежде всего внутри самой Украины. Идея «прорваться в Европу» определяет внутренние процессы в этой стране, предохраняя ее от раскола и свертывания демократических институтов и завоеваний.

«**Людек Гоуска (Ludek Houska), Чехия, менеджер проектов компании DHL IT Services Europe:** «Возможно, Украина. Однако спорно, пойдет ли это на пользу странам ЕС до того момента, пока ЕС не обретет собственную определенность и ясную форму, а также не займет лидирующего положения. Не думаю, что какие-либо другие страны присоединятся в ближайшем будущем».

«**Любовь Фадеева (Liubov Fadeeva), Россия, д.и.н., профессор, зав. кафедрой политических наук Пермского государственного университета:** «Вряд ли кто-то, кроме Украины. А ее, скорее всего, вознаградят за старание быть ближе к Европе во всех аспектах, включая противопоставление азиатской России».

Шансы Молдовы объясняются политикой нынешнего руководства этой республики, которое взяло форсированный курс на присоединение к Румынии, что дает возможность автоматически войти в НАТО и ЕС.

«**Петр Соломатин (Petr Solomatin), США, партнер немецкой консалтинговой компании, консультант в области логистики:** «Думаю, Молдова, т.к. другие страны лежат в сфере стратегических интересов России (как выразился президент России Медведев) и их не так просто будет присоединить к ЕС».

«**Константин Матвиенко (Konstantin Matvienko), Украина, руководитель Корпорации стратегического консалтинга «Гардарика»:** «Молдова, потому что уже начаты переговоры по безвизовому режиму для этой страны. Кроме того, Румыния является мощнейшим лоб-

¹ Экспертам предлагалось выбрать более одного варианта ответа, поэтому сумма может превышать 100%

бистом Молдовы в вопросе вхождения в ЕС. Молдова невелика, поэтому Европейский союз сможет ее переварить».

Но в отличие от Украины в Молдове тема вхождения в ЕС раскалывает элиты и общество. Часть молдавской политической элиты готова осуществить «вхождение в Европу» ценой отказа от собственной государственности и даже национальной идентичности (стать не «молдаванами», а «румынами»). Другая часть общества, прежде всего русскоязычная, категорически не согласна с таким «путем в Европу» и в ответ на прорумынскую пропаганду все более ориентируется на восток, надеясь на помощь России и Украины. Таким образом, в Молдове «европейская идея» рвет на части и элиты, и страну в целом, создавая перманентный политический кризис.

Что же касается шансов Беларуси и России на присоединение к Европейскому союзу, то они оцениваются более чем скромно, а наименьшие перспективы на этом пути у Казахстана.

«**Николай Петраков (Nikolay Petrakov), Россия, академик РАН, директор Института проблем рынка РАН:** *«Беларусь — небольшая страна с этнически однородным компактно проживающим населением, без внутренних этнических конфликтов, с выгодным геополитическим расположением. В случае радикальных внутривнутриполитических изменений (приход к власти проевропейской оппозиции) в ближайшие 5–7 лет Беларусь гипотетически может довольно быстро стать членом ЕС».*

«**Иоахим Зонтаг (Joachim Sontag), Германия, владелец Sontag Consult:** *«У России это займет больше времени».*

«**Шантану Бавари (Shantanu Bawari), Индия, стажер отдела развития нового бизнеса в компании Starbucks (Китай):** *«Близость Беларуси, Казахстана и Украины к Москве делает их маловероятными кандидатами».*

Половина же экспертов не видит никаких перспектив дальнейшего расширения ЕС за счет «Восточного фронта».

«**Джералд Бауэрс (Gerald Bowers), Великобритания, генеральный директор Британского бизнес-клуба в Украине:** *«Ни одна из них. Мнение каждой из этих крупных стран создаст потенциальные проблемы для ЕС в будущем».*

«**Олег Маляров (Oleg Malyarov), Россия, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН:** *«В условиях нарастания кризисных процессов в ЕС вхождение любой из этих стран в ЕС лишь усилит эти процессы, и потому они вряд ли будут приняты в ЕС в ближайшей перспективе».*

«**Жиль Сан-Поль (Gilles Saint-Paul), Франция, профессор экономики в Университете социальных наук в Тулузе:** *«Не думаю, что будет дальнейшее расширение. Исключение могут составить лишь очень маленькие страны. Также в ЕС вряд ли войдут страны, находящиеся в сфере влияния России».*

С одной стороны, это объясняется тем, что указанные страны не удовлетворяют требования ЕС (чаще звучит со стороны экспертов, представляющих западное сообщество)...

«**Ян Дирк Гертсема (Jan Dirk Geertsema), Нидерланды, владелец и главный консультант Business Consulting B.V.:** *«Ни одна из вышеперечисленных. Во-первых, можно предположить, что неблагоразумно принимать новые страны до тех пор, пока существующие члены не избавились от старых ошибок и заблуждений. Во-вторых, ни одна из вышеперечисленных стран не удовлетворяет необходимым для вступления в ЕС условиям».*

«**Василий Фофанов (Basil Fofanov), Франция, независимый журналист:** *«Практически уверен, что ни одна из перечисленных стран в ближайшее время в ЕС не вступит, даже по чисто формальным признакам — уровень экономического развития ни одной из них не удовлетворяет требованиям ЕС. Компромиссы в нынешней экономической ситуации вряд ли возможны, и нет политической воли к глубокой перестройке экономик ни в одном из этих государств».*

...либо тем, что для самих стран СНГ это малоперспективно с точки зрения их дальнейшего развития (а это уже голос экспертов из постсоветских стран).

«**Игорь Аверин (Igor Averin), Украина, технический директор ТРК Люкс:** *«Скорее всего, ни одна из перечисленных стран не войдет в ЕС. Ничего перспективного их там не ждет. Намного перспективнее им объединиться вокруг России (имеются в виду интересы самих «республик», а не их сменяющихся правящих элит)».*

Учитывая крайнюю размытость критериев «идентификации» в вопросе необходимых условий для вхождения в ЕС, о чем мы говорили выше, подобного рода мнения отдают неким лукавством. Возможно, конечно, объяснить это латентным проявлением встречной ксенофобии: антивосточных, или, скорее даже, антироссийских настроений на Западе и антизападных — на постсоветском востоке. Но гораздо более вероятно, что здесь действует детерминанта совсем иного рода: кризис сделал политиков ЕС значительно осторожнее. Новые члены — новые проблемы. Более того, не исключается, что любое дальнейшее расширение ЕС потребует существенных изменений в характере и принципах этого объединения.

«**Пьер-Шарль Прадье (Pierre-Charles Pradier), Франция, младший вице-президент Университета Пантеон-Сорбонна, президент Ассоциации деканов факультетов экономики и управления:** *«Россия, Украина и Казахстан слишком велики и слишком «восточны», что «страшно» для жителей Европы и лиц, принимающих решения. Беларусь слишком авторитарна, Молдова слишком бедна. Простейший выход здесь — поприветствовать бедняков, а богачей попросить подождать у подъезда. Расширение ЕС за счет стран бывшего СССР, скорее всего, будет происходить в виде преобразования ЕС в чисто экономическую ассоциацию, наподобие ЕАСТ. Хотя ЕС становится чисто экономической ассоциацией, я не думаю, что его граждане одобряют такого рода объединение со странами — членами СНГ».*

Подробный анализ показал существенные различия во мнениях различных групп экспертов по поводу перспектив стран СНГ на членство в ЕС (**Диаграмма 13Б¹**).

Так, российские эксперты значительно чаще (в 4,5 раза!) отдают предпочтение Молдове, нежели Украине. Для европейских экспертов шансы Украины немногим выше, а эксперты из прочих стран уже в два раза больше верят в перспективы Украины, чем Молдовы.

Также российские эксперты абсолютно единодушны в своем крайнем скепсисе относительно шансов на вступление РФ и Казахстана в ЕС.

«**Николай Косолапов (Nikolay Kosolapov), Россия, заведующий отделом международно-политических проблем ИМЭМО РАН:** *«Россия — членство исключено: а) медведь на теремке (сказка); б) мощнейший пылесос капиталовложений со многими сомнениями в плане отдачи; в) Россия сейчас и на перспективу — буферное государство между США и Китаем. Зачем ЕС такое счастье?»*

А среди экспертов из «внешних» по отношению как к Европе, так и к России стран порядка 13% участников нашего опроса верят в перспективы России на присоединение к ЕС.

¹ Экспертам предлагалось выбрать более одного варианта ответа, поэтому сумма может превышать 100%

« Фрэнк Скозафава (Frank Scozzafava), США, вице-президент по рекламе и маркетингу в компании Jobdiva Inc: «Я бы назвал только Россию. О других странах я знаю слишком немного, но у России определенно есть шанс».

« Степан Берил (Stepfan Beril), Приднестровская Молдавская Республика (Молдова), ректор Приднестровского госуниверситета им. Т.Г. Шевченко: «Определяется перспектива вхождения в ЕС какой-либо из названных республик бывшего СССР продолжительностью мирового кризиса. Наиболее вероятно вхождение России — как страны, обладающей способностью быстро возрождаться».

Диаграмма 13Б

Зато, похоже, внешнеполитическая «многовекторность» президента РБ А. Лукашенко производит большее впечатление на неевропейских экспертов (включая в данном случае и российских), в то время как само европейское сообщество пока с пессимизмом смотрит на Беларусь.

« Д-р Иоаннис Коккорис (Dr. Ioannis Kokkoris), Греция, советник по экономическим вопросам Управления по добросовестной конкуренции (Лондон): «Беларусь находится в выгодном географическом районе, но ее вступление в ЕС пока не обсуждается».

И в целом именно европейские эксперты наиболее скептически настроены в отношении перспектив дальнейшего прироста ЕС за счет восточных государств. Впрочем, как уже говорилось во второй главе настоящего доклада, перспективы плотного взаимодействия объединенной Европы со своими восточными соседями совсем не обязательно лежат на пути формальной интеграции.

Основополагающей темой в этом вопросе остается вектор отношений по линии «ЕС — Россия». С одной стороны, сосед-гигант под боком у Европы является самой крупной экономикой и самым большим рынком на всем постсоветском пространстве, с другой — РФ обладает достаточно сильным влиянием на ряд стран бывшего СССР, и в ее стратегических интересах это влияние упрочить. Когда два года назад премьер-министр Италии Сильвио Берлускони выступил с на шумевшим заявлением о том, что Россия могла бы вступить в Евросоюз через несколько лет, и пообещал посодействовать этому, ответ с российской стороны был предсказуемо однозначным. «Россия не испытывает потребности (во вступлении в ЕС), мы хотим иметь стратегическое партнерство с Евросоюзом. Но наша политическая и военная самодостаточность, а также наша самостоятельная роль в экономической сфере дают России полное основание рассчитывать на экономическое процветание самостоятельно, не обязательно в составе какого-то объединения», — тут жеотреагировал постоянный представитель России при ЕС Владимир Чижов.

Возможно ли такое стратегическое партнерство России и Евросоюза в принципе? Насколько этот союз может быть полноценным, что ему мешает, способны ли стороны найти общий язык и прийти к взаимовыгодному консенсусу?

Культура против политики

История России как части европейской арены начинается на заре современной эпохи, в основном в виде периферийных войн с периферийными государствами. Следовательно, Россия является значимой внешней границей Европы — такой же, как Атлантический океан на западе.

Пьер-Шарль Прадье (Pierre-Charles Pradier), Франция, младший вице-президент Университета Пантеон-Сорбонна, президент Ассоциации деканов факультетов экономики и управления

За последние два десятилетия западные страны в своих отношениях с Россией бросались из крайности в крайность: то обнимали ее как посткоммунистического друга, то противостояли ей как извечному врагу. Сегодня мы становимся свидетелями вновь наметившейся тенденции к сближению. Правда, часть аналитиков считают, что во французских и американских призывах к Москве стать более близкими и активными партнерами в мировых делах присутствует элемент западного соперничества. И, поскольку Германия начала сомневаться в том, что ее будущее коренится исключительно в структурах ЕС, «ухаживание» Парижа за Россией следует воспринимать как отчасти оборонительный ход, нацеленный на предотвращение «дрейфа Германии на восток». Каковы бы ни были их мотивы, мы, очевидно, станем свидетелями еще многих инициатив, обращенных к России, со стороны Саркози, Обамы, Меркель и других политических лидеров.

«**Ксения Темникова (Ksenia Temnikova), Россия, зам. генерального директора Международного инновационного центра, главный редактор журналов «Проектное финансирование» и «Деловой английский язык»:** *«Вопрос о том, является ли современная Россия частью европейской цивилизации, является одним из наиболее актуальных для России, прежде всего для решения насущных политических и экономических вопросов. Однако ответ на данный вопрос со стороны европейских экспертов часто сводится к географическим особенностям расположения России (между Европой и Азией), что позволяет партнерам по переговорам подходить к решению вопросов конъюнктурно».*

Также очевидно, что на сам вектор будущих взаимоотношений ЕС и РФ определяющее влияние окажет пресловутый «ценностный фактор». География жизненных интересов как Европы, так и России будет определяться не только экономическими, но и цивилизационными параметрами, лежащими в основе критериального деления «свой — чужой».

Поэтому мы также задали участникам нашего исследования этот извечный для нашей страны вопрос: **«Является ли современная Россия частью европейской цивилизации?»** Экспертам предлагалось оценить в этом плане Россию с точки зрения различных аспектов. Получившийся профиль «европейскости» России приведен на **Диаграмме 14А¹**.

Итак, немногим менее двух третей участников нашего исследования считают Россию европейской страной по культурным реалиям. Действительно, подавляющее большинство населения России являются носителями европейской культуры, и, как мы видим, специфика «российского варианта» вполне укладывается, по мнению экспертов, в рамки европейской культурной вариативности.

«**Алексей Кузнецов (Alexey Kuznetsov), Россия, руководитель Центра европейских исследований ИМЭМО РАН:** *«По всем параметрам Россия является сугубо европейской страной (если точнее, то восточноевропейской страной). «Самость» России вписывается в систему*

¹ Экспертам предлагалось выбрать более одного варианта ответа, поэтому сумма может превышать 100%

аналогичных проявлений самобытности у других крупных европейских стран (атлантизм Британии, иберо-американизм Испании и др.)».

«Дидье Сорнетте (Didier Sornette), Швейцария, специалист по вопросам предпринимательских рисков, профессор в Швейцарской высшей технической школе Цюриха: «Да» — с точки зрения науки, великих достижений в математике, технологических прорывов и области искусства. «Нет» — с точки зрения других параметров. Но положительные факторы наиболее важны, поскольку являются основополагающими».

«Джермано Доттори (Germano Dottori), Италия, профессор университетов LUISS-Guido Carli, Link-Campus University: «Я бы добавил еще... «с точки зрения общего исторического наследия».

«Георгий Энгельгардт (George Engelhardt), Россия, научный сотрудник Института славяноведения РАН: «В культурном отношении до 90% населения РФ относятся к европейцам, что облегчает реальную рецепцию европейских политических и правовых норм и институтов, как это и имело место в XVIII — начале XX в.».

Принадлежность России к Европе по географическому критерию отмечают почти половина участников опроса.

«Гаэтано Капассо (Gaetano Capasso), Бельгия, трейдер на фондовых рынках, управление инвестициями: «Мы находимся рядом друг с другом, поэтому я действительно полагаю, что Россия — часть европейской цивилизации с точки зрения географии, тем более что многие европейские компании развивают бизнес в России...»

«Фелиппе Кадемартори Араужо (Felippe Cademartori Araujo), Бразилия, управляющий по вопросам структурированных финансов Акционерного банка Сумитомо Мицуи: «...кое-что еще объединяет русских с другими европейскими народами, кроме географического положения западной части России и ее крупнейших городов. Отношение к работе и качеству ее исполнения, значение роскоши, независимость и комфорт частной жизни — вот лишь несколько существенных моментов, которые стали играть основную роль в России в период ее корявого перехода от советской системы к демократии».

Строго говоря, это действительно вопрос из серии «смотря откуда смотреть» и «как считать». Ведь большая часть территории РФ расположена в Азии, но при этом три четверти населения России сосредоточено в европейской части страны. Поэтому здесь скорее речь идет о психологическом восприятии близости России либо к тому, либо к другому «берегу». Результат показателен: один к одному.

«Д-р Грета Росс (Dr. Greta Ross), Великобритания, независимый консультант по проектам в области реформ здравоохранения: «Исторически Россия — это конгломерат небольших наций и рас; на востоке, ближе к Владивостоку, она географически очевидно го-

раздо ближе к Азии, чем к Европе. Там велико влияние Китая на развитие малого бизнеса и производства».

« **Джорджио Витанжели (Giorgio Vitangeli), Италия, директор журнала La Finanza:** «Европейские корни России кроются в ее нации... языке, религии и культурных основах. Великая российская литература XIX столетия определенно принадлежит к европейской традиции, как и музыка, и другие искусства, а также наука. С точки зрения географических параметров мы говорим, что Европа начинается (или заканчивается) с Уральских гор. Но это обычная географическая условность. С географической точки зрения Европа и Азия являются одним континентом. Различия состоят в культурных основах. И если культурные ценности России являются европейскими, а Россия продолжается до Владивостока, Европа тоже продолжается до Владивостока».

Отнести Россию к европейской цивилизации по уровню экономического развития готово уже меньшее число участников нашего исследования. Порядка трети экспертов (37%) говорят, что масштаб российской экономики, а также вектор ее развития (образцом для модернизаций на протяжении длительного периода были, как правило, передовые европейские модели) позволяют «вписать» РФ в европейский путь развития.

« **Саймон Германт (Simon Hermant), Канада, директор по развитию компании Life Choices Natural:** «Масштабность российской экономики позволяет ей претендовать на место в будущей модели экономического роста в Европе».

« **Джузеппе Базиле (Giuseppe Basile), Швейцария/Италия, менеджер компании TrustPartners:** «Россия является частью европейской цивилизации с точки зрения экономического развития, а отчасти — с точки зрения культурных основ».

В то же время большинство экспертов полагают, что сырьевой характер российской экономики и ее недостаточно высокий уровень развития в целом не соответствуют европейским стандартам. А в наименьшей степени, по мнению экспертов, европейской модели соответствует политическое устройство РФ. Главными проблемами участники исследования считают отсутствие «реальной демократии», а также «антизападные» интересы на внешнеполитической арене.

« **Андрей Галушка (Andrij Halushka), Великобритания, главный аналитик корпоративного и инвестиционного банка Credit Agricole:** «Россия географически частично расположена в Европе, причем наиболее населенная и развитая ее часть. С точки зрения культуры она также, несомненно, относится к Европе. Однако политически и экономически Россия слишком сильно отличается от европейских стран, чтобы ее можно было считать европейской страной — что, может быть, даже и к лучшему».

« **Жиль Сан-Поль (Gilles Saint-Paul), Франция, профессор экономики в Университете социальных наук в Тулузе:** «На Западе многие не уверены в том, что в России существует реальная демократия. Более того, Россия не отстаивает интересы Запада в международной политике. Ее экономика слишком сильно зависит от природных ресурсов, и она по-прежнему довольно бедна по сравнению с западными демократиями».

« **Фрэнк Скозафава (Frank Scozzafava), США, вице-президент по рекламе и маркетингу в компании Jobdiva Inc:** «Если взглянуть на проблему с точки зрения американца, не думаю, что люди всерьез рассматривают Россию как часть европейской цивилизации. Политически — определенно нет, в сфере экономического развития — может быть...»

Более того, экономические «беды» России, в представлении многих экспертов, напрямую связаны с недостатками российской политической системы и вытекающей из них спецификой управленческой культуры.

«Крис Нанкарроу (Chris Nancarrow), США, экономист, юрисконсульт и член совета директоров Центра для жертв нарушений прав человека: «ЕС и Россия имеют значительные различия во всех сферах. Испокон веков Россия была сверхавтономной и обладала уникальной культурой. В то время как ЕС разделяет идеалы свободного рыночного капитализма, правительство России даже после падения коммунизма всегда вмешивалось в регулирование определенных секторов экономики... Представления ЕС и России о роли правительства в экономике диаметрально противоположны».

«Клаас ван дер Темпель (Klaas van der Tempel), Нидерланды, старший научный сотрудник в институте Clingendael: «Внешне политическая организация кажется похожей, но функционирует она совсем по-другому. Несовершенные правовые нормы и нехватка прозрачности — существенные проблемы для дальнейшего экономического и политического развития».

Зачастую именно особенности политической организации становятся в представлении экспертов той самой гильотиной, которая бесповоротно отсекает Россию от европейской цивилизации. 13% участников опроса не видят никаких оснований считать, что современная Россия следует европейскому тренду развития.

«Сильвейн Райнес (Sylvain Raynes), США, партнер в компании R&R Consulting: «Современная Россия не является Европой, так же как и старая Россия ею не была. У нее полностью восточный тип политики».

«Арташес Газарян (Artashes Gazaryan), Литва, основатель Школы демократии и управления: «Современная Россия очень далека от европейской цивилизации — во всех отношениях. Россия не может принять ценности, культуру, демократию, правила игры Европы: для этого у России нет управленческого потенциала европейского типа — дал бы Бог справиться по-своему...»

«Эмилио Пранди (Emilio Prandi), Италия, независимый предприниматель: «Россия всегда закрыта для европейской культуры и экономики».

При этом ряд экспертов настаивает на азиатской идентичности России, что априори делает неуместными рассуждения в терминах «недостаточной европейскости».

«Аяна Манасова (Ayana Manassova), Казахстан, председатель правления Национального аналитического центра при правительстве и Нацбанке РК: «По всем вариантам Россия не может сейчас стать частью европейских цивилизаций, особенно по культуре и политической организации, по экономическому развитию тоже. Она была и все еще остается частью азиатской, а не европейской цивилизации».

«Геннадий Кононенко (Gennady Kononenko), Россия, заместитель главы Московского представительства южнокорейской компании SoBig Co.LTD: «Россия — азиатская страна, как ни удивительно это может кому-либо показаться. К Европе мы имеем отношение опосредованное, даже внешность современного жителя России не соответствует внешности «белого» европейца. Наша страна представляет собой симбиоз европейской и азиатской культур, с азиатской доминантой, этим и можно объяснить неприятие Европой России как полноправного экономического партнера. Старый Свет рассматривает нас скорее как конкурента или даже потенциального врага».

А многие эксперты делают акцент на индивидуальном пути развития России, т.к. страна, в их понимании, является «синкретической цивилизацией», вобравшей в себя ряд как западных, так и восточных базовых ценностей. Родившийся в результате «гибрид» обречен строить собственную цивилизационную модель, имеющую как свои ресурсы, так и ограничения с традиционно западной точки зрения.

«**Александр Гапоненко (Alexander Garopenko), Латвия, директор Института европейских исследований:** «Россия — это одна из самостоятельных цивилизаций, так же как европейская, как североамериканская, как китайская, индийская. И эти цивилизации несовместимы между собой по ценностям в духовной сфере, по размеру экономик, по политическим тенденциям. Если кто-то кого-то будет поглощать — или Европа Россию, или Россия Европу, — это приведет к войне и гибели обеих цивилизаций...»

«**Владимир Хорос (Vladimir Khoros), Россия, д.и.н., руководитель Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН:** «Россия образует самостоятельную локальную цивилизацию. Вместе с тем, подобно некоторым другим цивилизациям (например, Латинской Америке), Россия является синкретической («смешанной») цивилизацией. Некоторые базовые ценности (экономические, политические, культурные) она восприняла из Европы, и они входят в ее цивилизационное «ядро». Но в этом «ядре» также присутствуют и другие, оригинальные ценности, которые можно назвать «почвенными». Последние вырабатывались органически — как способы приспособления этноса, а затем и суперэтноса к природному и хозяйственному пространству, геополитическим условиям и внешним воздействиям».

«**А. Хузайме Абдул Хамид (A. Huzaim Abdul Hamid), Малайзия, экономист, независимый исследователь:** «Россия во многом уникальна и самостоятельна. Объединяя множество народностей и языков, одновременно охватывая две огромных части света, Россия является европейской от западных границ до Урала и азиатской на юге и восточнее Урала. Ее экономику характеризуют многие аспекты в различных областях — богатство ресурсов на юге и востоке и развитая промышленность на западе. Что касается системы ценностей, проявленной русскими, то она довольно близка к азиатской. Развиваясь, Россия сохранила свой темп и тон, сохранив также и собственную индивидуальность. «Русская душа» уникальна и совершенно независима от других мировых цивилизаций. Царь Петр однажды открыл окно в Европу с целью модернизации России и преуспел в этом. Но Россия с гордостью осталась Россией, со всей присущей ей самобытностью. Является ли Россия частью европейской цивилизации? Я полагаю, в контексте всей ее многогранности, — нет».

Углубленный анализ распределения мнений о принадлежности России к европейской цивилизации по группам экспертов выявил интереснейшую тенденцию (**Диаграмма 14Б'**). Оказывается, Россия соответствует европейским реалиям в боль-

¹ Экспертам предлагалось выбрать более одного варианта ответа, поэтому сумма может превышать 100%

шей степени в сознании самих европейских экспертов, нежели их российских коллег! Это касается всех параметров, но более всего проявляется в оценке уровня экономического развития РФ. Количество европейских экспертов, считающих, что Россия соответствует Европе и по экономическому развитию (49%), почти вдвое превосходит количество согласных с ними российских экспертов (26%).

«**Али Демир Кутлай (Ali Demir Kutlay), Турция, экономист в компании China Innova Group:** «Россия, со всеми своими особенностями — культурными основами, политической организацией, постсоветским экономическим развитием и географическими границами, — всегда была частью европейской цивилизации».

«**Иван Леве (Ivan Lowe), Италия, основатель и партнер крупной инвестиционной компании в Нью-Йорке:** «Россия всегда была частью европейской цивилизации — поскольку имеет влияние на нее, даже не являясь членом ЕС».

Что же касается участников исследования из других стран, то они проявляют больше сомнений в соответствии российской культуры европейскому коду и наиболее критичны в оценке политической организации в России. Но приближенность экономического развития РФ к европейскому уровню «внешние наблюдатели» также склонны расценивать более уверенно, чем сами россияне.

«Перпендикулярная» позиция России, тенденция к пессимистическим оценкам ресурсов и «модернизационных» перспектив собственной страны в российском экспертном сообществе уже не раз фиксировалась в исследованиях Института. Конечно, здесь вполне может иметь место житейское «нам изнутри виднее». Но, возможно, этот «нигилистический» тренд — частично результат идеализации самого понятия «европейская цивилизация», которая является для многих в России некими идеалом и не всегда соотносится с реальным положением дел¹.

«**Любовь Фадеева (Liubov Fadeeva), Россия, д.и.н., профессор, зав. кафедрой политических наук Пермского государственного университета:** «Европа для России всегда была и отчасти остается зеркалом, в которое постоянно смотрятся. Иногда зеркало раздражает, поскольку отражает «кривую рожу».

Тем не менее, в представлении мирового экспертного сообщества, Россия близка Европе прежде всего по культурным реалиям. Справедливости ради надо отметить, что способность позитивно воспринимать различные европейские инновации действительно являлась отличительной чертой Русского государства с момента его создания в IX–X вв. Именно тогда Русь, органично вплетая норманнские военно-административные и греческие (византийские) традиции в свою культуру, фактически вошла в Европу, став крупнейшей европейской державой того времени, а династия Рюриковичей породнилась со многими королевскими европейскими домами. Стоит также вспомнить, что в течение длительного времени во главе Российской империи стояли германские по происхождению монархи, а в госаппарате, офицерском корпусе и среди ученых были широко представлены остзейские немцы, составлявшие в целом незначительную часть дворянского корпуса империи. Был в истории империи и период, когда «Россия говорила по-французски» — изрядная часть дворянства знала французский намного лучше родного русского. А в XIX — начале XX в. порядка половины дворянского корпуса составляла польско-литовская шляхта, которая хоть и находилась в оппозиции к Российской империи, но регулярно поставляла ей государственных деятелей.

¹ Это же резко критическое отношение российских экспертов к действиям своего правительства было отмечено также во втором исследовании Фонда ИПМ «Финансовая архитектура посткризисного мира: эффективность решений», проведенного в апреле — мае 2009 г.

Но, конечно же, не способность русской элиты воспринимать языки и внешние атрибуты европейской культурной традиции стало главным. Определяющим было то, что на протяжении XVIII—XIX вв. Россия в несколько этапов, «сверху», модернизировала свою экономику, создала современные армию и флот — и стала полноправным европейским политическим игроком. Т.е. превратилась в неотъемлемую часть европейской системы политических сдержек и противовесов, не дававших ни одной державе резко усилиться и диктовать свою волю всему субконтиненту.

В том, что модернизация проходила исключительно «сверху», и кроется одна из основных причин, заставляющих сомневаться в принадлежности России к европейской цивилизации. Исторически сложившийся в России гигантский культурный разрыв между элитой и народными массами начал постепенно сокращаться только к началу XX в. — спустя несколько десятилетий после отмены крепостного права. Но период революций и последовавшего за ним «железного занавеса» поставил длинный пробел в этом процессе.

«Миленко Гудич (Milenko Gudich), Сербия/Словения, директор Международной академии управления учителей; консультант в Институте экономики Белграда: «Россия всегда была, остается и будет важной частью европейской цивилизации. А вот существует ли общее восприятие России как неотъемлемой части «европейской цивилизации» — это уже совершенно другой вопрос. Те, кто заявляет, что Россия слишком отличается (в какой-либо или во всех категориях, упомянутых выше) от остальной части Европы, просто забывают, что Европа всегда была и должна оставаться вдохновляющей и при этом сложной смесью многообразия всех видов и различий. Различия — это различия, вне зависимости от того, малы они или велики!»

«Железный занавес» уже более 20 лет как пал. Что же сегодня мешает дальнейшему взаимопроникновению культур, какой теперь «занавес» отделяет Россию от вхождения в число признанных «истинно европейскими» государств?

Чтобы понять какие препятствия стоят на этом пути, экспертам был задан вопрос: **«Что в первую очередь мешает европейской модернизации России?»** Как распределились ответы участников исследования на этот вопрос, мы можем увидеть на **Диаграмме 15А**¹.

По мнению экспертов, главным препятствием для модернизации России является чрезвычайно высокий уровень коррупции в органах государственного управления, а также судебной и правоохранительной систем. Больше половины (55%) участников нашего исследования выделили в первую очередь именно этот фактор.

¹ Экспертам предлагалось выбрать более одного варианта ответа, поэтому сумма может превышать 100%

« **Олег Неменский (Oleg Nemensky), Россия, научный сотрудник Института славяноведения РАН:** *«Почти тотальная коррумпированность нынешней экономической и социальной системы России, сама обоснованность ее на коррупционном принципе, неизбежно делает государственное управление неэффективным, а права человека незащищенными. Проведение «европейской модернизации» страны в условиях такой системы представляется просто невозможным. Возможна частичная модернизация самой системы, ее корректировка в связи с новыми (в первую очередь внешними) вызовами, но вряд ли это можно назвать «европейской» модернизацией».*

« **Крис Нанкарроу (Chris Nancarrow), США, экономист, юрисконсульт и член совета директоров Центра для жертв нарушений прав человека:** *«Создается впечатление, что если кто-то захочет организовать свой бизнес в России, то он непременно должен «заплатить за вход» и поддаться искушению дать взятку или же ему необходимо иметь «своих людей» в российском правительстве. Это также относится к вопросам частной собственности. Внешние инвесторы не хотят нарушать планы руководства России или преуспевать в определенном секторе экономики, опасаясь, что их инвестиции будут национализированы и попадут под контроль правительства».*

Немногим меньше половины экспертов (45%) отметили, что эффективно осуществить модернизацию в России не позволяет неопределенность стратегического курса, отсутствие государственного плана модернизации и нехватка политической воли со стороны властей.

« **Илья Крамник (Ilya Kramnik), Россия, военный обозреватель информационного агентства РИА-Новости:** *«Отсутствие у властей оформленной (именно оформленной, системной) воли к модернизации влечет за собой и последствия в виде отсутствия реального стремления к борьбе с коррупцией и к повышению уровня управленческой культуры».*

« **Гаэтано Капассо (Gaetano Capasso), Бельгия, трейдер на фондовых рынках, управление инвестициями:** *«Я думаю — стратегический курс. Мы в Европе понятия не имеем, какой курс хочет взять Россия или как она видит себя сейчас и через 10 лет. У нас сложилось впечатление, что государственная власть неэффективна. Я думаю, что Россия все еще стоит перед большим количеством нерешенных проблем советского наследия».*

Таким образом, коррупция и отсутствие государственной стратегии — вот диагноз, не позволяющий осуществить модернизацию России без реформы самого государства. При этом отсутствие стратегии можно рассматривать и как причину, и как источник дальнейшей коррумпированности чиновничьей среды. В то же время введение стратегического планирования, задающего четкие ориентиры и критерии эффективности, может стать сильной антикоррупционной мерой.

К этому добавляется незащищенность частной собственности в России — на этой проблеме акцентировала внимание треть опрошенных экспертов, — которая в корне подрывает доверие иностранных партнеров и резко ухудшает инвестиционный климат.

« **Фарид Матук (Farid Matuk), Перу, независимый экономист:** *«Традиционный капитализм не может развиваться в современной России в силу неопределенности в сфере прав собственности и отсутствия беспристрастности политической власти».*

Четвертая часть экспертов указывают в качестве препоны европейской модернизации России неэффективность государственного управления. При этом многие участники исследования подчеркивают, что неэффективное госуправление является первопричиной всех остальных «язв» российского экономического и социального устройства, в том числе всепроникающей коррупции. Все это приводит к тому, что «нестабильность» становится синонимом российской действительности в глазах деловых элит мира.

« **Олексий Рачок (Olexiy Rachok), Швейцария/Украина, партнер по инвестициям крупного швейцарского банка:** *«Неэффективность государственного управления является корнем проблемы, а незащищенность частной собственности, инвестиций и коррупция — лишь ее производные».*

« **Саймон Гермонт (Simon Hermant), Канада, директор по развитию компании Life Choices Natural:** *«Неуверенность является здесь ключевой проблемой. Пока Россия не станет более прозрачной и открытой для международных законов и правил, инвесторы будут опасаться вкладывать миллионы в проект, компанию и нацию, которые они, возможно, больше никогда не увидят».*

Тесно связанным с ним фактором можно считать и слабую управленческую культуру, на которую указали также четверть участников исследования. В совокупности эти два фактора создают серьезные проблемы, учитывая ранее отмеченный экспертами высокий уровень вмешательства государства в российскую экономику. В результате тормозится развитие самого духа предпринимательства.

« **Фелипе Хасе (Felipe Haase), Чили, генеральный директор компании Alisur S.A.:** *«Самые значимые препятствия — это слабое развитие предпринимательства и управленческой культуры».*

« **Джорджо Витанжели (Giorgio Vitangeli), Италия, директор журнала La Finanza:** *«Мне кажется, что в России существует множество негативных предрассудков о западной цивилизации — и иногда они оправданны... Управленческую культуру также непросто совершенствовать после 70 лет коммунизма, а это значит — два или три поколения с отсутствием культуры рынка».*

« **Николай Косолапов (Nikolay Kosolapov), Россия, заведующий отделом международно-политических проблем ИМЭМО РАН:** *«Мешает в первую очередь исторически сложившийся тип культуры, по своим базовым характеристикам противоположный европейскому. Европейская культура последних 600 лет основана на нарастающем доминировании производящего начала — в хозяйстве, знаниях, собственно культуре. Российская культура того же периода — на также нарастающем доминировании насильника-перераспределителя: чиновника, силовика, бандита. Это качественно иной тип экономики и культуры, причем период 1987–2010 гг. принес его новое историческое закрепление и развитие».*

Незащищенность прав человека (18%) — также серьезный репутационный риск для России, и политическая модернизация страны будет проблематична без серьезного улучшения ситуации в этой области.

« **Д-р Иоаннис Коккорис (Dr. Ioannis Kokkoris), Греция, советник по экономическим вопросам Управления по добросовестной конкуренции (Лондон):** *«Существует по крайней мере три проблемы, которые стоило бы обсудить: отсутствие защиты прав человека, неэффективное государственное управление и борьба с антироссийскими предрассудками на Западе. Первые две не столь масштабны как раньше, но, тем не менее, если вы спросите случайного прохожего на улице, он укажет именно на эти три».*

Более того: пожалуй, именно недостатки в реализации базовых демократических принципов порождают основную массу негативных стереотипов о России, которые, в свою очередь, подпитывают встречные «антизападные» предрассудки россиян, убежденных в своем праве следовать собственным путем.

« **Омер Нахум Фрейкса (Omer Nahum Freixa), Аргентина, преподаватель в Университете Буэнос-Айреса; консультант правительства города Буэнос-Айрес:** *«Я хотел бы добавить*

о недоверии к приверженности русских западным путям и ценностям. В некоторых аспектах холодная война еще не закончилась».

«**Аяна Манасова (Ayana Manassova), Казахстан, председатель правления Национального аналитического центра при Правительстве и Нацбанке РК:** *«Антизападные предубеждения — западная демократия, западная модель экономики, западный образ жизни не для нас, у нас должен быть свой путь развития, есть свои ценности и т.д. — остаются преобладающими со времен Петра I (принять западные ценности, учиться у Запада в развитии промышленности и направить их против Запада). Практически ничего не изменилось. Наоборот, после ельцинского периода антизападные риторики еще больше усилились — вспомните мюнхенское выступление В. Путина, выступления Д. Медведева и В. Путина в 2008 г. по поводу возникновения кризиса)».*

«Дрова в костер» подкидывают и официальные выступления первых лиц и других высоких чиновников РФ. Привычный для российской государственности авторитарный стиль дискурса, воспринимаемый к тому же через призму устойчивых предубеждений, вызывает у западного наблюдателя «разрыв шаблона» и рождает множество опасений, далеко не всегда реально подкрепленных.

«**Такао Коизуми (Takao Koizumi), Япония, президент и генеральный директор компании A.I.Medicine, LLC:** *«Стратегия президента Медведева по модернизации путем использования огромных природных ресурсов страны, похоже, хорошо работает, но российский агрессивный военный стиль по отношению к другим государствам снижает эффект конструктивной модернизации, поскольку он уменьшает желание сотрудничества между странами».*

И, наконец, нельзя обойти стороной и точку зрения ряда представителей мирового экспертного сообщества, которые ставят под сомнение необходимость для России следовать путем именно «европейской» модернизации. С одной стороны, они указывают на слабость парадигмы «догоняющей модернизации» и предлагают искать свой путь, адекватный интересам, ресурсам и специфике страны. С другой — отмечают те слабости европейского пути, которые со всей очевидностью обнажил последний экономический кризис, и считают, что у России есть шанс избежать этих ошибок.

«**Сергей Пахомов (Sergei Pakhomov) Россия, председатель Комитета государственных заимствований г. Москвы:** *«Вызывает сомнение само определение модернизации по "континентальному признаку. Исторический опыт России показывает, что «имитационные», «подражательные» модели «догоняющей модернизации» не достигали в итоге нужного результата и быстро исчерпывали свой потенциал. России остро необходима модернизация, в центре которой стоит идея самостоятельного, всестороннего, поступательного и динамичного развития страны».*

«**Паоло Раймонди (Paolo Raimondi), Италия, экономист, автор статей в итальянской ежедневной газете ItaliaOggi:** *«Хотя России придется преодолеть некоторые внутренние последствия своего недавнего прошлого, ей все же следует избегать следования не самым лучшим примерам культурной и экономической политики так называемых промышленно развитых стран. Часть России нацелена на спекуляцию и финансовую коррупцию, что способствует балансированию страны на грани краха. Я считаю, что Россия должна найти собственные ответы на вызовы для обеспечения демократического и творческого участия своих граждан в определении будущего страны и для современной частной предпринимательской культуры. Исторический прецедент периода правления графа Витте может быть полезным примером».*

« Адриано Бенайон (Adriano Benayon), Бразилия, профессор экономики в университете Бразилиа: «Я считаю, что Россия и другие влиятельные страны не нуждаются в «европейской модернизации». Даже европейские страны не нуждаются в ней. Что необходимо для всех стран, так это управлять человеческими и природными ресурсами на основе рационального подхода, отвечающего интересам своего народа. Если «модернизация» означает тенденцию, сложившуюся в последние десятилетия, ее следует избегать».

Но какой бы путь модернизации ни избрала в итоге Россия, сегодня видится немало препятствий на любом конце этой развилки.

« Жанат Курманов (Zhanat Kurmanov), Казахстан, член совета директоров Казахстанского фонда гарантирования депозитов: «Прогресс и равенство граждан — это путь европейской модернизации. Путь азиатской модернизации — это скорее эффективность управления и технологичность. И на том и на другом пути у России пока много нерешенных проблем».

Особо следует отметить ту меру «родовой субъективности», которую проявили участники нашего опроса, рассуждая на тему, что мешает европейской модернизации России. При выборе точки отсчета, т.е. с какой позиции эксперты смотрели на данную проблему — с позиции

Диаграмма 15Б

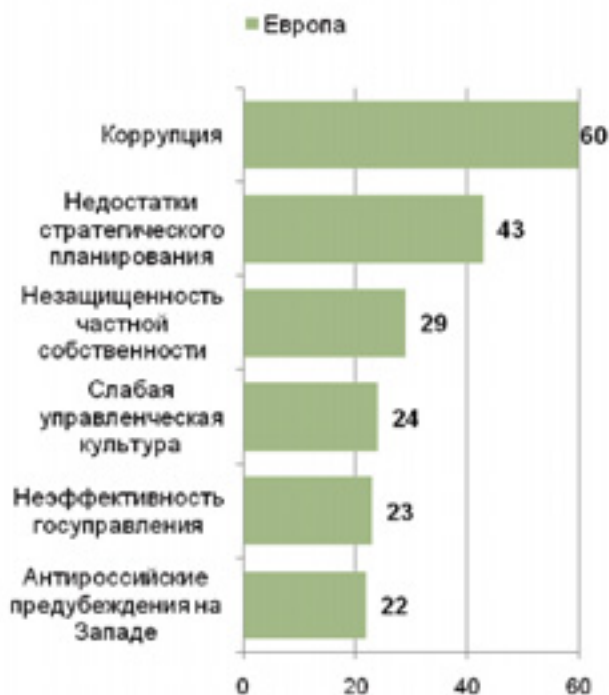

Диаграмма 15В

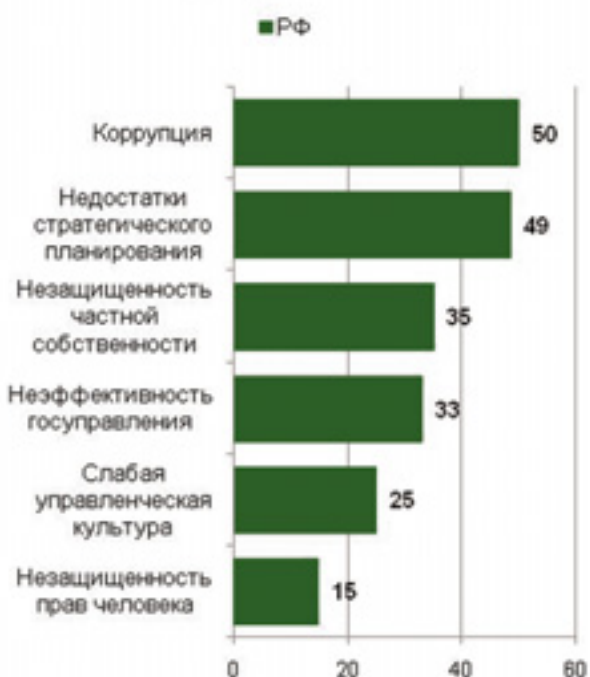
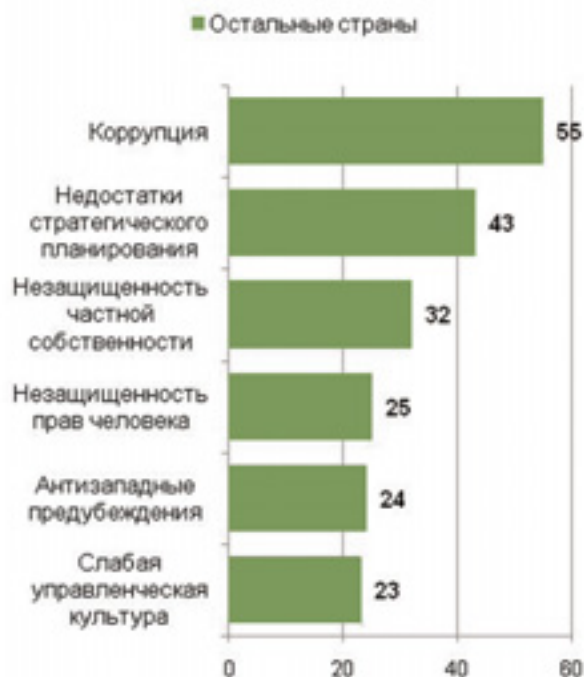

Диаграмма 15Г

¹ Экспертам предлагалось выбрать более одного варианта ответа, поэтому сумма может превышать 100%

европейца, россиянина или стороннего наблюдателя, — взгляд на ситуацию менялся порой кардинально. Распределение мнений экспертов из всех трех групп об основных угрозах модернизации представлено на **Диаграммах 15Б, 15В и 15Г**.

Да, тройка лидеров этого негативного рейтинга одинакова у всех трех групп, но даже здесь наблюдаются существенные различия. Так, по мнению российских экспертов, недостатки стратегического планирования и нехватка политической воли являются столь же весомыми препятствиями на пути модернизации России, как и коррупция. По-видимому, для аналитиков, оценивающих ситуацию изнутри, это суть взаимодополняющие и взаимовлияющие факторы.

А европейские эксперты воспринимают российскую коррупцию скорее как «самодовлеющего монстра», уникальную особенность российского менталитета и общественной организации. В этот же ряд вписываются и оценки российского государственного управления. Для россиян неэффективность госуправления является фактически таким же по силе негативным фактором, как и незащищенность частной собственности и инвестиций. Европейцы придают ему заметно меньшее значение (для них скорее речь идет о слабой управленческой культуре в целом), а у экспертов из других стран он вообще вытесняется на периферию (т.е. не входит в список основных угроз).

Парадоксально, что незащищенность прав человека в России препятствует ее европейской модернизации — в первую очередь в глазах «внешних наблюдателей». Для россиян это гораздо менее значимый фактор, а европейцы вообще оказались самыми мягкими критиками в отношении данного критерия: он даже не входит в главный «черный» список российских «ограничений». Зато Европа самокритично сетует на антироссийские фобии на Западе, «внешние наблюдатели» обличающе указывают на антизападные предубеждения в России, тогда как сама Россия оба эти фактора игнорирует, не считая их реальными препятствиями к обновлению.

Сегодня с многих официальных трибун озвучивается возможность прагматического сотрудничества России и Европы, направленного на модернизацию российской экономики и российского общества. Причем эта модернизация отвечает интересам как России, так и Европы.

Но контуры будущих отношений РФ и объединенной Европы зависят от того, совпадут ли взгляды российских и европейских политиков на принципы сотрудничества. Список встречных «претензий» и требований давно официально озвучен и, по-существу, абсолютно симметричен: Россия хочет от Евросоюза примерно того же, что и Евросоюз — от России. А это значит — есть простор и для торга, и для консенсуса.

«Вадим Георгиади (Vadim Georgiadi), Армения, директор компании Zenteq.am (Армения), вице-президент компании RenderX (США): «Европейской модернизации России мешает то, что Россия сама является организмом уровня европейской цивилизации. Поэтому речь идет не о присоединении группки «варваров» к могущественной империи, а о столкновении двух отдельных независимых цивилизаций, очень различающихся и являющихся достаточно связанными внутри».

Однако если взглянуть на перспективы и цели этого сотрудничества шире, то становится ясно: Россия — слишком крупный геополитический игрок, чтобы идти в Европу, скажем, «путем Эстонии», добиваясь формального членства в ЕС и включения в зону евро (с чем мы Эстонию искренне поздравляем). «Потребительский» смысл присоединения к Европе, характерный для многих небольших стран — путь присоединения к высокому благосостоянию и хорошо организованной жизни, — России заказан: она чересчур велика, чтобы быть «потребителем Европы». Сближение России с Европой будет перекраивать мир, при этом меняя и Россию, и Европу. Такое сближение неизбежно приведет к реинтеграции европей-

ской цивилизации. И союз России и Европы, если состоится, будет альянсом нового типа, аналогов которому пока нет.

«**Марк Гуди (Mark Goode), США, генеральный директор и партнер Peninsula Group:** «Современная Россия будет одним из самых грандиозных примеров в истории с точки зрения ресурсов, имеющихся у нее для роста».

В том, как сегодня воспринимается Россия глазами Европы, мы видим конфликт двух параметров: культуры и политики. По культурным параметрам Россия признается европейской страной, по политическим — нет. Вектор дальнейшего движения России в Европу, казалось бы, очевиден: необходимо «окультуривание» российской политики. Но каким образом это должно происходить на практике?

В процессе длительных переговоров на политическом Олимпе, которые мы можем наблюдать, вопросы любого, даже секторального взаимодействия так или иначе, рано или поздно, но выходят на уровень «общих ценностей» и упираются в вопросы прав человека, демократии, законности и т.д. Европейская политика, пытаясь оставить Россию в своем ценностном поле, педалирует вопрос демократических преобразований.

Однако, как показывает настоящее исследование, сегодня главным камнем преткновения на пути европейской модернизации России являются не права человека, «ущербная» демократия или взаимные предубеждения. Главные угрозы — это коррупция, это неэффективное государственное планирование, это неуверенность в защите собственности и вложений. Новым «железным занавесом», отделяющим Россию от Европы, стала коррупция. И в этом плане европейский вектор необходим России прежде всего для самой себя, чтобы стимулировать антикоррупционную реформу государственной модели.

Для развития политической культуры очевидно недостаточно одного только внедрения формальных демократических процедур. В российской элите должны преобладать люди, реально исповедующие те европейские ценности и нормы, которые являются базовыми с точки зрения восприятия нас если не как «своих», то по крайней мере «близких и понятных». Как мы видим, сегодня на острие интереса — ценности, определяющие качество деловой среды. Соответственно, самым перспективным для нашего сближения оказывается канал делового взаимодействия. Но чтобы этот канал действительно стал эффективным связующим звеном Запада и востока, необходимы, с одной стороны, антикоррупционная реформа и реально работающие законы по защите частной собственности и инвестиций в России, с другой — широкое взаимопроникновение в деловую и производственную культуру лучших как западных, так и российских традиций и норм. Первое предполагает целенаправленное приложение политической воли. В отношении второго «насаждение сверху» неэффективно: проникновение культурных образцов осуществляется через прямое и тесное взаимодействие. Лучшее поле для этого — совместная «производящая» деятельность.

«**Алексей Чернышов (Alexei Chernyshov), Россия, акционер Группы компаний ЧЕРУС:** «Парадокс, как мне кажется, в том и заключается, что та часть общества России, которая активно взаимодействует с Европой, безусловно, находится внутри европейской цивилизации. Т.е. мы можем декларировать любые подходы к взаимодействию, но те, кто в нем участвует, уже являются частью Европы».

ГЛАВА 7 ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР ЕС

Заклятые друзья

**Нарастание интеграционных процессов
«Россия — ЕС» стратегически безальтернативно.**

*Степан Берил (Stepfan Beril), Приднестровская
Молдавская Республика (Молдова),
ректор Приднестровского госуниверситета им. Т.Г. Шевченко*

Мировой кризис подтолкнул европейцев к осознанию нового глобального баланса сил, в свете чего восточное направление развития единой Европы оказалось остро дискуссионным. Одни аналитики бьют тревогу, что Европа «надорвалась в экспансии» и пора заняться «внутренним укреплением Евросоюза». При этом, вполне возможно, придется «выбросить за борт» слабые государства ЕС. Другие, напротив, в новом наступлении на восток видят «драйвер» развития самого европейского проекта.

Взгляд европейцев на восток теперь упирается в Россию. Если предыдущие два десятилетия Европа уделила модернизации буферных государств бывшего «социалистического лагеря», сегодня главный вопрос — это определение отношения ЕС к России: каковы будут контуры взаимоотношений и параметры сотрудничества этих двух центров силы. Таким образом, восточный вопрос — это русский вопрос. От его решения зависит, где пройдет граница западной цивилизации — по Западному Бугу, Уралу или Амуру.

С другой стороны, и взгляд российской элиты на Запад становится все более «разборчивым». Если на США по традиции многие смотрят как на геополитического противника, то в отношении ЕС впервые за 20 лет сформировался консенсус по вопросу о необходимости стратегического сближения с Европой, идею которого поддерживает сегодня большинство групп интересов в российском бизнесе и политике. И дело не только в том, что ЕС — главный торговый партнер России, или в том, что богатые русские имеют счета в европейских банках и учат детей в европейских университетах. Современная русская идеология нуждается в позитивном образце правильно организованной жизни. По мере знакомства россиян с европейскими реалиями европейская идея становится идеей внутривосточной. Однако будет ли потенциал «восточного вектора ЕС» и проевропейский потенциал в России реализован, зависит от восприятия роли России по отношению к Европе.

Иллюстрируя свое видение проблемы диалога ЕС и России, эксперты отвечали в нашем исследовании на следующий вопрос: **«Какую роль будет играть Россия по отношению к ЕС в ближайшее десятилетие?»** Распределение мнений по этому вопросу приведено в **Диаграмме 16А¹**.

90% (sic!) экспертов отметили, что Россия будет играть роль «источника энергоресурсов и сырья». Этот на редкость единодушный ответ не только фиксирует сегодняшнюю ситуацию, но и демонстрирует, что в ближайшее десятилетие ника-

Диаграмма 16А
Все эксперты

¹ Экспертам предлагалось выбрать более одного варианта ответа, поэтому сумма может превышать 100%

ких кардинальных изменений в экономических отношениях России и ЕС, которые бы сломили сырьевую зависимость Евросоюза от России и сырьевой характер экономики РФ, не предвидится.

«**Гаэтано Капассо (Gaetano Capasso), Бельгия, трейдер на фондовых рынках, управление инвестициями:** «Конечно, мы нуждаемся в энергоресурсах и полезных ископаемых, которыми очень богата Россия. Она может обеспечить больше, чем необходимо ее собственной экономике или промышленности. А сотрудничество с Европой может способствовать сотрудничеству с Соединенными Штатами».

«**Алексей Кузнецов (Alexey Kuznetsov), Россия, руководитель центра европейских исследований ИМЭМО РАН:** «Источник энергоресурсов и сырья — единственная роль, которую в ЕС объективно видят для России, учитывая коррумпированность и непрофессионализм многих ее чиновников, а также нежелание сверхкрупных бизнесменов, получивших собственность за бесценок, «напрягаться» для реализации каких-либо модернизационных программ».

Таким образом, проведения эффективной модернизации российской экономики в ближайшие годы мировое экспертное сообщество также не ожидает.

«**Фелиппе Кадемартори Араужо (Felippe Cademartori Araujo), Бразилия, управляющий по вопросам структурированных финансов Акционерного банка Сумитомо Мицуи (Sumitomo Mitsui Banking Corporation):** «Если Россия продолжит движение в том же направлении, что и сейчас, немного изменится. Она будет всего лишь поставщиком сырья и энергии для Европы и при благоприятных обстоятельствах... территорией транзита товаров из Китая. России необходимо вырваться из круга олигополии, отсутствия прозрачности контроля над богатством и властью, которые ведут к нестабильности договоров и неэффективности законов, укрепляющих, в свою очередь, саму коррупцию и коррумпированных власть имущих».

«**Аяна Манасова (Ayana Manassova), Казахстан, председатель правления Национального аналитического центра при правительстве и Нацбанке РК:** «Россия еще лет 20–30 будет оставаться источником энергоресурсов Европы. Россия стремится и будет стремиться быть конкурентом США и ЕС, а в ряде случаев — и КНР. Для остальных ролей Россия либо не готова, либо не видит себя в них: они явно не отвечают интересам развития России в современном мироустройстве».

«**Ян Дирк Гертсема (Jan Dirk Geertsema), Нидерланды, владелец и главный консультант Business Consulting B.V.:** «Пока Россия не соблюдает демократические принципы и не распутывает узлы, связывающие правительство с криминальными структурами, немного улучшится. Сейчас я расцениваю Россию как автократию, основанную на некоторых демократических принципах».

Все остальные варианты, предполагающие, что Россия может выступить для Европы в иной роли, не набирают и четверти голосов.

Так, лишь немногим более 20% экспертов видит в России ближайшего десятилетия полноправного партнера ЕС, обладающего для этого необходимыми ресурсами.

«**Крис Нанкарроу (Chris Nancarrow), США, экономист, юрисконсульт и член совета директоров Центра для жертв нарушений прав человека:** «Роль России как одного из ведущих производителей товаров дает ей значительное преимущество перед экономикой ЕС. У России есть сырье и энергоносители — а это все, что необходимо экономике, основанной на производстве. Кроме того, экономики стран Восточной Азии, также основанные на производстве, предлагают наилучшие возможности для торгового баланса России, и эти страны

с более дешевой рабочей силой могут позволить себе платить более высокие цены за ресурсы своих партнеров из ЕС. Сегодня существует мировой спрос на более дешевые продукты, и Россия может легко воспользоваться своим огромным ресурсным потенциалом».

Здесь одинаково важны две составляющие. Первая — Россия должна быть ориентирована на Европу как на стратегического партнера и способствовать укреплению европейских позиций в мировой конкуренции (в том числе и в отношении Китая). И в этом плане ЕС выступает как прямой «заинтересант» этого альянса.

«**Хайме Посуэло-Монфорт (Jaime Pozuelo-Monfort), Испания, мультидисциплинарный специалист, публицист:** «Эта возможность важна и для России, и для ЕС. Россия должна стать стратегическим партнером столь же важным, как и Соединенные Штаты Америки».

«**Д-р Грета Росс (Dr. Greta Ross), Великобритания, независимый консультант по проектам в области реформ здравоохранения:** «Для ЕС было бы хорошо развивать отношения с Россией как с партнером, а не как с конкурентом, хотя неизбежно наличие областей производства, где Россия будет в состоянии конкурировать более успешно, благодаря доступу к природным ресурсам и меньшим затратам на рабочую силу. Настоящим конкурентом для европейских компаний останется, как и сегодня, Китай».

«**Миленко Гудич (Milenko Gudich), Сербия/Словения, директор Международной академии управления учителей, консультант в Институте экономики Белграда:** «Благодаря своим огромным размерам и ресурсам Россия еще более увеличит свою значимость в качестве энергоносителя и поставщика сырья. Насколько взаимно важно это будет для России и остальной части Европы, зависит от степени, в которой Россия вместе со всем ее потенциалом, включая научную и прочие нематериальные составляющие, будет интегрирована в качестве полноценного партнера, укрепляющего европейские позиции в мировой конкуренции».

Второе — чтобы стать полноправным партнером Евросоюзу, экономика и политическая система России должны претерпеть необходимую модернизацию. «Сырьевое проклятие» — это в первую очередь следствие неэффективного государства. Поэтому уход России от сырьевой зависимости невозможен без административной реформы и реформы самоуправления.

«**Клаас ван дер Темпель (Klaas van der Tempel), Нидерланды, старший научный сотрудник в институте Clingendael:** «Я надеюсь, что Россия вырастет в полноценного партнера ЕС. Как? Становясь более прозрачным, предсказуемым и уважающим правовые нормы государством».

«**Илья Крамник (Ilya Kramnik), Россия, военный обозреватель информационного агентства РИА-Новости:** «Пока что Россия играет роль источника сырья для Европы, но ее роль, если российская власть сумеет преодолеть кризис «отсутствия идей», будет возрастать. К 2020 г. нашу страну можно будет назвать полноправным партнером ЕС».

Более того, стремление к полноправному партнерству необходимо обеим сторонам: России — чтобы осуществить модернизацию, а Европе — чтобы продвинуться на пути преодоления глобальных противоречий и диспропорций, приближающих наступление цивилизационного кризиса.

«**Руслан Гринберг (Ruslan Grinberg), Россия, член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН:** «Полноправный партнер, усиливающий позиции Европы в мировой конкуренции. Я надеюсь на это. Потому что модернизационную программу без Европы вообще не решить — невозможно даже подступиться. И Европе это будет выгодно».

«**Паоло Раймонди (Paolo Raimondi), Италия, экономист, автор статей в итальянской ежедневной газете ItaliaOggi:** *«Европа и Россия должны выполнить историческую задачу, разработав совместно решения новых глобальных проблем. Сначала необходимо создать союз стран БРИК и Европы, а затем пригласить США принять участие».*

Однако, чтобы это партнерство состоялось, Россия должна определиться с вектором и стратегией своего развития. Отсутствие такой стратегии — и внешнеполитической, и внутриэкономической, — как мы помним, неоднократно упоминалось участниками нашего исследования.

«**Гулимжан Сулейменова (Gulimzhan Suleimenova), Казахстан, директор Института модернизации государственного управления, Академия государственного управления при Президенте РК:** *«Если Россия определит свой путь развития и при этом будет показывать достаточно хорошие результаты, то она станет восприниматься как полноправный партнер и стратегический конкурент Европы».*

«**Андерс Свенссон (Anders Svensson), Швеция, специалист по налогообложению в международной аудиторской компании:** *«Я думаю, роль России будет зависеть только от нее самой, т.к. ЕС очень заинтересован в кооперации с Россией на определенных условиях. Большой вопрос в том, какое участие Россия захочет принимать в развитии Европы».*

«**Филипп Дреан (Philippe Drean), Франция, финансовый директор Бюро Веритас Абиджан (Кот-д'Ивуар), финансовый инспектор Африканского региона:** *«Я полагаю, что ЕС очень заинтересован в сотрудничестве с Россией, но роль, которую Россия хочет играть в Европе, остается неясной».*

Вообще, самоопределение России со стратегией своего развития и, соответственно, с тем местом, которое она намерена занять в международном разделении труда, и теми конкурентными преимуществами, которые она собирается развивать и продвигать, становится самым острым на сегодня вопросом. Так, к примеру, всего лишь 8% участников опроса видят Россию как полигон научно-технических и управленческих инноваций и источника фундаментального знания. Эксперты признают, что фундаментальная наука недооценивается не только в России — это становится характерной тенденцией и для Старого Света. Поэтому эксперты бьют тревогу по поводу возможной утраты Россией своего научно-технического потенциала.

«**Дидье Сорнетте (Didier Sornette), Швейцария, специалист по вопросам предпринимательских рисков, профессор в Швейцарской высшей технической школе Цюриха:** *«Потенциал там был. Но он уничтожен длительным отсутствием финансирования и инвестиций в области образования и исследований. Россия в течение последующих 10 лет уничтожит последние уникальные знания, которыми обладали ее инженеры и университеты. Это происходит из-за поиска сиюминутной рыночной выгоды и отсутствия инвестиций в долгосрочной перспективе. Происходила и продолжается в настоящее время «утечка мозгов» в более развитые страны».*

Сегодняшних ресурсов РФ недостаточно и для того, чтобы играть роль стратегического конкурента для ЕС. В таком качестве Россию воспринимают только 12% участников нашего исследования. Однако, как отмечают ряд экспертов, не составляя серьезной конкуренции Европе, Россия тем не менее является носителем определенных угроз для экономики своих западных соседей, выполняя тем самым роль «стимулятора» к развитию.

«**Александр Шашко (Alexander Shashko), Беларусь, преподаватель экономического факультета БГУ, председатель совета молодых ученых:** *«Несмотря на все проблемы Европы,*

в ближайшие 10 лет Россия не сможет стать ее полноправным партнером или серьезным конкурентом».

«**Сирил Ганем (Cyril Ghanem), Франция, независимый экономист:** «В зависимости от потребностей России в последующее десятилетие она будет играть или роль амортизатора (регулятора кризиса), или роль агрессивного конкурента. Россия будет основным торговым партнером ЕС, но едва ли согласится покупать технологии без передачи информации, без получения данных о ноу-хау и технической независимости. В следующее десятилетие это может стать главной угрозой для ЕС».

«**Алексей Чернышов (Alexei Chernyshov), Россия, акционер Группы компаний ЧЕРУС:** «Хотя я не называю Россию стратегическим конкурентом Европы, но лишь потому, что Россия на сегодня обладает слабой конкурентоспособностью. Однако раздражающим фактором и определенным стимулом к развитию для ЕС Россия, безусловно, является. Например, мы заставляем ЕС диверсифицировать источники энергоресурсов, что, конечно, повышает конкурентоспособность европейских экономик».

Такая же доля респондентов (13%) видят Россию в качестве транзитера для азиатских товаров. Здесь роль «ограничителя» играет далеко не только несоответствие российских стандартов в ширине колеи на железных дорогах общераспространенным стандартам, принятым в том числе в Европе и Китае. Многие упираются в необходимость модернизации государства и естественных монополий (РЖД) в России, т.к. «зеленый коридор» «Азия — Европа» сегодня невозможен из-за высоких тарифов на перевозки, отсутствия инфраструктуры, современной логистики контейнерных перевозок и цивилизованной системы страхования перевозок, а также высокого уровня коррумпированности Федеральной таможенной службы.

«**Джорджо Витанжели (Giorgio Vitangeli), Италия, директор журнала La Finanza:** «Я бы сказал, что Россия будет источником энергетических ресурсов и сырья, а также партнером Европы, но очевидно, что Россия станет транзитной страной для товаров из Азии (если модернизирует железную дорогу) и со временем, не знаю точно когда, конкурентом для Европы».

Важное место в оценке той роли, которую будет играть Россия по отношению к ЕС в ближайшее десятилетие, занимают и вопросы безопасности. Чем станет Россия для Европы — «буфером безопасности» или «очагом нестабильности»? Вероятность и того и другого ответа, в представлении мирового экспертного сообщества, одинакова: по 15% респондентов выбрали каждый из вариантов.

Роль России как «буфера безопасности», очевидно, определяется прежде всего ее геополитическим положением, позволяющим прикрывать Европу от возможного «экспорта» нестабильности или экспансии азиатских стран, и в первую очередь Китая.

«**Джузеппе Базиле (Giuseppe Basile), Швейцария/Италия, управляющий по маркетингу в области телекоммуникаций в компании Rast & Fischer:** «Россия вполне может быть буфером, обеспечивающим безопасность разделения Европы и нестабильных Азии и Китая».

«**Том Хашимото (Tom Hashimoto), Албания/Япония, специалист в области политических наук и международных отношений в университете Нью-Йорка в Тиране (University of New York in Tirana):** «Россия может играть роль подушки безопасности, но эта роль необходима в первую очередь для разработки концепции европейской политики по обороне и безопасности в отношении Китая и Центральной Азии».

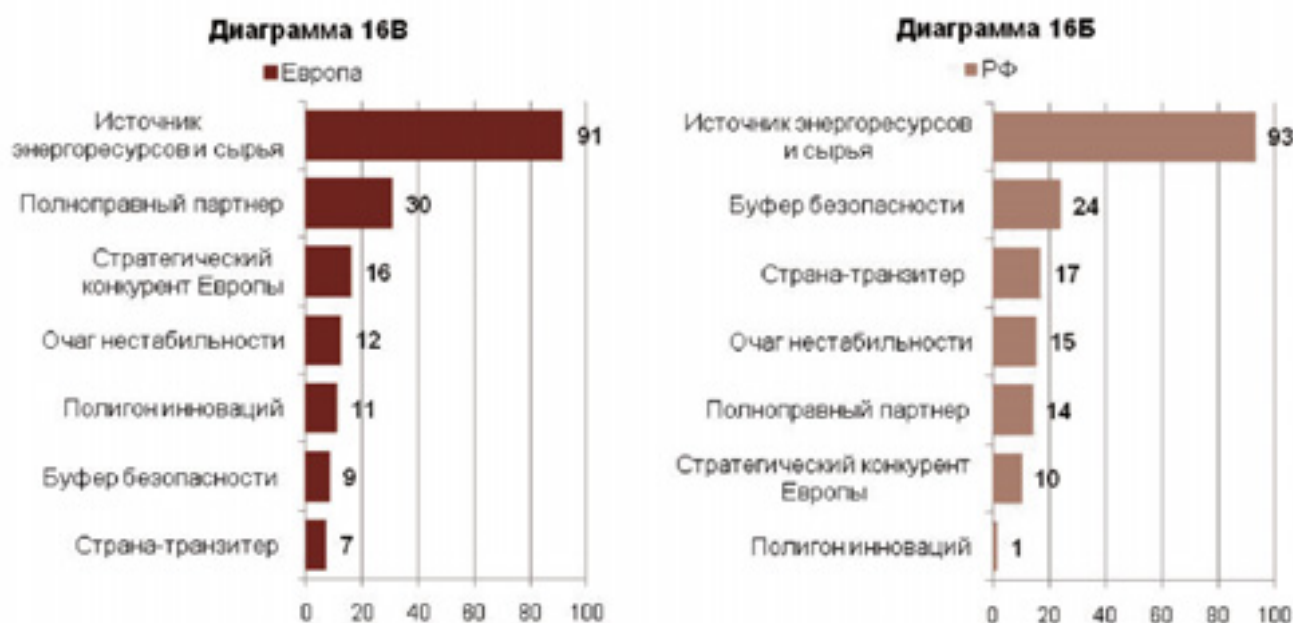
А за определением России как «очага нестабильности» видятся два рода представлений. Первые отражают сложившиеся стереотипы, в которых Россия предстает как отсталая страна, живущая по варварским законам, экспортер международной преступности

и коррупции, — своего рода отголоски голливудских штампов о «русской мафии». Вторые же отражают вполне реальные опасения, связанные с политическими амбициями России, которые могут входить в противоречие с аналогичными интересами Европы и ее союзников. Да, Россия не была источником мирового экономического кризиса, она не стала источником сепаратизма или терроризма, угрожающего Европе, но был газовый конфликт с Украиной, было военное противостояние с Грузией и признание независимости Абхазии и Южной Осетии.

« **Сергей Пахомов (Sergei Pakhomov), Россия, председатель Комитета государственных заимствований г. Москвы:** «В качестве «буфера безопасности» в европейских политических кругах Россия не рассматривается — преобладает скорее настороженное отношение, вызванное опасениями возрождения российской «экспансии на Запад» через подчинение своим интересам Украины и Беларуси, а затем и Прибалтики».

« **Фрэнк Скозафава (Frank Scozzafava), США, вице-президент по рекламе и маркетингу в компании Jobdiva Inc:** «Мои ответы противоречат друг другу, но я думаю, что это суть дела: Россия будет источником энергии и сырья, но я также думаю, что Россия будет источником нестабильности, отсталости, конфликтов, войн, угроз для Европы и ее союзников; экспортером коррупции и международной преступности».

Весьма любопытны оказываются различия во взглядах относительно роли России во взаимодействии с ЕС, которые демонстрируют российское и европейское экспертные сообщества. Распределения ответов экспертов из этих двух групп представлены на **Диаграммах 16Б и 16В**¹.

Если вынести за скобки очевидную роль «сырьевого источника», то видна существенная разница в оценке российского потенциала своими же соотечественниками и их европейскими коллегами. Так, мнения российских экспертов отличается в целом еще больший пессимизм, доходящий до уничижительного нигилизма. «Буфер безопасности», «транзитер азиатских товаров» и «очаг нестабильности» — так им видится место России в альянсе с Европой. В то же время европейские эксперты выдвигают вперед более респектабельные характеристики: «полноправный партнер» и «стратегический конкурент Европы». Более того, они в отличие от российской интеллектуальной элиты даже видят возможности для создания

¹ Экспертам предлагалось выбрать более одного варианта ответа, поэтому сумма может превышать 100%

в России полигона научно-технических инноваций. Таким образом, Европа видит в России намного больший потенциал, чем Россия — в самой себе!

Во многом именно недооценка собственной страны со стороны российской элиты, рассматривающей Россию лишь как склад ресурсов, является на сегодня главным психологическим препятствием в деле модернизации РФ.

Наблюдая картину подобного неверия в собственные силы и возможности, авторам доклада остается только присоединиться к замечанию одного из участников нашего исследования.

Жанат Курманов (Zhanat Kurmanov), Казахстан, член совета директоров Казахстанского фонда гарантирования депозитов: *«Пока сложно рассматривать Россию как конкурента и полноправного партнера ЕС, равно как полигон инноваций и источник знаний. Однако простым «транзитером» товаров из Азии и источником угроз Европе Россию также считать нельзя. Россия объективно будет оставаться источником энергоресурсов и сырья для целого ряда стран, включая страны ЕС. Для России важно, чтобы эта роль не оставалась доминирующей, а наличие природных ресурсов позволило использовать этот потенциал для диверсификации и модернизации экономики».*

Кроме того, именно в настоящий момент перед Россией, на наш взгляд, открываются самые широкие возможности для слома довлеющего «сырьевого тренда». Вернемся к началу нашего доклада, где описывались возможные сценарии дальнейшего развития событий в ЕС. Один из важнейших моментов в прогнозах мирового экспертного сообщества касался непосредственно России: многие эксперты, вне зависимости от выбранного (предпочтительного или ожидаемого) сценария, отмечали, что сближение ЕС и России представляется безальтернативным вариантом развития событий. Европейскому союзу нужны ресурсы и новые рынки, и в любом случае возникнет необходимость увеличить их с помощью России и/или других больших республик бывшего Советского Союза. В этом плане ось «ЕС — Москва» вполне может конкурировать с осью «ЕС — Китай», поскольку способна превратиться со временем в проект «Большая Европа».

При этом весьма значительная доля экспертов в роли главного «двигателя» в Евросоюзе видят сегодня Германию.

Марк Гуди (Mark Goode), США, генеральный директор и партнер Peninsula Group: *«Это важно для самой Германии, т.к. ее деятельность глобальна, ей необходимо расширять рынки сбыта своей продукции — автомобилей, электроники, банковских услуг. Она нуждается в успехе ЕС, она нуждается в стандартизации норм и правил, норм здравоохранения, банковской регистрации, правил перевозки и эффективности, с тем чтобы ее продукты и услуги легко продавались по всей Европе. Германия является главным заинтересованным лицом в успехе ЕС».*

Отношения «ЕС — Россия» должны укрепляться, и, похоже, именно Германия станет пионером в формировании нового союза с РФ.

А. Хузайме Абдул Хамид (A. Huzaim Abdul Hamid), Малайзия, экономист, независимый исследователь: *«Распадется ли ЕС? Есть сомнения, что это случится в следующие 10 лет — исходя из обязательств, возможно, самого сильного звена среди участников, Германии... Также очевидно, что Германия, несомненно, является наиболее агрессивной страной Союза в преследовании стратегических интересов, подтверждением чего являются деловые отношения с Россией в последнее время. В то время как страны по всему миру находятся в поиске движущих сил для роста, вероятно, что ЕС для расширения также обратится на Восток, в сторону Азии».*

«**Сергей Грисюк (Sergei Grisyuk), Казахстан, председатель правления научно-образовательного фонда «Аспандау»:** *«На мой взгляд, уже сегодня очевидно, во-первых, доминирование Германии в структуре Евросоюза, а во-вторых, определение России в качестве стратегического партнера в процессе дальнейшего развития Европы».*

В связи с этим интересна трактовка исторической подоплеку германо-русских отношений известного французского философа и писателя-эссеиста **Андре Глюксманна (André Glucksmann)**. Так, например, он полагает, что причина кризиса в Европе — это распад франко-германского союза, который являлся главной движущей силой ЕС. «Во Франции мы это называем «возвращением к основам». Я, впрочем, не считаю в отличие от большинства поляков, что речь идет о возвращении к временам пакта Молотова — Риббентропа, скорее мы имеем дело с возвращением к ситуации, существовавшей в XIX в... У Германии теперь новые горизонты... Россия и модернизация России. Очень старая концепция, которая отсылает к эпохе царствования немецкой принцессы, ставшей российской императрицей Екатериной II», — считает философ.

Надо отметить, что, со своей стороны, российские эксперты выражают встречную готовность к более тесной экономической интеграции с ЕС и горячо приветствуют возможность создания с Германией совместных проектов.

«**Андрей Паршев (Andrey Parshev), Россия, публицист, автор книги «Почему Россия не Америка»:** *«Европа заинтересована в выходе из-под пресса США — мы можем помочь как рынок и сила».*

«**Вадим Гасанов (Vadim Gasanov), Россия, консультант по документальному кинопроизводству на телеканале «Россия-2»:** *«...теснейшая экономико-политическая связка «РФ — Германия» создаст ось стабильности и безопасности в Европе, т.е. наши отношения вернутся к тому исторически обусловленному тренду, который был прерван Первой и Второй мировыми войнами».*

«**Сергей Трофименко (Sergei Trofimenko), Россия, партнер в Коммуникационной группе «Пойнт Пассат»:** *«...Германия для нас — это один из важнейших стратегических партнеров. И все, что направлено на создание каких-то совместных программ, будет идти во благо России».*

Параметры сотрудничества

Некоторое время назад Восточный комитет немецкой экономики предложил создать принципиальную архитектуру для партнерства между ЕС и Россией в целях модернизации, в связи с чем экспертам был задан вопрос: **«Какие из инициатив западных предпринимателей вы поддерживаете?» (Диаграмма 17А¹)**.

Большинство экспертов вывели на первый план создание зоны свободной торговли «РФ — ЕС». Создание и функционирование евразийской зоны свободной торговли сняло бы препятствия для передвижения товаров и стало бы первым серьезным шагом на пути взаимной экономической интеграции. Более того, это смелый шаг, который способен дать немедленный импульс нашим экономикам: Европа получила бы льготный доступ к российским энергоресурсам, приобретя дополнительные конкурентные преимущества по отношению к Китаю, а Россия получила бы доступ к европейскому капиталу для практической диверсификации собственной промышленности.

«**Марк Гуди (Mark Goode), США, генеральный директор и партнер Peninsula Group:** *«Из всех альтернатив эта представляется наиболее практичной, и выгоды от нее оче-*

¹ Экспертам предлагалось выбрать более одного варианта ответа, поэтому сумма может превышать 100%

Диаграмма 17А
Все эксперты

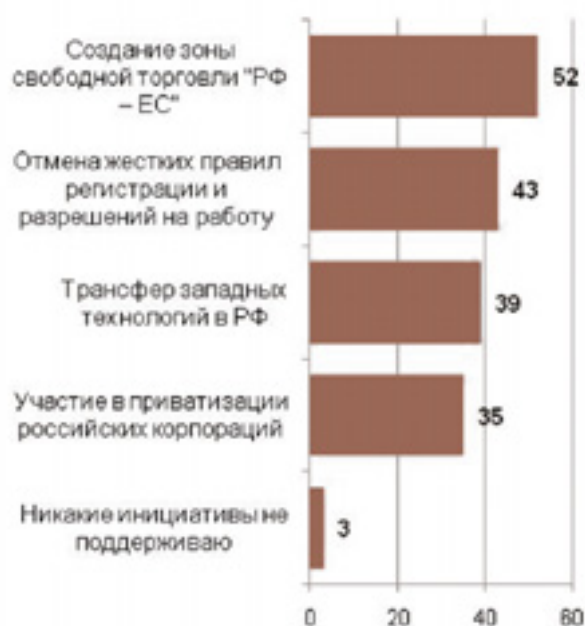
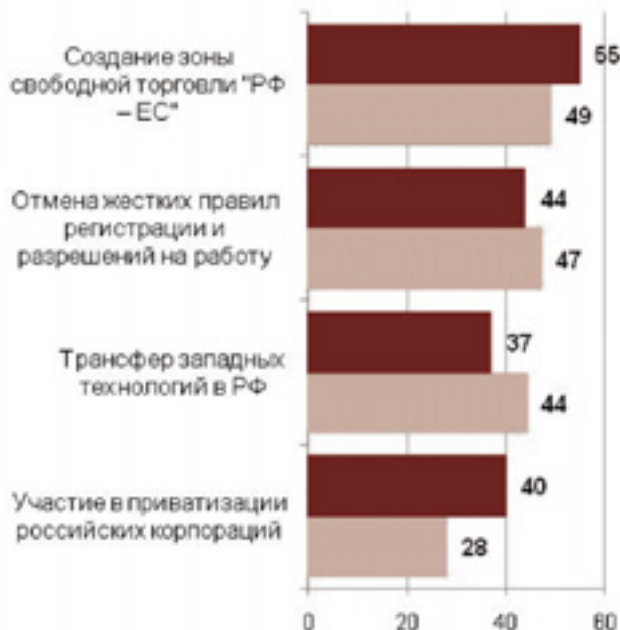

Диаграмма 17Б
■ Европа ■ РФ

видны. Это ускорило бы торговлю идеями, информацией, товарами и услугами. Сотрудничество между ЕС и Россией, безусловно, приведет к большей стабильности и безопасности».

«**Владимир Осаковский (Vladimir Osakovsky), Россия, глава департамента стратегии и исследований в UniCredit Bank:** «Создание зоны свободной торговли подразумевает собой свободу конкуренции внутри России и ЕС... это бы действительно явилось огромным оздоравливающим фактором внутрироссийской экономической ситуации, внутрироссийского бизнес-климата. Даже при сохранении статус-кво российского регулирования это само по себе уже даст позитивный эффект. А движение не только товаров, но еще и ресурсов, в частности человеческих ресурсов, будет еще одним шагом в сторону интеграции и, соответственно... позитивным фактором экономического развития для обоих партнеров процесса».

Тем не менее у ряда экспертов есть возражения против создания зоны свободной торговли, связанные в первую очередь с высоким уровнем коррупции в России, что может существенно исказить первоначальный смысл проекта и лишить его предполагаемых преимуществ. Поэтому на первом этапе логичнее вводить меры, предполагающие свободное передвижение граждан между Россией и ЕС.

«**Сильвейн Райнес (Sylvain Raynes), США, партнер в компании R&R Consulting:** «Слишком рано формировать в России зону свободной торговли».

«**Илья Юданов (Ilya Yudanov), Россия, старший научный сотрудник Института катализа им. Г.К. Борескова СО РАН:** «Зоны» и «центры» в современных условиях, по существу, окажутся кормушками для российской партгосноменклатуры. Модернизация России сверху при сохранении нынешнего руководства, по моему мнению, обречена на провал, т.к. элиту наиболее устраивает современное положение дел — безраздельное господство узкой прослойки госбизнесчиновников. Модернизация страны неизбежно привела бы к слому этой системы... Ну а что касается модернизации снизу, то она идет и будет идти независимо от деклараций и планов высшего руководства. В этой связи свобода передвижения граждан между Россией и ЕС была бы безусловно позитивным фактором модернизации страны».

«Отмена жестких правил регистрации и разрешений на работу для граждан Пост-СССР и ЕС», что означает снятие барьеров для свободного передвижения рабочей силы, и стало следующим пунктом в ответах экспертов. Кадровый обмен «Россия — ЕС» может стать одним из важнейших цивилизационных факторов практической модернизации России. России нужны люди с практическим опытом европейского менеджмента и европейской демократии. В то же время для Европы открытие трудовых каналов гражданам постсоветского пространства стало бы эффективной мерой миграционной политики, создав «заслон» притоку люмпенизированных мигрантов из стран Азии и Африки.

«**Гаэтано Капассо (Gaetano Capasso), Бельгия, трейдер на фондовых рынках, управление инвестициями:** «Если у нас слишком много жестких правил о разрешении на работу и т.д., то это искусственный разрыв в экономическом росте, изменяющем выгодные проекты и решения — не важно, для каких целей».

«**Илья Крамник (Ilya Kramnik), Россия, военный обозреватель информационного агентства РИА-Новости:** «Свободный обмен трудовыми ресурсами позволит России получить в перспективе слой людей с реальным западным опытом работы, а участие европейского капитала в приватизации крупнейших российских компаний повысит прозрачность и цивилизованность нашей экономики».

«**Джералд Бауэрс (Gerald Bowers), Великобритания, генеральный директор Британского бизнес-клуба в Украине:** «Нонсенс, который существует с визами, необходимо прекратить. Это является серьезным препятствием для ведения бизнеса — как в ЕС, так и в России».

Хотя и по этому пункту у европейских экспертов есть серьезные возражения, связанные с представлением о том, что в случае снижения въездных барьеров в Европу поток эмигрантов из России станет неоправданно большим.

«**Джорджио Витанжели (Giorgio Vitangeli), Италия, директор журнала La Finanza:** «Бесконтрольное разрешение на трудоустройство опасно и для России, и для Европы. Высокая заработная плата в Западной Европе была бы непреодолимым искушением для эмигрантов, среди которых много профессионалов и рабочих из России, что привело бы к обеднению России, а также создало проблемы и социальные волнения в Восточной Европе».

Следует отметить, что сторонников зоны свободной торговли «РФ — ЕС» среди европейских экспертов больше, чем среди российских, зато россияне явно оказались больше заинтересованы в отмене жестких правил регистрации и разрешений на работу, а также в трансфере западных технологий в РФ (см. **Диаграмму 17Б'**).

Действительно, создание совместных научно-производственных центров, направленных на трансфер западных технологий в Россию, крайне необходимо для проведения экономической модернизации России.

«**Андерс Свенссон (Anders Svensson), Швеция, специалист по налогообложению в международной аудиторской компании:** «Я уверен, что ЕС должен поддерживать Россию и ее граждан в экономическом и политическом развитии, что, следует надеяться, приведет к улучшению отношений. Торговля на справедливых условиях — это всегда надежный инструмент для сближения и улучшения отношений».

«**Виктор Замятин (Viktor Zamiatin), Украина, независимый эксперт:** «В первую очередь было бы необходимо создавать и всемерно поддерживать деятельность международных научно-исследовательских центров и программ, образовательных инициатив, со-

¹ Экспертам предлагалось выбрать более одного варианта ответа, поэтому сумма может превышать 100%

вместных разработок в различных сферах, совместных инициатив в сферах, относящихся к безопасности».

Особенно эффективным, по мнению многих экспертов, стало бы сочетание трансфера западных технологий через совместные научные и производственные центры с одновременным созданием зоны свободной торговли. В данном случае Россия, по сути, инвестировала бы экспорт ресурсов в импорт технологий и, соответственно, диверсификацию промышленности, а западные партнеры получали бы несомненную выгоду от своих инвестиций.

«**Майкл Эллис (Michael Ellis), США, основатель и вице-президент транспортной компании Trucking Co.:** «Я думаю, хорошей идеей является создание зоны свободной торговли, а также совместных научных и производственных центров, вследствие чего мы могли бы создавать новые вещи вместе и быть партнерами. В то же время некоторые инвесторы в случае удачного совместного партнерства будут заинтересованы в дальнейшем инвестировании, поскольку будут понимать, что они выиграют от этого».

«**Олег Неменский (Oleg Nemensky), Россия, научный сотрудник Института славяноведения РАН:** «Наиболее реальный и действительно полезный для российской экономики — путь, позволяющий осуществлять трансфер западных технологий в Россию. Но большое значение может также иметь создание зоны партнерства как оазиса западных принципов экономической деятельности».

«**Паоло Раймонди (Paolo Raimondi), Италия, экономист, автор статей в итальянской ежедневной газете ItaliaOggi:** «Такая архитектура партнерства чрезвычайно важна. Области сотрудничества должны быть сосредоточены, к примеру, в сферах современных транспортных систем (левитационные технологии), технологий термоядерного синтеза, в исследованиях космического пространства, окружающей среды, в производстве продовольствия, пресной воды, в нанотехнологиях».

Участие европейского капитала в приватизации госпакетов крупнейших российских корпораций (РЖД, Сбербанк, «Газпрома» и других) в общем рейтинге инициатив заняло четвертое место. Однако европейские эксперты, что вполне ожидаемо, проявляют заметно больший интерес к этой форме партнерства, чем их российские коллеги (см. **Диаграмму 17Б**).

«**Фелипе Хасе (Felipe Haase), Чили, генеральный директор компании Alisur S.A.:** «Участие европейского капитала в приватизации принадлежащих государству пакетов акций основных российских корпораций может принести выгоду России, потому что европейский капитал привлечет дополнительные инвестиции и обеспечит более эффективное управление».

«**Александр Апокин (Alexander Apokin), Россия, ведущий эксперт Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования:** «Участие европейских инвесторов в российских государственных компаниях будет способствовать росту прозрачности и качества корпоративного управления, а кроме того, это может облегчить российским компаниям работу на рынках развитых стран».

Несмотря на явный взаимный интерес к предложенным инициативам, ряд экспертов делятся своими опасениями по поводу реальных возможностей претворить их в жизнь. Эти опасения носят во многом «встречный» характер: западные эксперты сомневаются, что европейскому бизнесу позволят участвовать в приватизации крупнейших российских корпораций, а их коллеги из России сомневаются, что Европа готова делиться своими технологиями.

«**Ксения Темникова (Ksenia Temnikova), Россия, зам. генерального директора Международного инновационного центра, главный редактор журналов «Проектное финансирование» и «Деловой английский язык»:** *«Представляется целесообразным создание совместных научно-производственных центров, направленных на трансфер западных технологий в Россию. Однако вопрос о заинтересованности ЕС в трансфере передовых западных технологий в России остается открытым».*

«**Джей Пенисбург (Jay Penisburg), Франция, специалист по международному бизнес-праву в международной юридической фирме:** *«Я думаю, российское правительство ни за что не позволит Европе участвовать в приватизации принадлежащих государству пакетов акций основных российских корпораций».*

Хотя очевидно, что это может стать равноценным обменом, учитывая взаимовыгодный характер такого партнерства, — ведь в результате могут быть получены конкурентоспособные на мировом рынке продукты, торговые марки или услуги.

«**Али Демир Кутлай (Ali Demir Kutlay), Турция, экономист в компании China Innova Group:** *«Глобализация окончила холодную войну и сделала Россию и Европу более интегрированными, в частности, в сфере торговли нефтью и газом... Россия нуждается в технологиях и западных управленческих навыках, а Западу, в свою очередь, требуется российский человеческий капитал и другие ресурсы, такие как нефть, газ и земля».*

«**А. Хузайме Абдул Хамид (A. Huzaim Abdul Hamid), Малайзия, экономист, независимый исследователь:** *«Примером основных средств, которые могут быть перенесены, являются системы управления, предполагающие создание потенциала российской промышленности по западным моделям, измененным соответственно российским условиям, наряду с самими технологиями. Для этого российскому правительству следует приложить большие усилия к искоренению коррупции и к нормализации исполнения установленных законов с действенной, заметной результативностью исполнения, устойчивой как в краткосрочных, так и в долгосрочных периодах».*

Среди участников исследования есть и противники подобных начинаний, которые указывают на исключительно узкие, «эгоистические» интересы инициаторов этого партнерства. Однако таковых оказалось очень мало (3%).

«**Серджо Валентини (Sergio Valentini), Италия, член научного комитета Фонда социальной ответственности бизнеса:** *«Германия отчаянно пытается иметь больший вес, чем имеет, в попытке регулировать отношения с Россией не как с членом ЕС... Я думаю, это дорого с точки зрения потраченного времени и финансовых усилий — создавать заново отношения на уровне «Германия — Россия», в то время как ЕС по факту — верное связующее звено: на стадии формирования ЕС является коллективным дипломатическим органом. Германия не является доминирующей страной в ЕС, и это не в интересах ни Германии, ни России, ни ЕС — играть в двусторонние игры, в то время как проблемы мировой экономики носят глобальный характер».*

«**Геннадий Кононенко (Gennady Kononenko), Россия, заместитель главы Московского представительства южнокорейской компании SoBig Co.LTD:** *«Все эти инициативы направлены на привлечение рабочей силы и только: население современной Европы стареет, «новые» европейцы исповедуют другие культурные ценности, вот и стремится ЕС залатать дыры более или менее лояльными к Европе выходами из России».*

Многие же эксперты поддерживают все предложенные инициативы Восточного комитета немецкой экономики, указывая в то же время на необходимость встречного движения для их реализации.

« **Гаэтано Капассо (Gaetano Capasso), Бельгия, трейдер на фондовых рынках, управление инвестициями:** *«Если мы более тесно сотрудничаем, то у нас есть хороший поток капитала, людей и технологий; таким образом, я думаю, что все применимо».*

« **Миленко Гудич (Milenko Gudich), Сербия/Словения, директор Международной академии управления учителей, консультант в Институте экономики Белграда:** *«...перспективы — это улицы с двухсторонним движением. Для того чтобы быть действительно эффективными, вышеупомянутые направления взаимного сотрудничества и модернизации также должны быть двухсторонними».*

« **Фелиппе Кадематори Араужо (Felippe Cademartori Araujo), Бразилия, управляющий по вопросам структурированных финансов Акционерного банка Сумитомо Мицуи:** *«Любые инициативы, сближающие Россию и ЕС, в настоящий момент только приветствуются. Среднестатистический житель России многое выиграет от повышения промышленного обмена с Европой, который принесет на российский рынок лучшие возможности по заработной плате, иностранные технологии и конкуренцию».*

При этом ряд экспертов выдвигают предложения и по ряду других возможных начинаний в русле партнерства ЕС и России.

« **Паоло Раймонди (Paolo Raimondi), Италия, экономист, автор статей в итальянской ежедневной газете ItaliaOggi:** *«Я думаю, есть два других важных направления сотрудничества между Европой и Россией. 1) Полное участие России в строительстве Долгосрочного инвестиционного клуба, учрежденного французским Caisse des Depots, немецким Kreditanstalt fuer Wiederaufbau и итальянским Cassa Depositi e Prestiti, а также создание новых государственно-частных кредитных инструментов для долгосрочного инвестирования в инфраструктуру, отличных от краткосрочных спекулятивных операций и инструментов, используемых в докризисный период. 2) Продвижение проектных агентств как нового инструмента поддержки современных совместных предприятий для нового технологического сотрудничества и реализации новых видов продукции».*

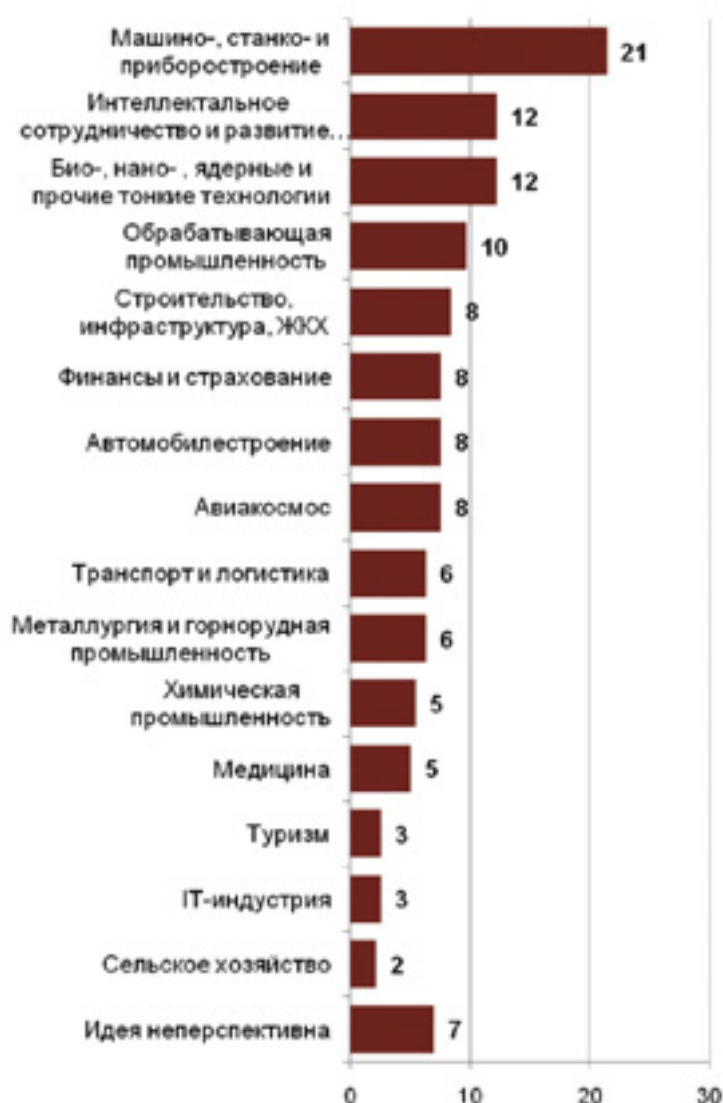
« **Клаас ван дер Темпель (Klaas van der Tempel), Нидерланды, старший научный сотрудник в институте Clingendael:** *«Юридическое содействие в модернизации российской законодательной базы с комплексной поддержкой Кремля для внедрения правовых норм; обмен студентами. Продвижение русского языка и культуры в ЕС. Россия должна стать членом ВТО».*

Сегодня идею партнерского взаимодействия ЕС с Россией наиболее последовательно продвигает Германия. Со своей стороны, в российских элитах также сильны ожидания возможности заимствовать немецкие достижения. Эти ожидания порождены, во-первых, распространенными среди россиян оценками немецкой культуры производства и организации труда как образцовых, а во-вторых, выступлениями в свое время Владимира Путина в роли «германофила». Однако пауза затянулась.

Вообще, Россию и Германию в различные периоды истории связывали тесные политические, экономические и культурные связи. Именно благодаря союзу с Россией в начале XVIII в. была ликвидирована военная угроза со стороны Швеции, а век спустя — со стороны Франции. Оба объединения Германии — 1871 и 1989 гг. — прошли при активной поддержке со стороны России (СССР).

В последние годы Германия является крупнейшим торговым и финансовым партнером России, но сейчас в основе сотрудничества лежит сырьевая ориентация российской экономики и острый дефицит сырья, который испытывает экономика Германии. Без российских энергоресурсов немецкая экономика окажется в беде. В то же время России нужны технологии и специальные знания для развития своей экономики и ликвидации примитивного статуса экспортера сырья. Более того, в Германии уже есть тысячи предприятий, инвестирующих

Диаграмма 18А
Все эксперты

средства в Россию. И, наконец, население Германии стареет и сокращается — и может сократиться до такого уровня, когда будет уже невозможно обеспечивать лидирующие экономические позиции страны. Германия не хочет увеличивать число иммигрантов из Азии и Африки, опасаясь социальной нестабильности. Немецкие инвестиции в Россию позволяют Германии получать необходимую рабочую силу, не прибегая при этом к иммиграции, а просто перенося производственные мощности на восток. В то же время восточный промышленный проект «Россия — ЕС» может стать важным социокультурным элементом укрепления германо-российского союза, способствующим усилению Европы в целом.

В настоящий момент в рамках партнерства ради модернизации обсуждается идея инновационной кооперации «Германия — Россия». В связи с этим экспертам был задан вопрос: **«В каких отраслях экономики инновационный союз «Россия — Германия» мог бы дать наибольшую отдачу?»** Подробные ответы всех экспертов иллюстрирует **Диаграмма 18А¹**.

Названные экспертами различные отрасли экономики были для удобства анализа сгруппированы в четыре кластера — **«высокотехнологичный сектор»** (сюда вошли такие отрасли, как био-, нано-, ядерные и прочие тонкие технологии, интеллектуальное сотрудничество и развитие науки, авиакосмос, медицина, IT-индустрия), **«среднетехнологичный сектор»** (машино-, станко- и приборостроение, автомобилестроение, обрабатывающая промышленность, химическая промышленность), **«сырье и отрасли первого передела»** (энергетика, металлургия и горнорудная промышленность) **«инфраструктура и сельское хозяйство»** (строительство, инфраструктура, ЖКХ, транспорт и логистика, финансы и страхование, туризм, сельское хозяйство).

Как следует из ответов экспертов, модернизация отраслей «высокотехнологичного сектора» необходима России для реконструкции ее экономики. В то же время эксперты фиксируют наличие в настоящий момент серьезных барьеров, препятствующих России в приобретении современных технологий.

« **Вадим Гасанов (Vadim Gasanov), Россия, консультант по документальному кинопроизводству на телеканале «Россия-2»:** «Это высокоточные производства на террито-

¹ Экспертам предлагалось выбрать более одного варианта ответа, поэтому сумма может превышать 100%

рии РФ, развитие энергосберегающих и иных экономических технологий, создание научно-производственных совместных центров, бартер «строительство и обучение в обмен на сырье».

« **Жанат Курманов (Zhanat Kurmanov), Казахстан, член совета директоров Казахстанского фонда гарантирования депозитов:** «Наиболее взаимовыгодными и перспективными для инновационной кооперации ЕС с Россией являются российские отрасли экономики, связанные с высокотехнологичной переработкой энергоресурсов и сырья, а также с поддержкой и развитием ее научно-технического потенциала».

« **Фарид Матук (Farid Matuk), Перу, независимый экономист:** «В настоящее время Россия занимает лидирующую позицию на военном фронте, и основной вопрос заключается в том, как это превратить в продукцию для гражданских целей».

Сотрудничество в отраслях «среднетехнологичного сектора» фактически означает и модернизацию традиционных отраслей экономики РФ. В настоящий момент они также сильно устарели.

« **Такао Коизуми (Takao Koizumi), Япония, президент и генеральный директор компании A.I.Medicine, LLC:** «Такие инженерные отрасли, как автомобилестроение, механическая и электрическая части инженерии, поскольку Россия обладает природными ресурсами, а Германия владеет технологией. Партнерство будет способствовать более быстрому развитию их экономик».

« **Гаэтано Капассо (Gaetano Capasso), Бельгия, трейдер на фондовых рынках, управление инвестициями:** «Тяжелая промышленность и машиностроение, потому что это именно то, что было важно для экономики или промышленности России сотни лет, так же как и для Германии. Полагаю, что это преимущество обеих стран».

Инновационный союз в секторе «Сырье и отрасли первого передела» (т.е. по мере уменьшения сложности технологий) дал бы российской экономике серьезную модернизацию, в частности, энергетического сектора. Значение этого для России, учитывая ее статус энергетической супердержавы, а также суровый климат, невозможно переоценить.

« **Крис Нанкарроу (Chris Nancarrow), США, экономист, юрисконсульт и член совета директоров Центра для жертв нарушений прав человека:** «Германия является производственной нацией, и Россия также — товаропроизводитель. Могу предположить, что от русско-немецкого инновационного союза получит значительную пользу энергетический сектор. Инновационные пути развития энергоэффективных технологий в рамках немецкой экономики должны позволить России сохранить большую часть экспорта сырьевых товаров в азиатские страны».

« **Роберт Абдуллин (Robert Abdullin), Россия, почетный президент Международной организации кредиторов:** «В данном конкретном вопросе не обязательно изобретать что-то принципиально новое... Технологические возможности немецкой промышленности можно было бы интегрировать в развитие российских производств по переработке сырья с целью увеличения качества конечной продукции и, следовательно, роста капитализации добывающих отраслей».

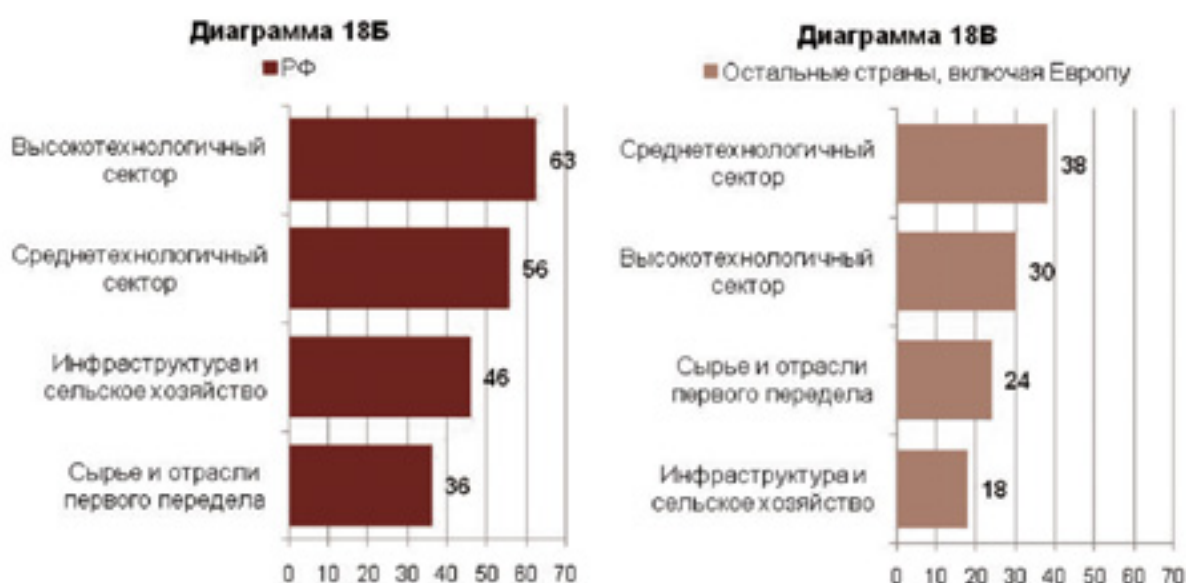
« **А. Хузайме Абдул Хамид (A. Huzaim Abdul Hamid), Малайзия, экономист, независимый исследователь:** «Германия широко известна своим машиностроением, химической промышленностью и фармацевтикой. Россия же известна сырьем, которое возможно переработать до конечного потребительского товара/мирового бренда. Это может стать удачным соединением сильных сторон обоих государств».

На четвертом месте стоит кластер «инфраструктура и сельское хозяйство», но сотрудничество в его рамках также означает, прежде всего, передачу России передовых — немецких — технологий.

«**Степан Берил (Stepfan Beril), Приднестровская Молдавская Республика (Молдова), ректор Приднестровского госуниверситета им. Т.Г.Шевченко:** «Создание инновационных производств глубокой переработки сырья в регионах России; инновационное возрождение сельского хозяйства, прежде всего производство продовольствия».

«**Илья Юданов (Ilya Yudanov), Россия, старший научный сотрудник Института катализа им. Г.К. Борескова СО РАН:** «Наверное, как и в старину, наибольший эффект для России мог бы дать ввоз специалистов из Германии: инженеров, ученых, военных, фермеров и пр.».

Ответы респондентов из России и прочих стран (включая Европу) показывают определенные различия в восприятии перспектив сотрудничества (см. **Диаграммы 18Б и 18В**¹).

Во-первых, российские эксперты демонстрируют в целом явно большую заинтересованность в подобном сотрудничестве. Кроме того, безусловный приоритет (63%) они отдают высокотехнологичному сектору, а наименьшую отдачу, по их мнению, принесут совместные проекты в сырьевом секторе и отраслях первого передела. Для экспертов из «внешнего мира» интерес представляет прежде всего «среднетехнологичный сектор», а наименьшую отдачу они видят от сотрудничества в инфраструктурных проектах и сельскохозяйственном производстве.

Неизбежный союз?

ЕС не хватает политической воли. Это означает, что ЕС не хочет платить цену за свои мечты — в основном потому, что не хочет как-либо ограничивать своих граждан: это может быть истолковано либо как соблюдение в ЕС прав человека, либо как признак упадка ЕС. Напротив, США и Россия — и, кстати, очень разными средствами — демонстрируют сильную политическую волю (и платят за это дань кровью). Постановление доктрины

¹ Экспертам предлагалось выбрать более одного варианта ответа, поэтому сумма может превышать 100%

Монро гласит, что Северная и Южная Америки — территории действий США. К счастью, расстояние до Европы составляет 5000 миль, так что нас это не волнует. Что касается России, то суть здесь состоит не в том, быть или не быть ей частью Европы, а в том, что она — лидер, находящийся СЛИШКОМ БЛИЗКО к Европе.

Пьер-Шарль Прадье (Pierre-Charles Pradier), Франция, младший вице-президент университета Пантеон-Сорбонна, президент Ассоциации деканов факультетов экономики и управления

Европа длительное время была законодателем мод в плане определения стандартов в образе жизни. Вторая мировая война сделала этим законодателем США. Европа в значительной степени вернула себе эту роль благодаря Евросоюзу и перманентному процессу его расширения, но сейчас вследствие кризиса вновь ее теряет. Европе нужна «свежая кровь», для того чтобы опять вернуться на мировую арену в качестве ключевого игрока.

Сегодня объединенная Европа решает «горящие» вопросы: борется с проблемой долгов и бюджетных дефицитов и, учитывая углубляющиеся противоречия слабых и сильных стран, пытается выработать согласованную стратегию развития. Однако главной угрозой европейской безопасности в ближайшие 10 лет становится потеря конкурентоспособности.

Какие конкурентные преимущества может предъявить ЕС, например, в соревновании с Китаем? Трудовые ресурсы Европы ограничены — и их приходится пополнять при помощи иммигрантов, значительная часть которых не хочет или не может ассимилироваться в Европе. Сырьевых ресурсов мало, практически все территории освоены. Особое внимание обращает на себя и отставание в традиционно сильной для Европы области инноваций и научно-исследовательских разработок.

Похоже, ЕС как удачная конструкция интеграции перерос сам себя. В «замкнутой форме» он рискует впасть в стагнацию, что повлечет за собой либо раскол, либо дальнейшую потерю позиций в экономике, политике, культуре. Открытость ЕС — это его принципиальное конкурентное преимущество в сравнении с другими центрами силы, замкнутыми на себе (Китай, РФ, США). Трудно представить дискуссию о присоединении той или иной страны к США, Китаю или РФ, а присоединение к ЕС — один из центральных вопросов для элит целого ряда стран.

В связи с этим дальнейшая экономическая и политическая экспансия ЕС на восток представляется вполне логичным вектором развития. Благодаря восточному вектору Европа получает пакет конкурентных преимуществ: новые рынки сбыта, сырьевые ресурсы на льготных условиях, высококвалифицированные кадры вместо мигрантов из Африки и Азии.

Но дальнейшая экспансия на восток упирается в границы России, которая не может быть интегрирована по принципу простого «принятия в ЕС» по примеру малых стран Восточной Европы. Исторический шанс реализовать восточный вектор ЕС тем более остро актуален, поскольку сама Россия подошла к необходимости модернизации, которая на нынешнем этапе возможна только как модернизация европейская. Это буквально диктует российским элитам необходимость сближения с ЕС.

Поэтому рассматривать Россию — с ее ресурсами и потенциалом — только как источник сырья и транзитное звено нельзя. Россия не готова вступить в ЕС, а ЕС не готов принимать ее в свой состав, однако существуют иные форматы сотрудничества.

Будущая экономическая и политическая карта мира во многом зависит от взаимоотношений в четырехугольнике «США — Европа — Россия — Китай». Учитывая это, сейчас возможны, на наш взгляд, следующие сценарии развития геополитических трендов.

« Людек Гоуска (Ludek Houska), Чехия, менеджер проектов компании DHL IT Services Europe: «Исторически геополитические интересы России сильно отличались от интересов ЕС в целом и стран — членов ЕС. С культурной точки зрения Россия — это смесь

культурных традиций, в том числе и европейских. Тем не менее в результате гиперразвития Китая России, возможно, придется объединять усилия и сближать интересы с одним из мировых полюсов — потенциально это ЕС или США».

• Проект «Европа — Россия»

В рамках этого сценария происходит технологическая экспансия Европы в Россию, частичное восстановление российской фундаментальной и прикладной науки. Создаются предпосылки для стратегического союза «Европа — Россия — Китай».

«**Саймон Германт (Simon Hermant), Канада, директор по развитию компании Life Choices Natural:** «Если Европа захочет бросить вызов США за мировое могущество и выработку экономических правил; если Россия в качестве мировой державы захочет конкурировать с США и Китаем — Россия и ЕС должны стать более сплоченными. Они никоим образом не должны объединяться, но им следует теснее сотрудничать».

Однако этот сценарий потребует от европейской элиты серьезных интеллектуальных усилий на тему «Как работать с российскими компаниями и населением». Не исключено, что будет предложен ускоренный процесс обмена суверенитета на выживание и деньги. Возможно, Европе для этого процесса будет нужен единый лидер — в лице Германии, т.к. других кандидатов на этот пост не предвидится. Хотя не исключено, что будущее Европы будет определять, например, триумвират «Франция — Россия — Германия».

«**Хайме Посуэло-Монфорт (Jaime Pozuelo-Monfort), Испания, мультидисциплинарный специалист, публицист:** «Я считаю, что ЕС будет включать в себя Восточную Европу, Россию и Турцию, но это точка, с которой процесс расширения будет прекращен».

От российской элиты требуется полная реструктуризация власти, которая необходима для борьбы с коррупцией, развитие демократических институтов. В перспективе необходима полная смена российской элиты. В результате реализации этого проекта Европа получает конкурентоспособность, Россия превращается в цивилизованное правовое государство, а «Большая Европа» (альянс «ЕС — Россия») станет для Китая возможной заменой США.

Европа может сейчас использовать помимо сырьевых ресурсов и научный потенциал России, а также оказать ей помощь в освоении новых технологий в промышленности и других отраслях экономики. Фактически появляется возможность воссоздать в расширенной Европе экономику полного цикла.

«**Маурицио Колелла (Maurizio Colella), Италия, адвокат, владелец адвокатского бюро:** «Россия необходима Европе для экономического развития».

«**Д-р Иоаннис Коккорис (Dr. Ioannis Kokkoris), Греция, советник по экономическим вопросам Управления по добросовестной конкуренции (Лондон):** «Я бы сказал, с точки зрения экономического развития мы, Европа, интегрированы с Россией в большей мере, чем думаем. И есть попытки укрепить эти хозяйственные связи — по крайней мере, экономическое развитие Европы связано с Россией, и в этой области она нуждается в России больше, чем в других сферах».

На наш взгляд, основу качества роста России должны составить ноу-хау шестого (а в будущем — и седьмого) технологического уклада, перенесенные в РФ. Но готова ли к новому переходу Европа и что предпримет в сложившейся ситуации?

Европа обладает огромным потенциалом инноваций. Прежде всего это кадры и высочайшая производственная культура. Сегодня европейский потенциал недостаточно включен

в практическое развитие. Для мобилизации инновационного потенциала Европа нуждается в больших мегапроектах, которые создадут прорывы в технологиях и в человеческом развитии. Такими проектами были в свое время Атомный и Космический проекты в США и СССР. В XXI в., накануне очередной смены технологических укладов, важно угадать стратегическую линию инноваций, которая определит будущую экономическую модель.

В настоящий момент назрел совместный для ЕС и РФ культурно-инновационный прорыв, отвечающий интересам обеих сторон. Он предполагает активное использование российского научного потенциала, импорт технологий и радикальную перестройку производства в России. Таким образом, речь идет не о формальном присоединении РФ к ЕС, а о новых формах «сетевой интеграции» — создании сети научно-промышленных инновационных центров.

«**Ирен Бухадана (Irene Bouhadana), Франция, генеральный секретарь Института мира и развития, доцент в университете Пантеон-Сорбонна:** *«Экономические, научные, технические и управленческие инновации — это новые перспективы для развития отношений между Россией и ЕС».*

В результате Россия уйдет от модели сырьевой экономики и построит современную, став экономически неотъемлемой частью Европы. Как следствие это сделает возможным ее полноправную политическую европейскую интеграцию.

Выстраивание отношений с Россией ведет к вовлечению в орбиту европейских интересов других республик Пост-СССР. Со временем возможно открытие сухопутного транзита товаров из Китая в Европу, который пройдет через территорию Казахстана и России — а далее, в зависимости от конечного адресата, через Беларусь либо Украину.

Но возможны и иные сценарии, чреватые военной конфронтацией и конфликтами, которые могут перерасти в ядерный и выйти из-под контроля.

• **Статус-кво**

Сейчас непонятно, готов ли ЕС пойти на дальнейшее сближение с Россией, включая трансфер технологий в целях создания противовеса Китаю, или решит оставить РФ в качестве сырьевого придатка. Если никаких решительных шагов не происходит, Россия остается сырьевым придатком, а Европа — постепенно слабеющим центром мирового развития, шаг за шагом уступающим свои позиции в мировой конкуренции. В этом случае будущее зависит от отношений «Китай — США», а также от успехов этих государств в экономике и на политической арене.

«**Пьер-Шарль Прадье (Pierre-Charles Pradier), Франция, младший вице-президент университета Пантеон-Сорбонна, президент Ассоциации деканов факультетов экономики и управления:** *«Ни одно государство не может угрожать ядерным державам: терроризм, сепаратизм — недостаточные причины разжигания глобального конфликта. В долгосрочной перспективе проблемы могут возникнуть из-за следующих факторов:*

- *неудачи руководства США (участие США в мировом богатстве/ВНП снижается);*
- *неустойчивого экономического роста Китая: внутренняя напряженность может привести к глобальным беспорядкам».*

Оставаясь главным политическими и экономическим игроком, США для снижения влияния Китая ограничивают сброс туда высоких технологий с одновременной провокацией Китая на столкновение интересов с Россией. Возможно, что одной из точек такого столкновения будет Прикаспийский регион Центральной Азии — один из самых перспективных нефтегазовых регионов мира с относительно нестабильными режимами.

Создав управляемый конфликт в Центральной Азии, США будут преследовать цель привлечь Россию в качестве своего военного союзника. Россия окажется перед тяжелым выбором — стать «младшим братом» США или оказаться втянутой в конфликт (в том числе военного характера) с предсказуемым исходом. Может возникнуть затяжная патовая ситуация, в ходе которой Европа все больше теряет конкурентоспособность, а Россия проходит точку невозврата к развитому состоянию. Вероятность данного сценария сильна тем, что не требует решительных шагов от элит.

- **Россия и США против Китая**

В случае дестабилизации Центральной Азии, в условиях ухудшающихся условий добычи полезных ископаемых и падения выручки от экспорта ископаемых ресурсов, а также при условии концентрации власти в руках относительной небольшой группы лиц, возможен вариант развития событий, когда верхушка руководства России под американским давлением все же соглашается на роль «младшего брата». В этом случае Россия будет вынуждена участвовать в планах США, направленных на обеспечение глобального американского доминирования, включая использование российской военной силы.

«**Дмитрий Евстафьев (Dmitry Evstafiev), Россия, вице-президент КРОС:** *«Территорией не-стабильности будет Европа. А Россия как стратегический партнер США (теоретически — США и Китая) неизбежно будет конкурентом Европы и инструментов давления США на Европу».*

Однако реализация такого проекта невозможна без радикальной (хотя, возможно, и долгосрочной) демократизации России. Демократизация может быть осуществлена под непосредственным руководством американских советников и миссий в условиях жесткого режима, напоминающего оккупационный. Этот процесс наряду с процессом структурной перестройки экономики, обусловленной технологическим трансфером, приведет к радикальной смене российской элиты и замещению ее новой, жестко ориентированной на США. Любое сопротивление старой элиты будет немедленно подавляться под предлогом «борьбы с коррупцией».

США получают геополитический выигрыш и возможность манипуляций и выстраивания собственной игры на Ближнем Востоке, в Юго-Восточном бассейне. Китай в этом случае оказывается перед лицом военного сдерживания со стороны блока «США — Россия» и, скорее всего, продолжает выполнять роль американско-европейско-японского сборочного цеха, отказавшись от экспансионистских амбиций. Вероятно, что США в условиях реализации этого сценария начнут игру, направленную на организацию «бархатной революции» в КНР с возможным привлечением Японии и частичной колонизацией его прибрежных территорий США, Россией и Японией при вероятном участии Великобритании.

В случае реализации подобного союза с большой долей вероятности можно ожидать, что в Европе произойдет раскол на «старую» и «новую» Европу и отказ от проекта подтягивания «новой» Европы до уровня «старой», поскольку все силы европейцам нужно будет сосредоточить на поддержании и росте собственной конкурентоспособности. Тогда страны Восточной Европы вновь окажутся в поле влияния «американизированной России».

- **Китай и Россия против США**

Такой вариант развития событий возможен в случае столкновения США с явлениями системного кризиса и необходимостью вследствие этого радикального изменения организации американского общества при одновременном быстром прогрессе собственной китайской фундаментальной и прикладной науки и полного выхода КНР из-под технологического контроля Запада.

« **Владислав Иноземцев (Vladislav Inozemtsev), Россия, директор Центра исследований постиндустриального общества, д.э.н.:** *«Россия не сможет избежать вовлечения в единое европейское пространство, если она не хочет стать экономическим пигмеем, подчиненным Китаю».*

При таком развитии событий Россия может пойти на союз уже с Китаем, опять-таки в роли «младшего брата». Подобный союз будет стимулировать сегодняшние тенденции в ориентации российской элиты на жесткий авторитаризм и централизацию власти. Вероятно, будет организована кампания по «духовному оздоровлению и возрождению». Не исключена клерикализация власти, и даже — в долгосрочной перспективе — восстановление монархии.

Россия номинально сохранит в своем составе Дальний Восток при реальном управлении там китайской администрации. Высвободившиеся ресурсы Россия сможет использовать в Сибири и на Урале в ходе возрождения под влиянием китайского технологического трансфера наукоградов и высокотехнологичных производств. Не исключено, что в обмен на гражданский трансфер Китай потребует поделиться рядом военных и аэрокосмических технологий.

В известной мере граница между Европой и Китаем будет проходить по западной границе РФ. Это создаст для Европы определенные экономические возможности при одновременном возобновлении военного противостояния на европейском театре сил Запада и союза «Россия — Китай». Не ясна будет судьба таких стран, как Украина и Беларусь, которые могут оказаться как в одном блоке сил, так и в другом.

Союз «Россия — Китай», вероятно, начнет вести дипломатическую игру, направленную на вовлечение в их союз Индии с целью создания колоссальной концентрации интеллектуальных ресурсов, направленной на организацию «большого скачка» в области технологий и получения качественного превосходства над Западом.

США забудут свои противоречия с Европой и сделают все для ее сплочения. Этот план, скорее всего, будет успешным — и возникнут Соединенные Штаты Европы как ответный мегапроект Запада.

* * * * *

Очевидно, что все вышеперечисленные сценарии написаны в жанре маргинального утопического фэнтези и в чистом виде никогда не будут реализованы. Они приведены только с целью обозначить возможные границы развития.

Однако ясно и другое: «пациенту» (в данном случае России) показана интенсивная терапия, и если не предпринять решительных мер сейчас, может быть поздно: ведь в нынешнем быстро меняющемся мире даже для того, чтобы оставаться на месте, нужно очень быстро бежать. Главный вопрос исторического момента для РФ — куда, собственно, бежать?

90% голосов мирового экспертного сообщества, отданные за то, что Россия обречена в предстоящее десятилетие выполнять роль сырьевого придатка Европы, звучат как приговор. Приговор не России, а той экономической политике, которая в России сегодня проводится. Надежды на то, что РФ станет полноправным партнером ЕС, остаются, но при инерционном пути (без практической модернизации) шансов даже не умножить, а просто сохранить свои ресурсы и потенциал у России нет.

Восточный вектор развития ЕС способен стать мегапроектом, лежащим в русле интересов всех заинтересованных сторон.

С одной стороны, он решает проблему конкурентоспособности ЕС без жертвования базовыми принципами Европы (демократия, суверенитет, права человека, стремление к прогрессу). Кроме того, в осуществлении экономической и политической экспансии Европе

легче ориентироваться не на Китай, Турцию или Латинскую Америку, а на намного более близкую ей в культурном, историческом и географическом плане Россию.

И Россия, с другой стороны, нуждается в Европе не в качестве «рынка сбыта газа», а в качестве главного фактора модернизации РФ. Признание европейского вектора, ориентация на Европу как на образец будет подталкивать российские элиты к формированию нового курса экономической политики. Практическая модернизация означает не только импорт технологий и приток инвестиций, это еще и европеизация самого Российского государства: антикоррупционная реформа, гарантии защиты частной собственности и инвестиций, стандарты государственного управления и корпоративной культуры.

ГЛАВА 8

ТАМОЖЕННЫЙ СОЮЗ

Экономическая интеграция хороша тогда, когда люди разделяют общее видение экономического регулирования, находясь при этом на различных позициях (с точки зрения природных ресурсов, производства и т.д.).

Пьер-Шарль Прадье (Pierre-Charles Pradier), Франция, младший вице-президент университета Пантеон-Сорбонна, президент Ассоциации деканов факультетов экономики и управления

Таможенный союз — это первая серьезная попытка неевропейской интеграции на территории экс-СССР.

Сергей Тетюхин (Sergei Tetyukhin), Россия, ведущий эксперт отдела бизнес-анализа в компании «ФОРС — Банковские Системы»

На своем веку мы видели несколько попыток новой интеграции на пространстве СССР. Первую попытку реинтеграции инициировал Михаил Горбачев в 1991 г.

17 марта 1991 г. в распадающемся СССР состоялся референдум, на котором большинство населения (76,43%) высказалось за сохранение обновленного Союза. Шесть республик — Литва, Латвия, Эстония, Грузия, Молдавия и Армения — отказались проводить референдум, объявили о переходе к независимости, опираясь на ранее прошедшие референдумы в своих странах.

В апреле — июне 1991 г. в ходе так называемого «ново-огаревского» переговорного процесса под руководством Горбачева был разработан проект нового Союза — Союза Суверенных Государств (ССГ) — децентрализованной федерации с общими вооруженными силами и общей внешней политикой. Подписание документов о создании нового Союза было намечено на 20 августа 1991 г. А 19 августа 1991 г. в Москву были введены войска, начался путч так называемого «Государственного комитета по чрезвычайному положению». Путчисты выступили под лозунгом «спасения СССР», но в результате путча окончательно рухнул и СССР, и горбачевский проект нового Союза.

Дальнейшие попытки реинтеграции на постсоветском пространстве также трудно назвать удачными. Ни одна из организаций, как инициированных Россией (СНГ, Союзное государство Россия — Беларусь, ЕврАзЭС, ОДКБ), так и направленных против России (ГУАМ), не стала основой новой интеграции. Более того, ни одна из вышеперечисленных организаций не решает тех целей, которые ставились при их создании, — в нынешний момент все они переживают кризис. Военно-политический союз ОДКБ оказался бессильным предотвратить свержение режима и этнический конфликт в союзническом Кыргызстане, СНГ выполняет формальный характер «площадки» для периодических встреч лидеров постсоветских государств.

На фоне угасания прежних форм интеграции в Евразии отчетливо набирают силы два объединительных проекта нового типа: ШОС и Таможенный союз.

Шанхайская организация сотрудничества создана в 2001 г. лидерами Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана. Штаб-квартира секретариата ШОС находится в Пекине. Чтобы представить «вес» ШОС, достаточно понять, что общая площадь стран-участниц этой организации превышает 30 млн кв. км, а их население составляет четвертую часть населения Земли. Это, а также огромный экономический и военный потенциал Китая и России плюс русские и казахские сырьевые ресурсы, объективно делает ШОС серьезным игроком на мировой арене. Главная задача ШОС — укрепление безопас-

ности и развитие экономического сотрудничества. Организация имеет серьезные перспективы расширения. Государствами-наблюдателями ШОС являются Индия, Иран, Монголия и Пакистан, а Беларусь и Шри-Ланка имеют статус «партнеров по диалогу».

Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза Беларуси, России и Казахстана был подписан еще в 2007 г. Однако весной 2010 г., накануне запуска Таможенного союза в действие, возникли серьезные разногласия между странами-участниками, и в результате в информационном поле были озвучены серьезные сомнения в том, что Беларусь войдет в ТС. Тем не менее, разногласия были урегулированы, и Таможенный союз летом 2010 г. вступил в действие.

Со временем к Таможенному союзу могут присоединиться другие государства. Так, на саммите ЕврАзЭС-2010, прошедшем в Астане, президенты Кыргызстана и Таджикистана заявили, что их страны изучают возможность вступления в Таможенный союз. Но не только страны Пост-СССР проявляют интерес к этому ТС: так например, в июле 2010 г. президент Сирии Башар аль-Асад (Bashar al-Assad) заявил о том, что Сирия заинтересована в создании зоны свободной торговли с Таможенным союзом. С противодействием возможному расширению Таможенного союза некоторые аналитики связывают происходящие сейчас попытки реанимации антироссийского политического проекта ГУАМ¹.

Таможенный союз является более глубокой формой интеграции, чем, например, зона свободной торговли, т.к. предполагает формирование ряда надгосударственных органов. Как правило, создание таможенных союзов предваряет более тесные форматы экономической кооперации — например, валютный и экономический союз. Вспомним, какую роль сыграл Германский таможенный союз (Deutscher Zollverein) в объединении Германии в XIX в.

В связи с новым этапом экономической интеграции на территории Пост-СССР экспертам был задан вопрос: **«Может ли появившийся недавно Таможенный союз Россия — Казахстан² в перспективе развиться**

в сильный Евразийский экономический союз?» Полученные данные представлены на **Диаграмме 19А**.

Как мы видим, в целом три четверти участников видят такие перспективы Таможенного союза, но в большинстве своем — только в долгосрочной перспективе.

Лишь 11% респондентов согласились с тем, что ТС разовьется в сильный Евразийский экономический союз в краткосрочной перспективе.

«**Роберт Абдуллин (Robert Abdullin), Россия, почетный президент Международной организации кредиторов:** *«Перспективы такого развития сегодня как никогда более благоприятны. Экономические системы обоих государств продемонстрировали достаточную устойчивость даже в кризисный период».*

Порядка двух третей — 62% всех экспертов — считают, что это может произойти лишь в долгосрочной перспективе. Впрочем, несмотря на представления о долгосрочности этого процесса, в целом эксперты настроены весьма оптимистично относительно идеи развития Таможенного союза в сильный Евразийский союз. Отмечалось, что такой союз в будущем

¹ Региональное объединение, включающее в свой состав Грузию, Азербайджан, Украину и Молдову и активизировавшее свою деятельность в 2005–2006 гг. на волне «оранжевых революций» на территории Пост-СССР.

² На момент старта исследования было неясно, присоединится ли РБ к Таможенному союзу.

имеет шансы укрепить свои позиции в силу готовности стран постсоветского пространства к сотрудничеству и сближению.

«**Серик Аханов (Serik Akhanov), Казахстан, профессор, председатель совета Ассоциации финансистов Казахстана:** *«Лишь в долгосрочной перспективе возможно формирование соответствующих правовых, материальных, политических условий как факторов возникновения Евразийского экономического союза».*

«**Саймон Германт (Simon Hermant), Канада, директор по развитию компании Life Choices Natural:** *«Это хороший пример долгосрочной проактивности и прозорливости. Такой союз может занять лидирующие позиции и помочь бывшим советским республикам укрепить свое экономическое положение. Это также свидетельствует о готовности стран-участников к сотрудничеству вне зависимости от того, кто больше выигрывает в тех или иных ситуациях».*

Более того, некоторые респонденты считают, что превращение ТС в более мощный союз объективно неизбежно.

«**Миленко Гудич (Milenko Gudich), Сербия/Словения, директор Международной академии управления учителей, консультант в Институте экономики Белграда:** *«Образование таможенных союзов рано или поздно ведет к более высокому уровню интеграции. Это естественный процесс».*

«**Олег Неменский (Oleg Nemensky), Россия, научный сотрудник Института славяноведения РАН:** *«Нынешняя экономическая модель не способствует быстрому появлению и стабильному развитию такого союза, однако альтернативы ему нет — только дальнейшая дезинтеграция, неизбежно связанная с социально-экономической деградацией».*

Но при этом многие эксперты из числа тех, кто видит перспективы развития Таможенного союза в Евразийский союз, однозначно подчеркнули необходимость проведения серьезных реформ в странах — участниках Таможенного союза, в частности, в России и Казахстане. А пока идея Евразийского союза малоосуществима, и в основном из-за разности экономик обеих стран и их низкой конкурентоспособности в мировом масштабе.

«**Том Хашимото (Tom Hashimoto), Албания/Япония, специалист в области политических наук и международных отношений в университете Нью-Йорка в Тиране (University of New York in Tirana):** *«Такое сотрудничество двух экономик может стать эффективным и сильным экономическим союзом только тогда, когда обе страны достигнут значительной степени конкурентоспособности в мировой экономике».*

«**Евгений Путилов (Evgeny Putilov), Украина, зам. главы правления страховой компании «Укргазпромполис»:** *«Союз экономик «обслуживания трубы» не может быть долгосрочным без коренной модернизации; рано или поздно могут разойтись интересы и рынки сбыта основных экспортеров сырья из двух стран».*

«**Илья Крамник (Ilya Kramnik), Россия, военный обозреватель информационного агентства РИА-Новости:** *«Для такого развития нужна коренная модернизация российской экономики, равно как и казахской. Это занятие лет на 20 минимум».*

Необходима для этого и политическая воля руководителей стран — участников этого союза, т.к. модернизация должна также касаться политических институтов и практик госуправления.

«**Сара Су (Sara Hsu), США, основатель и ведущая аналитического портала Economicsocrisis.com:** *«В первую очередь необходимо провести много политических и институциональных изменений».*

«**Игорь Аверин (Igor Averin), Украина, технический директор ТРК «Люкс»:** *«Да, может. Но только при централизации руководящих органов и равномерном экономическом развитии составляющих его стран. Если управление ТС вырождается в «бардак демократии», борьбу интересов частных компаний, при, не дай бог, внешних частных инвестициях, — такой таможенный союз обречен».*

При этом целый ряд экспертов видят перспективы развития Таможенного союза между Россией и Казахстаном в мощный Евразийский союз исключительно за счет расширения состава участников, и не в последнюю очередь — за счет присоединения к подобному союзу того же Китая или Индии.

«**Галина Канинская (Galina Kaninskaya), Россия, профессор кафедры всеобщей истории ЯрГУ им. П.Г. Демидова, д.и.н.:** *«Сложно двум государствам выдерживать конкуренцию со стороны других европейских и мировых интеграционных структур. Все равно последует расширение состава участников».*

«**Фабио Коста (Fabio Costa), Бразилия/Италия, партнер рекрутинговой компании Eurojob:** *«России следует интегрироваться с Индией для образования сильной ЕВРАЗИЙСКОЙ экономики».*

Тем не менее более четверти от общего числа экспертов (27%) склоняются к мысли, что Таможенный союз никогда не станет Евразийским экономическим союзом. Во-первых, ввиду слабых позиций с точки зрения мировой конкурентоспособности входящих в Таможенный союз государств, усугубляемых к тому же существующими противоречиями между ними.

«**Александр Минеев (Alexander Mineev), Россия, собственный корреспондент «Новой газеты» в странах Западной Европы:** *«Сомневаюсь в жизнеспособности союза довольно отсталых стран, противопоставляющего себя экономическому ареалу ЕС».*

«**Аяна Манасова (Ayana Manassova), Казахстан, председатель правления Национального аналитического центра при правительстве и Нацбанке РК:** *«Азиатские страны — это не европейские страны. Объединение слишком разношерстных как по политической системе, так и в культурной и экономической сферах государств не создаст никакого сильного, эффективного Евразийского экономического союза».*

Во-вторых, у ряда экспертов есть сомнения по поводу перспектив расширения этого союза (что необходимо для создания действительно сильного объединения), и прежде всего это связано с сырьевым характером экономик России и Казахстана.

«**Сильвейн Райнес (Sylvain Raynes), США, партнер в компании R&R Consulting:** *«Этот экономический союз в любом случае подозрителен. Никто не отдает статьи дохода так просто. Так или иначе это связано с доходом от нефти — и ничего более».*

«**Илья Юданов (Ilya Yudanov), Россия, старший научный сотрудник Института катализа им. Г.К. Борескова, Сибирское отделение Российской академии наук (СО РАН):** *«Союз объединяет две крупнейшие нефтедобывающие республики на постсоветском пространстве, и по этой причине расширение его путем включения стран, потребляющих энергоресурсы, маловероятно. Пример Беларуси в этом отношении показателен».*

Кроме того, эксперты, скептически оценивающие будущее ТС, указывают, что серьезными препятствиями для экономической экспансии этого союза станут такие мощные тя-

желовесы на евразийском пространстве, как Китай и Индия, которые никогда не пойдут на ограничения своей внешней экономической политики.

«Геннадий Кононенко (Gennady Kononenko), Россия, заместитель главы Московского представительства южнокорейской компании SoBig Co.LTD: «Наличие такого союза можно рассматривать только через призму соседства с КНР, которая никогда не примет каких-либо серьезных ограничений в адрес своей внешней экономической политики, а любой союз накладывает на его участников определенные ограничения и обязанности».

«Маурицио Колелла (Maurizio Colella), Италия, адвокат, владелец адвокатского бюро: «России, Индии и Китаю будет очень сложно создать Евразийский экономический союз: эти страны слишком не похожи друг на друга и имеют слишком разные экономические системы».

«Такао Коизуми (Takao Koizumi), Япония, президент и генеральный директор компании A.I.Medicine, LLC: «Сотрудничество укрепляет их экономику, но оно не станет основным направлением развития экономики всей Евразии, поскольку рынки Китая и Индии огромны и по-прежнему обладают потенциалом к расширению».

Была высказана также точка зрения, согласно которой Евразийский экономический союз — лишь проявление имперской ностальгии России. Некоторые эксперты прямо выразили нежелание видеть превращение ТС в более мощное объединение.

«Николай Косолапов (Nikolay Kosolapov), Россия, заведующий отделом международно-политических проблем ИМЭМО РАН: «Евразийский экономический союз — пока не более чем форма ностальгии части россиян по бывшей империи».

«Клаас ван дер Темпель (Klaas van der Tempel), Нидерланды, старший научный сотрудник в институте Clingendael: «Слишком сильное неравенство между партнерами. Для стран Центральной Азии, да и для других стран существует риск потерять свою независимость от крупной и влиятельной России».

«Алексей Мухин (Alexei Mukhin), Россия, генеральный директор Центра политической информации: «ТС создан как основа для восстановления советской экономической инфраструктуры, разрушенной в начале 1990-х гг. Это предтеча восстановления Российской империи в границах 1913 г.».

При этом есть определенная разница в точке зрения на этот вопрос экспертов из Европы и участников исследования из всех прочих стран, включая и Россию. Эти данные представлены на **Диаграмме 19Б**.

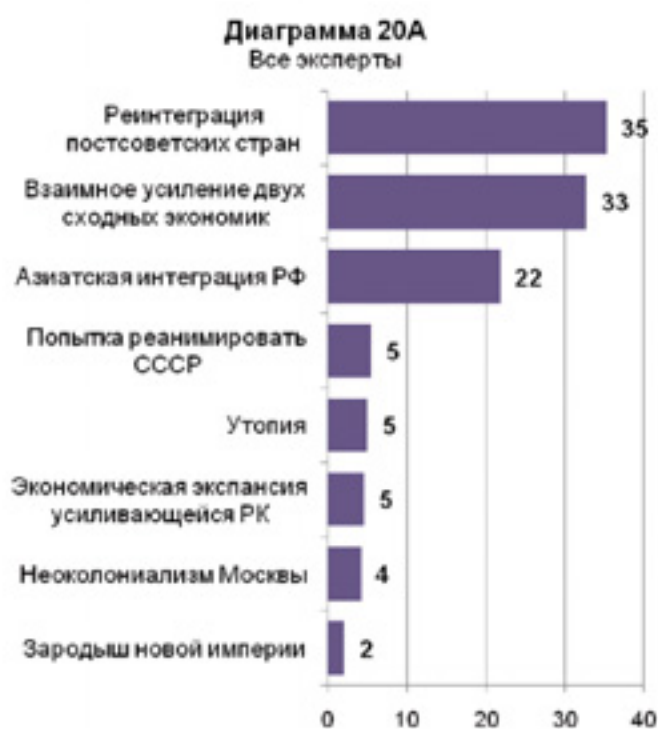
Как мы можем убедиться, все эксперты весьма скромно оценивают возможности Таможенного союза перерасти в мощное евразийское объединение в ближайшей перспективе. Однако перспективы стать таковым в принципе выше именно в глазах европейского экспертного сообщества.

А сами российские эксперты, наряду со всеми «внешними наблюдателями», чаще проявляют скептицизм в этом вопросе.

Очевидно, бóльший оптимизм европейских экспертов связан с опытом создания Европейского союза, история которого началась со скромного подписания в 1951 г. Европейского объединения угля и стали — но спустя несколько десятилетий привела к созданию политического образования, которое занимает 1-е место в мире по ВВП и 3-е место по населению.

Мы также задали экспертам вопрос: **«Как бы вы охарактеризовали Таможенный союз?»** Распределение ответов на этот вопрос можно увидеть на **Диаграмме 20А¹**.

Практически одинаковое число респондентов — 35 и 33% соответственно — назвали Таможенный союз «Реинтеграцией постсоветских стран» и «Взаимным усилением двух сходных экономик».

Говоря о «Реинтеграции постсоветских стран», эксперты в целом отмечали, что она, конечно, может иметь место, но будущее такого союза пока не просматривается достаточно четко, а концепция союза требует детальной проработки. И вновь здесь эксперты подчеркивают мысль, высказанную выше, что интеграции не получится, если не проводить серьезные социально-экономические реформы в странах, вступивших в Таможенный союз.

«Алексей Кузнецов (Alexey Kuznetsov), Россия, руководитель Центра европейских исследований ИМЭМО РАН: «Конъюнктурное политическое решение, в основе которого лежит

опора на объективно существующие предпосылки экономической интеграции на постсоветском пространстве, однако сама концепция Таможенного союза плохо проработана».

«Илья Крамник (Ilya Kramnik), Россия, военный обозреватель информационного агентства РИА-Новости: «Это нормальный европейский путь интеграции. Но он должен быть поддержан внутренними изменениями в обеих странах».

«Сара Су (Sara Hsu), США, основатель и ведущая аналитического портала Economicsofcrisis.com: «Действительно, всего лишь небольшой шаг в сторону ослабления барьеров между странами (СНГ)».

При этом некоторые эксперты склоняются к мысли, что недавно образованный Таможенный союз есть лишь промежуточный этап дальнейшей интеграции в более широких рамках.

«Оливье Буйретт (Olivier Buirette), Франция, профессор современной истории в Университете Новой Сорбонны: «Таможенный союз — позитивное явление, поскольку является первым шагом к созданию большого союза государств: в виде федерации или конфедерации, подскажет будущее».

¹ Экспертам предлагалось выбрать более одного варианта ответа, поэтому сумма может превышать 100%

«**Михаил Зубов (Michael Zubov), Россия, политический корреспондент газеты «Московский комсомолец»:** *«Вещь целесообразная в краткосрочной перспективе, до тех пор пока Россия и Казахстан не войдут в более широкие интеграционные структуры».*

Что касается взаимного усиления, то здесь эксперты почти единогласно охарактеризовали Таможенный союз как важный шаг на пути снятия экономических барьеров между странами с общими чертами в экономике.

«**Жанат Курманов (Zhanat Kurmanov), Казахстан, член Совета директоров Казахстанского фонда гарантирования депозитов:** *«На первом этапе — этапе ТС — речь идет пока о снятии барьеров и сближении сопоставимых по уровню своего развития экономик. О «реинтеграции по стопам ЕС» можно говорить лишь на следующих, более высоких этапах интеграционного процесса».*

«**Евгения Зайцева (Evgenia Zaiceva), Латвия, председатель правления Латвийской корпорации бухгалтеров и экономистов:** *«Нормальный путь экономического развития, отражающий интересы бизнеса, который может обеспечить стабильность каждой из стран — участниц такого союза».*

«**Дидье Сорнетте (Didier Sornette), Швейцария, специалист по вопросам предпринимательских рисков, профессор в Швейцарской высшей технической школе Цюриха:** *«Таможенный союз является попыткой согласовать экономические интересы и стимулировать развитие обеих стран».*

Некоторые эксперты также отмечали, что это еще и серьезная попытка вести единую, централизованную политику, что пока не выходит у Евросоюза.

«**Игорь Аверин (Igor Averin), Украина, технический директор ТРК «Люкс»:** *«При грамотном подходе Таможенный союз может привести к значительному усилению составляющих его стран, если удастся вести единую, централизованную политику, не срываясь на обслуживание интересов отдельных «частных инвесторов», что само по себе крайне трудно. По крайней мере, у Евросоюза не получилось. И пока что у еще не родившегося Таможенного союза тоже не получается. Но хотелось бы надеяться».*

Со значительным отрывом за этими характеристиками идет «Азиатская интеграция РФ» (22%). Сторонники этой точки зрения считают, что Таможенный союз направлен на усиление исключительно азиатского вектора экономической политики России.

«**Геннадий Кононенко (Gennady Kononenko), Россия, заместитель главы Московского представительства южнокорейской компании SoBig Co.LTD:** *«Все-таки Россия, будучи преимущественно азиатской страной и в силу своего географического положения и близости к новым важнейшим участникам мировой экономики — КНР, Индии и Японии, — усилит свое движение именно в азиатском направлении».*

«**Крис Нанкарроу (Chris Nancarrow), США, экономист, юрисконсульт и член совета директоров Центра для жертв нарушений прав человека:** *«Благодаря партнерству с Казахстаном Россия делает большой шаг вперед в позиционировании себя в этом регионе».*

При этом, по мнению ряда участников опроса, этот самый «азиатский вектор» вовсе не обязательно противоречит интересам ЕС.

«**Фарид Матук (Farid Matuk), Перу, независимый экономист:** *«После того как курс Турции в отношении Азии не получил ожидаемого развития, самой ценной чертой России для ЕС является ее азиатский курс».*

« **Владимир Пантин (Vladimir Pantin), Россия, заведующий отделом ИМЭМО РАН:** «Создание Таможенного союза в ближайшей и долгосрочной перспективе не мешает сотрудничеству России и Казахстана с ЕС — напротив, эти страны во многом идут по стопам Европы и могут лучше воспринять ее правовые нормы и опыт интеграции. Ни о какой новой империи речь не идет, поскольку для создания новой империи у России нет ни сил, ни желания».

« **Марк Гуди (Mark Goode), США, генеральный директор и партнер Peninsula Group:** «Я думаю, эти две восточноевропейские державы знают, что они не будут интегрированы в ЕС, и понимают коллективные выгоды от объединения своих сил и образования экономического и стратегического альянса. Каждый партнер внесет свой вклад в виде колоссальных природных ресурсов, которые обеспечивают их геополитической властью. Это взаимовыгодно, и они последуют примеру интеграции ЕС для общего блага».

Но есть и другой взгляд: Таможенный союз — «конкурент» ЕС в борьбе за влияние на постсоветские страны. Ряд экспертов воспринимают само создание этого союза как стремление России «замкнуть на себя» Беларусь и Казахстан, ограничив их сотрудничество с ЕС.

« **Николай Косолапов (Nikolay Kosolapov), Россия, заведующий отделом международно-политических проблем ИМЭМО РАН:** «Усиление «азиатского вектора» в данном случае следует понимать как осознанное нежелание усиливать вектор европейский. Конкретные вопросы взаимной торговли могут решаться между РФ и Казахстаном (и/или с добавлением к ним Беларуси) в рабочем порядке без ТС. Смысл ТС, на мой взгляд, — максимально «обезопасить» Россию от развития партнерства между Казахстаном и/или Беларусью с одной стороны и ЕС — с другой. Или как минимум такого партнерства, которое не было бы санкционировано РФ».

« **Клаас ван дер Темпель (Klaas van der Tempel), Нидерланды, старший научный сотрудник в институте Clingendael:** «Это часть политики российского правительства, использующего инструменты экономики».

Среди прочих вариантов ответа, несмотря на очень низкую частоту упоминания (не более 5%), интерес вызывают мнения об «Экономической экспансии усиливающейся Республики Казахстан».

« **Кельвин Баумгартен (Calvin Baumgarten), США, основатель российско-немецкой международной неправительственной организации:** «Думаю, что экономическое взаимопроникновение России и Казахстана поможет Казахстану выйти на мировые рынки и войти в торговые системы, которые, в свою очередь, помогут поднять статус Казахстана как развивающегося государства».

« **Саймон Германт (Simon Hermant), Канада, директор по развитию компании Life Choices Natural:** «Если Казахстан хочет стать конкурентоспособным, он должен сделать все возможное для собственного репозиционирования».

Впрочем, есть и такие эксперты (их всего 5%), которые не видят в Таможенном союзе никаких перспектив и считают его «Утопией» либо «Попыткой реанимации СССР». Впрочем, здесь необходимо подчеркнуть, что на момент начала данного исследования вопрос о вхождении Беларуси в Таможенный союз еще сопровождался жаркими спорами.

« **Алексей Чернышов (Alexei Chernyshov), Россия, акционер Группы компаний ЧЕРУС:** «Похуже, постимперский синдром в России не излечен и не лечится. Наоборот, власть считает эту болезнь принятым к исполнению запросом общества».

«Владислав Иноземцев (Vladislav Inozemtsev), Россия, директор Центра исследований постиндустриального общества, д.э.н.: «Политическая фикция ради оправдания нежелания вступления России в ВТО со стороны В.В. Путина».

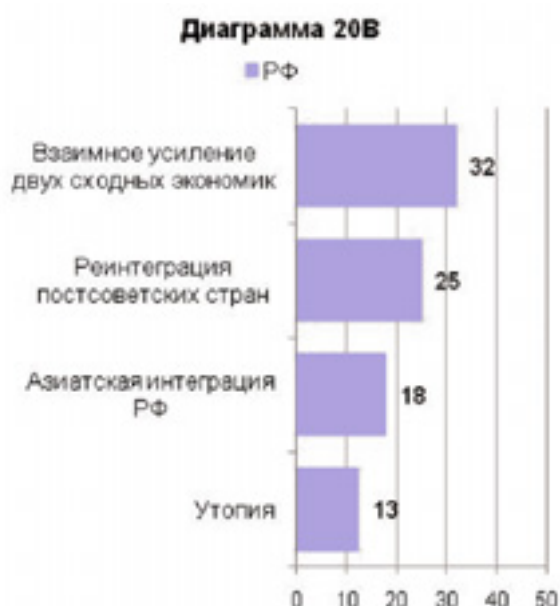
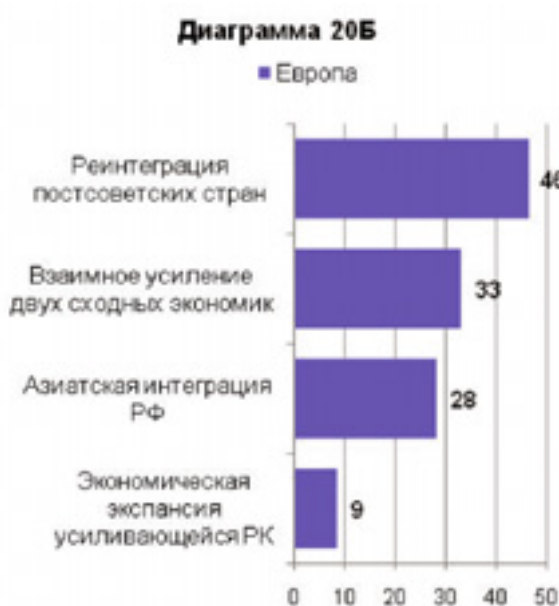
«Константин Матвиенко (Konstantin Matvienko), Украина, руководитель корпорации стратегического консалтинга «Гардарика»: «Утопия. Он не начнет работать — без Беларуси особенно. Фактически Россия не в состоянии защитить свою экономическую территорию на Дальнем Востоке и в Сибири. А теперь, если появляется «зона ответственности» России за южную границу Казахстана, Россия с этим не справится технически. Т.е. поток контрабанды от этого не уменьшится. Большого облегчения с точки зрения транзитных грузов не произойдет. На самом деле этот союз — символический, экономического эффекта он не дает».

Следует отметить, что другие негативные в принципе характеристики, связанные с имперскими амбициями России, также упоминаются весьма редко («Неоколониализм Москвы» — 4%, «Зародыш новой империи» — 2%). При этом ряд экспертов специально подчеркивали, что не стоит связывать создание Таможенного союза со стремлением России усилить лидерские позиции в регионе.

«Роберт Абдуллин (Robert Abdullin), Россия, почетный президент Международной организации кредиторов: «Крайне ошибочно было бы увязывать создание Таможенного союза с какими-то рудиментарными историческими предпосылками. Совершенно очевидно, что такое формирование не имеет никакого отношения к советскому прошлому и является новым полноценным институтом межгосударственного экономического взаимодействия».

Но наиболее показательными в ответах на этот вопрос стали те резкие отличия в векторах оценки Таможенного союза, которые проявились у экспертов из России и Европы (Диаграммы 20Б и 20В¹). Так, европейские эксперты видят ТС в первую очередь как проект реинтеграции постсоветских стран — этого мнения придерживаются почти половина участников опроса из Европы. А доля российских коллег, разделяющих ту же точку зрения, почти в два раза ниже!

Эксперты из России оценивают Таможенный союз прежде всего с точки зрения усиления двух сходных экономик, но при этом не готовы признавать экономической экспансии усили-

¹ Экспертам предлагалось выбрать более одного варианта ответа, поэтому сумма может превышать 100%

вающегося Казахстана. В то же время каждый десятый участник нашего исследования из Европы отметил эту тенденцию.

И, наконец, авторами негативных оценок, упоминавшихся выше, являются преимущественно представители именно российского экспертного сообщества, в то время как среди европейских экспертов таких почти нет.

Итак, основные прогнозы высказаны. Теперь только жизнь покажет, насколько проект «Таможенный союз» окажется серьезным и перспективным — сможет ли он стать базой для создания Евразийского экономического союза как партнера и конкурента ЕС или канет в Лету...

Но, как бы там ни было, огромное географическое пространство, лежащее между двумя центрами мировой экономической мощи — Китаем и Европой — постепенно перестает быть лоскутной terra incognita, которую терзает экономическая междоусобица. Самое простое использование единого таможенного пространства — организация сухопутного транзита «Китай — ЕС». С учетом того, что товарооборот между этими центрами экономической силы за первые шесть месяцев 2010 г. превысил 200 млрд долл., цена вопроса может быть весьма существенной.

Какую роль сыграет образование ТС в дальнейших интеграционных процессах на пространстве евразийского континента, как повлияет на вектор предпочтений входящих в союз стран? Как видно из **Диаграммы 20Б**, довольно значительный процент европейских экспертов склонен считать это показателем азиатской интеграции РФ.

Поэтому экспертам также был задан вопрос: «**Как влияет создание Таможенного союза на интеграцию России и Казахстана с Европой?**» Распределение ответов на этот вопрос приведено на **Диаграмме 21А**.

Почти половина (49%) экспертов считают, что создание Таможенного союза никак не

повлияет на интеграцию России и Казахстана с Европой, поскольку Таможенный союз и Евросоюз — абсолютно разные образования: и по своему значению, и по целям.

Диаграмма 21А
Все эксперты

« Д-р Иоаннис Коккорис (Dr. Ioannis Kokkoris), Греция, советник по экономическим вопросам Управления по добросовестной конкуренции (Лондон): «Он не должен иметь никакого эффекта. Даже между некоторыми государствами в Европе есть таможенный союз».

« Александр Шашко (Alexander Shashko), Беларусь, препода-

ватель экономического факультета БГУ, председатель совета молодых ученых: «Тарифные и нетарифные ограничения в торговле с Европой сохраняются. Только вступление в ВТО может вести к интеграции».

При этом среди экспертов распространена точка зрения, что интеграция с Европой или маловероятна, или вовсе невозможна. Во всяком случае, высказано мнение, что Европа сама не заинтересована в интеграционных процессах с постсоветским пространством.

« Олег Неменский (Oleg Nemensky), Россия, научный сотрудник Института славяноведения РАН: «Таможенный союз не может мешать тому, чего на практике нет».

« Андрей Паршев (Andrey Parshev), Россия, публицист, автор книги «Почему Россия не Америка»: *«Интеграция с Европой в любом случае (порознь или вместе) невозможна».*

« Марк Гуди (Mark Goode), США, генеральный директор и партнер Peninsula Group: *«Интеграция с Европой будет сейчас весьма затруднительна, хотя Россия и содействует этому: существующее недоверие вряд ли будет способствовать интеграции».*

И одна из причин в том, что объединенная Европа в настоящий момент не способна «переваривать» новые крупные страны.

« Сергей Тетюхин (Sergei Tetyukhin), Россия, ведущий эксперт отдела бизнес-анализа в компании «ФОРС — Банковские Системы»: *«В принципе, ЕС было бы удобнее поглощать страны поодиночке, однако сейчас ЕС не способен на серьезную интеграцию новых крупных стран. По большому счету Таможенный союз не играет в отношениях с ЕС особой роли, хотя и вызывает у ЕС ревность».*

Треть респондентов (33%) полагают, что создание ТС, напротив, помогает интеграции с Европой. Такое объединение, как Таможенный союз, по мнению данной группы экспертов, только упрочит и дисциплинирует экономическое сотрудничество с ЕС.

« Жанат Курманов (Zhanat Kurmanov), Казахстан, член совета директоров Казахстанского фонда гарантирования депозитов: *«Создание ТС и затем ЕЭП может явиться началом действенной интеграции экономик на постсоветском пространстве. Такое интеграционное объединение усилит привлекательность участвующих в нем стран для устойчивого экономического и иного сотрудничества с другими объединениями стран, включая ЕС».*

« Серик Аханов (Serik Akhanov), Казахстан, профессор, председатель совета Ассоциации финансистов Казахстана: *«В долгосрочной перспективе это сыграет позитивную роль в части адаптации опыта Евросоюза, РФ и РК».*

« Кельвин Баумгартен (Calvin Baumgarten), США, основатель российско-немецкой международной неправительственной организации: *«Полагаю, что стратегия их объединения придаст особое значение развитию взаимоотношений с остальной Европой. Это усилит их взаимосвязь».*

Данное объединение важно, с точки зрения ряда участников нашего исследования, и в геополитическом плане. С одной стороны, усиливаются позиции России как буфера между Европой и Азией, при росте экономических и политических амбиций последней.

« Оливье Буйретт (Olivier Buirette), Франция, профессор современной истории в Университете Новой Сорбонны: *«Это полезно, потому что делает Россию промежуточным звеном между Европой и Азией. Это важно в глобальном смысле».*

С другой стороны, Казахстан, председательствующий, кстати, в этом году в ОБСЕ, сможет упрочить свою роль посредника и коммуникатора в тех спорных вопросах, которые возникают в отношениях между Россией и ЕС.

« Крис Нанкарроу (Chris Nancarrow), США, экономист, юрисконсульт и член совета директоров Центра для жертв нарушений прав человека: *«Казахстан, несомненно, является координатором «новой большой игры», которая идет сегодня в этом регионе. И Россия, и ЕС (а также США) заинтересованы в создании прочных отношений с Казахстаном. Из-за этого, по существу, Казахстан представляется мне связующим звеном, способствующим взаимопониманию в некоторых политических вопросах отношений между ЕС и Россией».*

В то же время существует группа экспертов (18%), которые считают, что создание Таможенного союза мешает дальнейшей интеграции России и Казахстана с Европой. Часть из них (преимущественно представители постсоветских стран) полагают, что это крайне затруднит вступление стран-участниц в ВТО, что является главным условием дальнейшей интеграции с Европой.

«**Владислав Иноземцев (Vladislav Inozemtsev), Россия, директор Центра исследований постиндустриального общества, д.э.н.:** *«Мешает, т.к. создает иллюзию региональной интеграции, которая может заменить интеграцию с Европой и миром».*

«**Константин Матвиенко (Konstantin Matvienko), Украина, руководитель корпорации стратегического консалтинга «Гардарика»:** *«Поодиночке России и Казахстану было бы гораздо легче договариваться с Европейским союзом и с ВТО (без чего невозможен договор с Европейским союзом), нежели тогда, когда они создали такой дуальный объект, в котором есть собственные внутренние противоречия».*

«**Николай Косолапов (Nikolay Kosolapov), Россия, заведующий отделом международно-политических проблем ИМЭМО РАН:** *«Интеграция с Европой не может означать ничего другого, кроме жизни по правилам ЕС: три десятка государств не будут менять свои правила из-за двух, без которых они спокойно могут обойтись. Если мы создаем свои правила в рамках ТС (что, конечно, наше бесспорное суверенное право), то объективно это не может не затруднять интеграцию: как минимум при сохранении ТС она становится возможна только для двух государств сразу, а не для одного из них. Т.е. объективно ТС — способ сильно затруднить, если не заблокировать партнерство Казахстана с ЕС. То же самое в еще большей мере верно в отношении Беларуси — отсюда «газовая война» июня 2010 г.».*

Вообще, следует отметить, что отсутствие полного понимания своих выгод от союза является пока общим трендом для представителей каждой из стран-участниц. Более того, каждая сторона считает, что объединение будет более выгодно именно соседу.

А вот эксперты с «другой стороны баррикад», опасаются, что объединение в рамках Таможенного союза двух крупнейших экспортеров энергоносителей позволит им диктовать невыгодные условия партнерам из Европы.

«**Фарид Матук (Farid Matuk), Перу, независимый экономист:** *«Если Россия и Казахстан будут вести себя как олигополисты на рынке энергоносителей, без сомнений, это не будет приветствоваться в ЕС».*

Другая часть негативно настроенных по отношению к Таможенному союзу участников опроса отмечает, что подобная реинтеграция на постсоветском пространстве прямо противоречит европейским интересам.

«**Михаил Барабанов (Michael Barabanov), Россия, главный редактор журнала Moscow Defense Brief:** *«Европа, само собой, заинтересована в максимальной дезинтеграции постсоветского пространства и максимальном ослаблении России во всех отношениях. Поэтому любые интеграционные шаги на постсоветском пространстве абсолютно неприемлемы для ЕС».*

«**Клаудиа Астарита (Claudia Astarita), Италия, научный сотрудник в университетах Гонконга и Болоньи:** *«Этот Таможенный союз может склонить некоторые европейские страны к мысли о том, что сформирован новый блок и что этот блок является альтернативой Европе для стран Центральной Азии».*

«**Андерс Свенссон (Anders Svensson), Швеция, специалист по налогообложению в международной аудиторской компании:** *«Создается впечатление, что и ЕС и Россия хотят,*

чтобы остальные страны выбрали, к кому присоединяться, т.е. определялись, с кем — с ЕС или Россией — сближать отношения. В этом смысле поствоенная обстановка Второй мировой господствует до сих пор».

Впрочем, в европейском экспертном сообществе существует и понимание того, насколько мало все эти опасения могут иметь общего с реальностью, имея исключительно политическую подоплеку.

«**Пьер-Шарль Прадье (Pierre-Charles Pradier), Франция, младший вице-президент университета Пантеон-Сорбонна, президент Ассоциации деканов факультетов экономики и управления:** «Данный факт может быть использован некоторыми антироссийскими политиками в ЕС для демонстрации догадок о том, что Россия пытается возродить свою колониальную империю или восстановить безопасный форпост. Не говоря уже о том, что, как сказали бы по этому поводу виндзорские насмешницы, нормальные отношения с соседями означают только то, что вы неявно больны психозом».

Как уже неоднократно отмечалось ранее, российские эксперты склонны к большему пессимизму в оценках любых перспектив интеграции с Европой, нежели все остальное мировое экспертное сообщество. Та же тенденция обнаруживается и в оценке роли Таможенного союза (**Диаграмма 21Б**). Как мы видим, только четверть российских экспертов полагают, что создание Таможенного союза помогает интеграции с Европой, и у них примерно такое же число оппонентов в этом вопросе.

В то же время среди экспертов из других стран скептиков значительно меньше, зато оптимистической точки зрения придерживаются 37% участников исследования.

Повышение шансов России (а также иных стран — участниц ТС) на интеграцию с Европой — не только в том, что экономически Таможенный союз мощнее, чем Россия в одиночку. Разница как раз тут не принципиальна, и ресурсы с точки зрения численности населения увеличились незначительно. Территория — да, стала заметно больше. Но главное в том, что способность создавать надгосударственные органы — т.е. устанавливать некие единые экономические правила для нескольких государств, а также выполнять их — серьезно повышает вес наших стран в качестве потенциальных партнеров в глазах такого сложного и противоречивого политико-экономического объединения, как ЕС.

«**Александр Апокин (Alexander Apokin), Россия, ведущий эксперт Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования:** «Работа Таможенного союза — это создавать нейтральные стандарты оперативного межстранового взаимодействия по экономическим вопросам и учиться следовать подобным стандартам, что очень важно при взаимодействии по стандартизированным процедурам ЕС».

«**Владимир Пантин (Vladimir Pantin), Россия, заведующий отделом ИМЭМО РАН:** «Создание Таможенного союза в ближайшей и долгосрочной перспективе не помешает со-

трудничеству России и Казахстана с ЕС — напротив, эти страны во многом идут по стопам Европы и могут лучше воспринять ее правовые нормы и опыт интеграции. Ни о какой новой империи речь не идет, поскольку для создания новой империи у России нет ни сил, ни желания».

« **Миленко Гудич (Milenko Gudich), Сербия/Словения, директор Международной академии управления учителей, консультант в Институте экономики Белграда:** *«Для того чтобы сотрудничать в более крупных масштабах, необходимо сначала продемонстрировать свою готовность и способность к сотрудничеству в меньших масштабах».*

Таким образом, сегодня наметилось два вектора интеграции Пост-СССР: азиатский ШОС и Таможенный союз, который в перспективе может стать интеграционным механизмом постсоветского пространства с Европой.

Главенствующую роль в ШОС играет Китай. ШОС набирает силу незаметно, без громких заявлений и деклараций, наподобие Маастрихта. Символ ускоренного развития интеграции в ШОС — миллиардные китайские кредиты и ускоренное строительство магистральных нефтегазопроводов, железных дорог и стратегических автотрасс, связывающих Сибирь и Центральную Азию с Китаем. На наших глазах возникает новейшая инфраструктура, ориентирующая экономики стран — участниц ШОС на Китай.

При ослаблении роли проевропейской интеграции на постсоветском пространстве государства — участники ШОС шаг за шагом втягиваются в орбиту Китая. Если европейское влияние на постсоветском пространстве станет сокращаться, неминуемо будет расти китайское. ШОС в перспективе вполне может превратиться в военно-политический союз. И ШОС уже сегодня развивается как экономический союз азиатского типа по принципу симбиоза обрабатывающей китайской экономики и перспективных сырьевых сателлитов, которым Китай выдает кредиты. Это значит, что через 10 лет ШОС уже будет обеспечивать и вопросы безопасности.

Практической альтернативой азиатской интеграции является Таможенный союз «Россия — Казахстан — Беларусь». Это первый проект постсоветской интеграции, в основу которого положена модель Европейского союза. Государства-участники полностью сохраняют суверенитет и равноправие в рамках союза, создавая сначала общий рынок, затем интегрированное производство и инфраструктуру. Поскольку конструкция ТС строится по примеру Европейского союза, Таможенный союз создает условия для новой интеграции ЕС и Евразии. Следующим шагом в развитии ТС будет создание Единого экономического пространства (ЕЭП) «Россия — Казахстан — Беларусь».

Будущий многополярный мир будет жестко конкурентным. Экономическая конкуренция государств заменяет механизм войн в деле перекройки мира XXI в. Постсоветское пространство — поле будущей острой цивилизационной конкуренции между ЕС и Китаем. Сегодня и Россия, и Европа стоят перед одной и той же проблемой: необходимо резко увеличить свою конкурентоспособность. Быстрый путь взаимного усиления — экономическая интеграция Европы и постсоветского пространства.

Но для этого требуется активизация европейской политики на востоке. Прежде всего постсоветское пространство нуждается в механизмах обеспечения безопасности и стабильности. Этому в немалой степени может содействовать проактивная политика ОБСЕ, для чего, в свою очередь, необходима ее серьезная реформа.

Развитие Таможенного союза, предполагающее дальнейшее создание ЕЭП, может стать креативным путем интеграции экономик стран Пост-СССР и Евросоюза. Ни Россия, ни Казахстан, ни Беларусь не смогут в ближайшие годы стать членами ЕС, а возможно, это и не понадобится при развитии новых форматов партнерства. Одним из вариантов усиления Европы на востоке могло бы со временем стать создание зоны свободной торговли «ЕС — ЕЭП», в результате чего и Европа, и страны ТС получили бы мощный импульс развития и стратегические преимущества в конкуренции с Китаем.

■ — ■

Поэтому весьма важной частью сегодняшней политики, направленной на сближение России как основного игрока в этом регионе и Европы, становится интерпретация в политическом дискурсе сторон процессов реинтеграции стран постсоветского пространства. В конечном итоге это будет влиять и на «флюгер общественного мнения»: куда в результате обратит свой взор население России и других близких ей по ментальности стран — на Запад или на Восток.

ГЛАВА 9

VOX POPULI

Взгляд с другого берега

В России на протяжении большей части ее истории элиты были настроены проевропейски, в то время как основная масса населения — нет.
Владимир Пантин (Vladimir Pantin), Россия, заведующий отделом ИМЭМО РАН

Отношение к Европе всегда было остро дискуссионным вопросом в общественной повестке дня России. Оно выражалось не только в противостоянии «западников» и «славянофилов», «норманистов» и «антинорманистов» на страницах научных и популярных изданий. Принятие или непринятие европейских ценностей и европейского образа жизни — это на протяжении нескольких столетий предмет жесткой борьбы, перераставшей порой в радикальные реформы, резко менявшие жизнь в России, и политические конфликты, ставившие страну на грань краха. И если определенная модернизация военной и промышленной сферы в XVI–XVII вв. проводилась без революционных лозунгов, то со времен Петра I власть неоднократно выступала с идеей европейского пути России. При этом европейская идея, становясь внутривластной доктриной, зачастую воплощалась в жизнь отнюдь не по-европейски. В начале XX в. «марксизм» пришел тоже как передовое достижение западной мысли — правда, «доработанное» затем большевиками. Уход от социализма в конце того же XX в. осуществлялся под флагом европейской идеи: постсоветские страны строили «демократию», «национальный суверенитет», «рыночную экономику», все эти идеи ассоциировались с благополучной Европой, но на практике выродились в кровавый парад суверенитетов, расхищение госсобственности, криминальный и чиновничий беспредел.

После многих бурных увлечений и разочарований европейской идеей в прошлом общественное мнение в нашей стране «расколото» по отношению к Европе (к НАТО, Евросоюзу, европейским культурным ценностям). Отношение к ней остается «лакмусовой бумажкой» идентификации России для многих людей. Вопрос отношения России к Европе — ощущение себя частью ее, соседом и союзником либо противопоставление себя ей — с новой остротой встает в следующем политическом цикле.

В связи с этим интересно сопоставление материала, полученного в результате исследования «Институтом посткризисного мира», с итогами социологического опроса, проведенного фондом «Общественное мнение» в августе 2010 г.¹ ФОМом регулярно проводятся социологические опросы населения РФ с включением в них вопросов политического и геополитического характера. Вопросы, на которые отвечали россияне, касались следующих тем:

1. Стремится ли Россия к коллективной безопасности с Европейским сообществом?
2. Стремится ли Россия в Евросоюз?
3. Хорошо или плохо быть членом Евросоюза?
4. Любят или не любят Россию на Западе?
5. Россия — это Европа по своим культурным и ценностным реалиям или нет?
6. С кем же партнерствовать России?

Весьма показательна динамика общественных настроений россиян относительно **приобщения России к НАТО (Диаграмма 22)**². В 2002 г. почти 70% участников исследования считали, что России следует укреплять сотрудничество с Североатлантическим блоком.

¹ Объем выборки — 1500/2000 человек, 100 населенных пунктов, в 44 субъектах РФ

² Вопрос исследования: «А как вы считаете, сегодня России следует или не следует укреплять свое сотрудничество с НАТО?»

В 2006 г. их число сократилось до 42%. Как показали данные августа 2010 г., за прошедшие четыре года ситуация не изменилась. Сторонников сотрудничества с НАТО по-прежнему 42%, противников — 30%.

Противников укрепления сотрудничества России и блока среди опрошенных россиян, таким образом, всего треть. В то же время три четверти российских участников экспертного исследования настаивают на нецелесообразности вхождения России в НАТО.

Безусловно, укрепление сотрудничества с НАТО и вхождение в блок — это разные вещи. Однако нужно отметить, что с поправкой на этот коэффициент можно констатировать: активное стремление к консолидации с НАТО отсутствует как среди российской интеллектуальной элиты, так и среди широких слоев населения России. Это противоречит представлениям части экспертного сообщества из других стран о «готовности» России к вхождению в НАТО в целях достижения коллективной безопасности.

Полагаем, что изменение настроений среди россиян интерпретируется следующим образом. События 11 сентября 2001 г. были восприняты большинством населения России как объявление террористами войны США, своеобразный Перл-Харбор XXI в. После проявленной в дальнейшем Америкой готовности бороться с терроризмом и сотрудничать в этом с Россией (операция против режима талибов в Афганистане) количество сторонников расширения сотрудничества с НАТО достигло 70%. В какой-то момент у России и у Запада оказались общие цели, и даже поднимался вопрос о приеме России в НАТО. Через несколько лет произошло разочарование политикой Запада — в том числе вследствие агрессии США и их сателлитов в Ираке, а также поддержкой «оранжевых революций» на постсоветском пространстве. Количество людей, одобряющих дальнейшее сотрудничество с НАТО, опустилось к отметке 40% и в целом стабилизировалось.

Как было описано в Главе 6 настоящего доклада, чрезвычайно низок процент участников экспертного исследования, считающих, что Россия может войти в ЕС, а среди экспертов-россиян таковые отсутствуют вовсе. В то же время на вопрос о том, **должна или не должна Россия стремиться в ЕС¹**, порядка 45% представителей населения РФ отвечают утвердительно (**Диаграмма 23**).

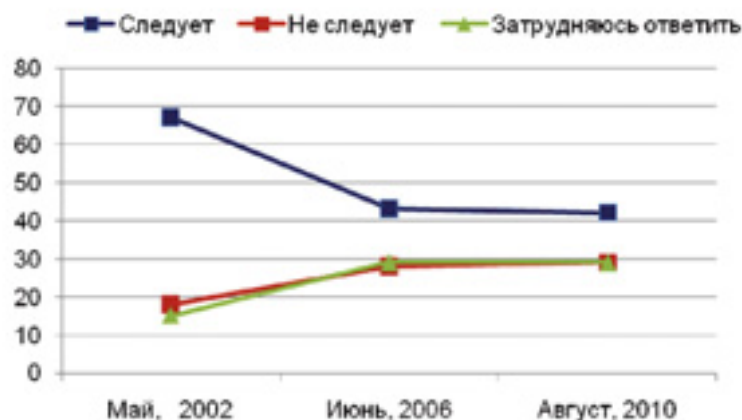
Иными словами, почти половина респондентов из числа населения демонстрирует готовность рассматривать такой вектор развития для России, тогда как экспертное сообщество отказывается признавать реальность подобного прогноза.

У населения России можно зафиксировать тренд снижения числа сторонников вхождения в Евросоюз — за четыре года оно сократилось на 15% и в дальнейшем несколько лет уже остается стабильным (менее трети населения).

С разницей в пять лет россиянам задавался вопрос о том, **чего больше — хорошего или плохого — приносит Евросоюз своим членам²**.

В результате можно лишь зафиксировать слабый тренд роста «евроскепсиса» со стороны российского населения — совсем незначительно уменьшилась доля тех, кто считает, что

Диаграмма 22

¹ Точно вопрос в исследовании звучал следующим образом: «Как вы думаете, Россия должна или не должна стремиться к тому, чтобы стать членом Евросоюза?»

² В исследовании вопрос звучал таким образом: «Если говорить в целом, большинству европейских стран участие в Европейском союзе приносит больше хорошего или больше плохого?»

Диаграмма 23

Диаграмма 24

Евросоюз приносит европейским странам «больше хорошего», и, соответственно, немного увеличилось число россиян, утверждающих обратное (Диаграмма 24). Так или иначе, но число позитивно настроенных респондентов остается высоким. Однако столь же высоким оказывается и число тех, кто не готов оценить членство в ЕС по шкале «преимущества — недостатки».

В то время как социологи предлагают российскому населению дать оценку Евросоюзу по шкале «хорошо — плохо» для входящих в него стран, эксперты являются более свободными в своих рассуждениях и разбирают вопрос не в оценочных полюсах, а в содержательных контекстах. Одним из популярных контекстов является тема «разнокалиберности» состава ЕС, вследствие чего проблемы «слабых» ложатся на плечи «сильных». Иными словами, Союз «слабым» приносит «больше хорошего», а «сильным» — лишние проблемы.

«Геннадий Кононенко (Gennady Kononenko), Россия, заместитель главы Московского представительства южнокорейской компании SoBig Co.LTD: «Недавний кризис в Греции, Турции, Испании, а также в странах — членах ЕС в Восточной Европе четко определил взаимоотношения внутри сообщества — каждый сам за себя, а как следствие — усиление национального самосознания у «богатых» государств, нежелание «задарма» помогать своим партнерам».

Другая парадигма рассмотрения экспертами данной темы связана с решением базового национального вопроса: быть или не быть национальной государственной идентичности? Усиление ЕС однозначно предполагает, по мнению многих, отказ от национальной идентичности, а «плохо» это или «хорошо» — в принципе, так вопрос даже не ставится.

«Вадим Гасанов (Vadim Gasanov), Россия, консультант по документальному кинопроизводству на телеканале «Россия-2»: «По большому счету «Единая Европа» — это некий квази-СССР, только объединенный в одно целое не железной волей центра и не исторически сложившимися границами и союзами, а едино лишь эфемерными декларациями. Национальные, ментальные, экономические, и т.д., и т.п. различия не преодолены и не будут преодолены в течение длительного времени».

В целях исследования проекции отношения остального мира к России в общественном сознании россиян на протяжении ряда лет omnibus включали в себя вопрос: «По вашему мнению, большинство лидеров европейских стран симпатизируют или не симпатизируют

России?» Динамика, представленная на **Диаграмме 25**, весьма любопытна.

За пять лет очень незначительно вырос процент людей, считающих, что лидеры европейских стран симпатизируют России. В то же время число респондентов, придерживающихся противоположного мнения, сократилось более чем на 10%, и примерно на столько же возрос процент затруднившихся дать ответ. Иными словами, почти треть населения не представляет себе того, как остальной мир относится к России, и число таких людей растет, невзирая на открытые границы и информационные просторы.

Такая динамика может свидетельствовать о том, что в России стало меньше АНТИзападной пропаганды, но не стало больше пропаганды ПРОзападной. Возможно, что прозападная пропаганда именно как пропаганда (т.е. инструмент воздействия на общественное мнение) неэффективна в России. В «идеологических посланиях» из Европы преобладает либеральный политический контекст, который рядовой россиянин зачастую воспринимает в логике «двойных стандартов» по отношению к России¹. В то же время гораздо более перспективным представляется европейское просвещение в отношении европейских стандартов качества жизни. Европа должна быть в первую очередь примером целеполагания и целеустремленности в достижении современных стандартов качества в промышленности, в образовании, в науке.

Однако в конечном итоге вопрос готовности населения РФ к восприятию европейской идеи развития теснейшим образом связан с вопросом российской самоидентификации.

«**Виктор Мироненко (Viktor Mironenko), Россия, главный редактор журнала «Современная Европа»:** «Россия одновременно является и не является тем, что с известными натяжками может быть названо «европейской цивилизацией». В такой ситуации первостепенное значение имеет, на наш взгляд, самоидентификация россиян. Они же — от Калининграда и Санкт-Петербурга до Владивостока — с известными нюансами все-таки считают себя скорее европейцами, чем азиатами».

И первый показатель в этом вопросе — ценностно-культурное самоопределение россиян.

В проводимых ФОМом опросах общественного мнения в том числе затрагивался и вопрос о том, **как различаются культура и ценности европейцев и россиян**². Как показали результаты исследования, для жителей России характерно устойчивое представление об «особости» российской национальной ментальности, ее несхожести с западной (**Диаграмма 26**). Подавляющее большинство жителей России полагают, что ценности и культура европейцев и россиян различны, причем более 60% считают это различие весьма значительным.

В то же время, как анализировалось в Главе 2 настоящего доклада, более 60% российских экспертов, участвующих в исследовании, полагают, что Россия является частью европейской цивилизации именно по культурным реалиям.

¹ Так, с точки зрения россиян, ярким примером двойных стандартов европейской политики является признание независимости Косово и отказ в признании Абхазии и Южной Осетии

² Формулировка вопроса в исследовании: «Если сравнивать жителей Западной Европы и россиян, то как вы считаете, культура и ценности европейцев и россиян различаются значительно, незначительно или не различаются совсем?»

Диаграмма 26

«Владимир Осаковский (Vladimir Osakovsky), Россия, глава департамента стратегии и исследований в UniCredit Bank: «Российский народ, по моему, больше тяготеет к западной цивилизации, основой которой является европейская цивилизация... отрицать европейское влияние на развитие российской культуры очень сложно».

«Руслан Гринберг (Ruslan Grinberg), Россия, член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН: «Мы все принадлежим к иудео-христианской цивилизации, все вышли оттуда. И наши представления о том,

что такое хорошо и что такое плохо, примерно одинаковые. Это имеет глубокие религиозные корни».

«Олег Неменский (Oleg Nemensky), Россия, научный сотрудник Института славяноведения РАН: «Если критерий «культурных реалий» воспринимать исторически, а не по отношению к быстро меняющимся реалиям общественного мнения, то Россия, несомненно, была и остается частью восточноевропейской цивилизации».

Среди европейских экспертов сторонников этой точки зрения еще больше — около 70%.

В то же время в российском экспертном сообществе существует понимание «особого характера» российской идентичности, что делает ее определение в рамках современной европейской цивилизации достаточно проблематичным.

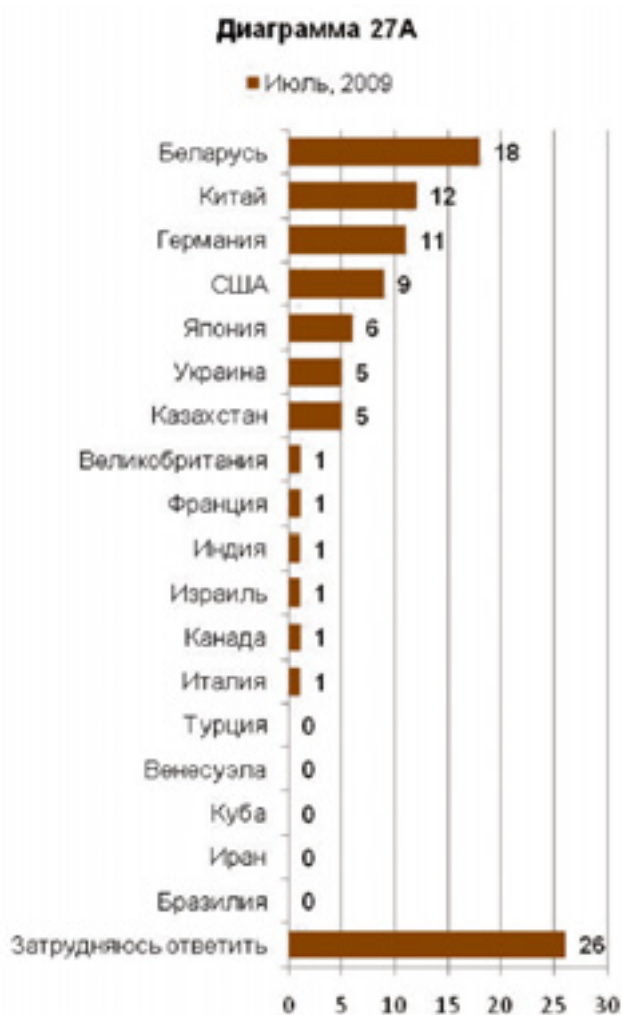
«Сергей Пахомов (Sergei Pakhomov), Россия, председатель Комитета государственных заимствований г. Москвы: «Следует откровенно признать, что Россия как в силу географии лишь «отчасти» является частью Европы, так и в силу культурного наследия, идеологических, религиозных и культурных реалий не может быть однозначно отнесена к европейской цивилизации».

«Илья Юданов (Ilya Yudanov), Россия, старший научный сотрудник Института катализа им. Г.К. Борескова, Сибирское отделение Российской академии наук (СО РАН): «Между Россией и Европой, конечно же, существует большая культурная близость, чем между Европой и Китаем, например. Тем не менее Россию все же следует рассматривать как отдельную ветвь мировой цивилизации».

Разрыв в степени «европейскости» элит и населения в России, как мы уже говорили, существовал всегда. Вопрос состоит в том, продвигаемся ли мы по пути сокращения этого разрыва и насколько быстро.

«Скажи мне, кто твой друг...»

Одним из вопросов, который задавался респондентам в ходе исследований, был следующий: «Какая из перечисленных стран является для России самым нужным, самым ценным партнером? С какой из них нашей стране особенно важно поддерживать тесные, хорошие отношения?»

Полученные данные 2009 (Диаграмма 27А) и 2010 (Диаграмма 27Б) гг. свидетельствуют о наличии вполне определенной динамики в общественном сознании россиян по этому вопросу.

Как мы видим, и сейчас, и год назад первые места в этом рейтинге заняли **Германия, Беларусь, США и Китай**. Но за прошедший год произошла смена конфигурации лидеров.

В 2009 г. — это с отрывом Беларусь, потом группа — Китай, Германия, США.

Главным отличием 2010 г. является то, что Беларусь потеряла свое лидерство, уступив его Германии.

Беларусь потеряла часть сторонников партнерства России с этой страной, а США и Китай уравнивали свои шансы на статус приоритетного партнера в глазах российского населения.

Таким образом, ожидания населения отчасти коррелируют с трендом мнений экспертного сообщества, подчеркивающего важность стратегического партнерства России и Германии.

Но в целом сопоставление результатов исследования мнений экспертного сообщества и населения оказалось несколько неожиданным.

Безусловно, эксперты мыслят более содержательно, в более широком контексте и дают качественно разнообразную палитру утверждений. Население дает интуитивные и в то же время более свободные, «незашоренные» ответы. Важно отметить, что за прошедшие годы возросло число людей, затрудняющихся ответить на поставленные в исследовании вопросы относительно вектора дальнейшего развития России. Это может быть связано с уменьшением целевой пропаганды — соответственно, полученные оценочные тренды отражают достаточно устойчивую картину общественных представлений.

Население оказывается, с одной стороны, более открытым к западному миру, чем экспертное сообщество: большинство респондентов не отрицают необходимости укрепления

отношений с НАТО; высок процент считающих, что Россия должна стремиться в Евросоюз; также большинство считают, что членство в Евросоюзе выгодно; наконец, сократилось число россиян, уверенных в антироссийских настроениях на Западе. Для экспертов больше характерен нигилизм в отношении интеграции с Евросоюзом, не говоря уже о НАТО.

С другой стороны, налицо серьезное внутренне противоречие в восприятии европейской идеи в России. Значительная часть россиян (45%) хочет в Евросоюз (против менее 30%). В то же время подавляющее большинство (свыше 80%) говорят, что россияне отличаются от европейцев по ценностям и культуре, а 61% респондентов полагают, что эти отличия весьма значительны. Таким образом, «пересечение» этих групп свидетельствует о том, что большая доля населения стремится войти в Европу, оставаясь в то же время «неевропейцами» по культурному самоопределению.

Однако западное экспертное сообщество, похоже, понимает ситуацию прекрасно. Недаром эксперты подчеркивают необходимость для России лишиться многих амбиций и отказаться от целого ряда установок, в том числе и от своей национальной идентичности, чтобы влиться в европейский мир.

«**Пьер-Шарль Прадье (Pierre-Charles Pradier), Франция, младший вице-президент университета Пантеон-Сорбонна, президент Ассоциации деканов факультетов экономики и управления:** «ЕС не является лидером. ЕС принимает руководство на себя тогда, когда оно не затрагивает его собственных философских принципов и политических интересов. Философские воззрения США и ЕС вполне совместимы (разумеется, с некоторыми расхождениями, но наши ценности уходят корнями в XVIII в. — век Просвещения); бэкграунд России в этом вопросе остается неясным. Не только потому, что НАТО является пережитком холодной войны и антироссийским заговором... НАТО было создано для противостояния обезличенному сталинскому Советскому Союзу того времени¹. Теперь Россия должна понимать, что демонстрация политической воли, а также своей собственной политической мысли и культуры у ворот Европы — лучший способ оказаться в безвыходном положении. Потому что это означает лидера (то, чего мы не хотим), готового платить соответствующую цену (то, чего мы не хотим), который может вмешиваться в европейские принципы (то, чего мы не хотим) и интересы (то, чего мы не хотим). Единственным выходом для России должен стать отказ от своей национальной идентичности, исторических особенностей и политической воли... Что-то русские не хотят делать этого и пеняют на «антироссийский предрассудок», в то время как это единственное рациональное проявление благоразумия для подростка, с которым хочет поиграть взрослый мальчик (будь он русский, китаец или любой другой)».

Парадокс усиливается еще одним «расколом». Если абсолютное большинство населения говорит, что россияне в цивилизационном плане — «неевропейцы», то среди российских интеллектуальных элит, наоборот, абсолютное большинство определяет российскую культуру как неотъемлемую часть европейской. Если же говорить о европейских экспертах, у них еще более «еврооптимистичный» взгляд на Россию как на состоявшуюся и немаловажную часть Европы, и в первую очередь именно по культурным параметрам.

И, наконец, третье. У россиян за последний год поменялись взгляды на приоритеты партнерства для России с другими странами. Это не Беларусь, а Германия, лидер Евросоюза. При этом другие европейские государства — Франция, Великобритания, Италия — остаются пока в аутсайдерах.

Обобщая вышесказанное, можно выдвинуть гипотезу о том, что для населения России стала характерна «взрослая» позиция по отношению к окружающим внешнеполитическим реалиям. Сознывая и подчеркивая ценностно-культурную уникальность России, ее жители не хотят ПРИсоединяться к «чужим» союзам на второстепенных ролях, они хотят равно-

¹ «В настоящее время не существует никаких представляющих опасность врагов, а Буши, отец и сын, пытались создать «вражеское марионеточное государство» из Ирака, а затем из Ирана»

значного партнерства и потому выбирают партнеров, во-первых, сильных, а во-вторых, идущих им навстречу.

Можно ли думать, что российское общественное сознание (включая и сознание элиты) созрело настолько, чтобы и вправду говорить о партнерстве, о едином культурном бизнес-пространстве? Или правы те, кто считает, что Россия еще не преодолела своего «инфантильного высокомерия»?

«Геннадий Кононенко (Gennady Kononenko), Россия, заместитель главы Московского представительства южнокорейской компании SoBig Co.LTD: «В начале 1990-х гг. в экономической науке появилось новое понятие «российская экономическая модель». К сожалению, что это означает, не может объяснить ни один ученый: экономика нашей страны еще слишком молода. Она похожа на маленького ребенка, который попал на цветочное поле и, еще не понимая, что цветы рвать и ломать нельзя, беззаботно (особо не задумываясь о последствиях) прыгает по ним, нередко ломая то, что уже никогда не получится возродить. Хочу привести в качестве примера беседу между российскими студентами и преподавателем-немцем, которая состоялась в 2003 г. в Дальневосточном государственном университете. Преподаватель спросил: «Почему в России нет отдельных контейнеров для органического и неорганического мусора, ведь это так вредит экологии вашей страны?» Ответ студентов поставил преподавателя в тупик, он был таков: «Ну, у нас же очень большая территория, места пока хватает». Т.е. мы осознаем, что делаем неправильно, но отношение к собственной стране, а как следствие — и к окружающим нас соседям все еще остается высокомерным. На мой взгляд, это и заставляет многие государства с опаской относиться к отождествлению России с какой-либо нероссийской экономической или культурной системой в полной мере».

До сих пор российские «западники» (либералы, демократы, социалисты и т.д.) выбирали малоэффективные пути реализации европейского проекта в России. Они пытались вести народ к западной модели, не задаваясь вопросом, как определяет себя народ. Европейская партия может быть политически сильной в России, если изначально встанет на «неполитический» — культурологический — путь. На флаг надо выносить не политическую программу, не вопрос присоединения к ЕС. Европейские цели для России, как уже говорилось выше, — это европейские стандарты жизни, образования, социальной защиты, европейский уровень качества и производственной культуры. Пропаганда европейских ценностей может стать более мощной политической платформой, чем «демократия» или «либерализм» без ценностей.

Под действием мирового кризиса и под действием кризиса СНГ в российском народе происходит переосмысление политической географии. Если еще вчера россияне главным союзником видели Беларусь, сегодня в качестве главного союзника для россиян выступает Германия. «Народная география» (симпатии или антипатии к разным странам и народам) рано или поздно реализуется в геополитике. На первый взгляд прогерманские симпатии народов России могут показаться удивительными, ведь наши страны были противниками в двух мировых войнах. Но углубленные исследования показывают, что эти симпатии имеют прочный фундамент. Русские с большим уважением относятся к немцам, указывая на их трудолюбие, дисциплинированность, организованность, на *ordnung*, которого так не хватает в России. Русские высоко оценивают государственную модель ФРГ, видя в ней сочетание демократии и порядка. К этому надо добавить безупречный имидж германской промышленности в России, о которой судят по конкретным проектам и по качеству немецкой продукции. Идеализированный образ Германии в России будет иметь политические последствия. Союз России с Германией приобретает для российских политиков новой волны дополнительный аргумент. Таким образом, в России появляется фундаментальный политический мотив сближения с Германией и ЕС. Сегодня европейская идея набирает силу в России как идея дружбы прежде всего с Германией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ПРОГРЕСС ИЛИ РЕГРЕСС? ПОГРАНИЧНОЕ СОСТОЯНИЕ ЕВРОПЫ

«Кризис» — сущностно европейское понятие, корнями уходящее в античную цивилизацию. Древнегреческое значение этого слова — «поворотный пункт, суд, момент решения» — дополнилось со временем пониманием кризиса как перелома, при котором неадекватность средств достижения целей рождает непредсказуемые проблемы. Кризисы могут иметь разную природу, касаться разных сторон человеческого бытия, но всегда есть общее: либо причиной, либо следствием кризисов (касаются ли они отдельного человека или общества в целом) становятся «пограничные состояния». Данный термин давно используется в философии, социологии, антропологии, медицине и иных дисциплинах. «Пограничное состояние» — это состояние «между»: между болезнью и здоровьем, между юностью и зрелостью, между углублением социальных противоречий и рождением новых возможностей, между сужением границ бытия и расширением этих пределов.

Коллективная экспертиза участников глобального мышления фиксирует сегодня как раз такое «пограничное состояние», переживаемое объединенной Европой. Происходящие там процессы, подобно лакмусовой бумаге, проявляют все системные проблемы, которые обострил мировой кризис, заставляют критически пересматривать все основы современного мироустройства по «западному образцу», которые ранее казались незыблемыми, тестируют возможные идеи и решения в актуальных для всего мира вопросах:

- конкурентоспособности;
- безопасности;
- суверенитета;
- интеграции;
- базовых ценностей и многих других.

На взгляд мирового экспертного сообщества, объединенная Европа в ходе мирового кризиса сильно потеряла в своих позициях — прежде всего экономических и политических, но сумела сохранить главное — свой «цивилизационный потенциал», базирующийся на прочном фундаменте культурных традиций и способностей к передовым инновациям. Это внушает оптимизм, т.к. означает, что актуальные ответы могут быть найдены. Ведь от того, как будет дальше развиваться ситуация в Европе, зависит глобальный расклад сил в посткризисном мире и будущее очень многих стран.

Главный вопрос, на который еще предстоит найти ответ, — это сама стратегия дальнейшего развития Европы. Она еще не определена, но уже заметны главные тренды, формирующиеся в дискуссии интеллектуалов всего мира — интеллектуалов, обеспокоенных будущим Европы.

1. Перезагрузка европейского проекта

В настоящее время мировые интеллектуальные элиты строят свои прогнозы, исходя из трех возможных сценариев развития событий в Евросоюзе.

Первый сценарий — консервация, сохранение статус-кво. Избегание радикальных шагов может минимизировать риски в краткосрочной перспективе, но если инерционный сценарий приобретет затяжной характер, то, по всей видимости, он приведет к стагнации и дальнейшей уступке позиций в мировой экономической гонке. Ведь противоречия и проблемы носят системный характер и сами по себе не «рассосутся». В этом случае дальнейшая интеграция Европы будет невозможна — и победят евроскептики.

Второй сценарий — раскол. В ЕС, который сохранится в своих нынешних границах, будет усиливаться тренд «разноскоростного движения» стран — соответственно, будут нарастать центробежные тенденции, что приведет в итоге к выделению из ЕС ядра сильных или, напротив, слабых экономик и запустит новые процессы интеграции на других основаниях.

Третий сценарий — консолидация и дальнейшая интеграция ЕС. Это, очевидно, предполагает ужесточение контроля бюджетной дисциплины стран-участниц, усиление наднациональных институтов (в том числе создание в перспективе европравительства) — и дальнейшие испытания суверенитету входящих в ЕС государств. Первый шаг в этом направлении сделан: Евросоюз приступил к созданию наднациональной системы по контролю финансовых рынков, которая начнет работу с 2011 г.

Большинство экспертов продолжают верить в жизнеспособность европейского проекта. Однако ход мирового кризиса выявил ограниченность ресурсов прежней модели европейского единства:

- необходимость большей координации экономической политики стран еврозоны натывается на соблюдение норм национального суверенитета европейских государств;
- необходимость волевых, быстрых и непопулярных действий правительств натывается на обязательность демократических процедур;
- необходимость радикального повышения мировой конкурентоспособности европейских экономик натывается на невозможность отказаться от достижений Welfare State, от высоких стандартов жизни и больших социальных расходов.

Дальнейшая интеграция может пойти двумя принципиально разными путями, предполагающими разные стратегии, разные риски и, соответственно, разный исход.

Один путь подразумевает, что системные проблемы (разница в уровне развития и противоречие интересов стран — членов ЕС, падение конкурентоспособности, демографический кризис, слабая адаптация мигрантов и т.п.) будут решаться в рамках «замкнутой системы» — инерционной модели развития ЕС. Тогда Европа рискует получить одно из двух или даже сразу оба неизбежных следствия, к которым она пока совсем не готова. Во-первых, «Соединенные Штаты Европы», т.е. создание полноценного европейского правительства с централизованным контролем госбюджетов стран-участниц, что означает серьезнейшим образом поступиться национальными суверенитетами. Во-вторых, «европейскую автократию», позволяющую проводить непопулярные меры, когда любое несогласие жестко подавляется ради «всеобщего блага» и сохранения достигнутого уровня жизни. А это уже означает отказ от базовых принципов демократии, связанных в конечном итоге с равенством прав и свободой выбора.

Другой путь — это внешняя экспансия. Сохранить лидерские позиции без потерь и рисков невозможно. Но в рамках инерционной, «замкнутой на себе» модели потери представляются более значительными, а ресурсы — более ограниченными. Однако главным конкурентным преимуществом ЕС может стать сама «открытость» этой системы, благодаря которой новые ресурсы и возможности могут быть найдены не только внутри, но и вовне. На этом пути обретут жизнь различные проекты нового стратегического сотрудничества. Каков будет вектор и формат новых партнерств, зависит от выбора стратегии дальнейшего развития объединенной Европы.

2. Новые вызовы европейской безопасности

В 2010 г. политиками и учеными разных стран стали предлагаться далекоидущие ходы по реформированию НАТО и ОБСЕ как основных гарантов европейской безопасности и расширению «зоны безопасности» на восток. Сильны ожидания, что в блоке произойдет перераспределение влияния, и в первую очередь это касается роли США, которые по факту также обеспечивают европейскую безопасность, будучи лидерами Североатлантического альянса. Кризис обострил и эту проблему: долги и дефициты бюджета у всех участников процесса — и у ЕС, и у США — но подходы к тому, сколько выделять из этих проблемных бюджетов на оборону, разные. А если учесть, что многие эксперты не исключают переориентацию блока на политические, невоенные методы обеспечения безопасности и даже его роспуск, то исход, при котором оборона Европы ляжет на плечи самой Европы, представляется вполне вероятным.

Другой повод задуматься о реформировании структур европейской безопасности состоит в том, что НАТО и ОБСЕ были созданы в период холодной войны и ориентированы на вызовы прошедшей эпохи. Новые вызовы безопасности Европы носят, как правило, невоенный характер: терроризм, информационные войны, экология, энергетическая безопасность и т.д. Кроме того, новые вызовы имеют глобальный характер, в то время как и ОБСЕ, и НАТО до сих пор позиционируются как «субрегиональные системы».

В этой связи важнейшим фактором обеспечения европейской безопасности становятся взаимоотношения НАТО и России. При всей привлекательности этого сценария в глазах многих экспертов, Россия не сможет в настоящее время войти в альянс — это чревато пагубными последствиями для обеих сторон, — но очевидно, что Россия должна стать военно-политическим союзником НАТО. Не обойтись без тесного партнерства и с другими ключевыми государствами Пост-СССР: Казахстаном, Украиной, Беларусью. Вопрос состоит в готовности наших элит создавать общую систему евразийской безопасности по линии «НАТО — ОДКБ». Если данный вопрос не получит продвижения на Саммите ОБСЕ — 2010 в Астане, шанс может быть упущен.

Но главный вызов безопасности Европы заключается, как оказалось, вовсе не в способности противостоять военной экспансии или террористическим атакам. Главная угроза — это потеря Европой конкурентоспособности в глобальной экономике. Может ли здесь помочь военная мощь НАТО? Поэтому приоритетным способом обеспечения безопасности регионов и отдельных стран в XXI в. становится международная экономическая интеграция.

3. Расширяя пределы

В ходе мирового экономического кризиса началось глобальное перераспределение сил, и место Европы в формирующемся многополярном мире XXI в. еще не определено. Для европейских элит звучит сигнал тревоги: Европа начинает шаг за шагом уступать в мировой экономической конкуренции новым центрам силы. Европа стоит перед необходимостью резкого увеличения конкурентоспособности объединенной экономики ЕС и нуждается во включении новых факторов развития. У азиатских государств конкурентное преимущество — дешевый труд. У России и Ближнего Востока — углеводороды. У США — мировая валюта и самый высокий уровень диверсификации экономики. Какие новейшие конкурентные преимущества позволят Европе побеждать в мировой гонке?

Внутренние ресурсы для повышения конкурентоспособности Европы ограничены, особенно учитывая предполагаемые вложения в инфраструктурные проекты «рузвельтовского типа», которые сейчас рассматриваются Европарламентом. Такие крупные инвестиции, несомненно, решат ряд тактических проблем (прежде всего создание новых рабочих мест) и помогут в перспективе снизить различия в уровне развития стран — членов ЕС, но они не решают вопроса о преимуществах экономики объединенной Европы на глобальном уровне. А дальнейшие изменения в глобальном балансе сил могут привести к попаданию ЕС в зависимость от других центров силы — США или Китая.

Европа оказывается перед необходимостью вынужденной экспансии на мировых рынках, в мировой культуре и геополитике. Это риски, сопряженные с гигантскими затратами и геополитическими сдвигами, но альтернатива превращения в периферию современного мира для Европы еще рискованней. Внешний мир также подталкивает к этому решению. Характерный пример: пока готовился настоящий доклад, Турция провела референдум, благодаря которому сняты формальные препятствия на пути вхождения этой страны в ЕС (реформой конституции ограничена роль военных, расширены полномочия парламента и т.п.).

С точки зрения кардинальных решений наибольший интерес представляет восточный вектор развития ЕС. Однако этот вектор упирается в Россию и другие страны Пост-СССР. Показательно, что Россия сегодня стоит перед теми же проблемами (необходимость резко увеличить свою конкурентоспособность) и теми же рисками (попасть в зависимость к другим мировым игрокам). Быстрым путем взаимного усиления могла бы стать экономическая

интеграция Европы и постсоветского пространства. Преимущества этого пути для Европы очевидны: новые рынки сбыта, сырьевые ресурсы на льготных условиях, высококвалифицированные кадры вместо мигрантов из Африки и Азии, инфраструктура для транзита ЕС — АТЭС. Экспансия на восток решает проблему конкурентоспособности ЕС без жертвования базовыми принципами Европы (демократия, суверенитет, права человека). При этом формируются и условия для союза «гигантов» — ЕС, РФ и КНР — условия, предоставляющие Европе больший геополитический маневр, нежели в прямом двойственном союзе только с Китаем.

Но очевидны и ограничения этого пути: ни Россия, ни другие крупнейшие страны постсоветского пространства (Украина, Беларусь, Казахстан) в ближайшее время (а может быть, и в принципе) не могут быть интегрированы путем присоединения к ЕС и включения в зону евро. И сами эти страны не готовы, и явно не готов ЕС: столь крупные «поступления» просто разорвут конструкцию, которая и так уже «трещит по швам».

Тогда перспективными представляются другие форматы интеграции и сотрудничества по линии «Запад — Восток». И здесь следует поспешить, т.к. пространство бывшего СССР уже в ближайшие годы станет полем жесточайшей конкуренции между основными мировыми игроками. Стремительно набирает силу ШОС, втягивая в орбиту своего влияния все больше стран евразийского континента. На самом постсоветском пространстве также идут процессы реинтеграции — начал действовать Таможенный союз России, Беларуси и Казахстана, создается зона свободной торговли стран СНГ с включением Украины.

В этом ракурсе предложения Германии (в представлении мирового экспертного сообщества, это самая заинтересованная в успехе ЕС и одновременно самая критикуемая за свою «особую» политику страна) оказываются наиболее дальновидными. Пора создавать принципиальную архитектуру партнерства России и ЕС. В первую очередь это касается создания зоны свободной торговли и, в целом, любых мер, облегчающих перемещение капиталов, товаров, услуг и людей. Учитывая, что развитие Таможенного союза предполагает дальнейшее создание ЕЭП (единого экономического пространства), одним из вариантов усиления Европы на востоке могло бы со временем стать создание зоны свободной торговли «ЕС — ЕЭП». Такой путь интеграции экономик Пост-СССР и Евросоюза создает для всех участников мощный импульс развития и стратегические преимущества в конкуренции с Китаем.

4. Преодолевая «стеклянный занавес»

«Железный занавес» между Россией и Европой был снесен при Горбачеве. С тех пор, несмотря на рост торгового оборота, к сожалению, так и не произошло подлинного сближения между ЕС и РФ. За прошедшие 20 лет возник новый — «стеклянный» занавес. Мы как бы рядом и открыты друг другу, мы можем видеть друг друга, но остаемся разными мирами, несмотря на связывающую нас «нефтегазовую пуповину». Казалось бы, нет и системных идеологических препятствий для интеграции европейской и российской экономик, ведь мы теперь не противоборствуем на мировом уровне.

Согласно данным глобальной экспертизы, главным препятствием на пути европейской модернизации России являются не права человека, «ущербная» демократия или взаимные предубеждения. Новым «стеклянным занавесом», отделяющим Россию от Европы, стала коррупция. Рука об руку с ней идут неэффективное государственное планирование и отсутствие гарантий защиты собственности и вложений. Без практической модернизации как экономики, так и самого государства РФ будет обречена в предстоящее десятилетие исполнять роль сырьевого придатка Европы или Китая.

Есть еще одна общая проблема у ЕС и РФ, о которой говорят как европейские, так и российские интеллектуальные элиты — это отсутствие стратегии развития. В глазах многих экспертов все остальные «больные вопросы» — потеря конкурентоспособности, противоречия интересов сильных и слабых стран, государственные долги и т.п. для ЕС; коррупция, неэффективность госуправления, незащищенность частной собственности и т.п. для России

— лишь следствие этой главной проблемы. Россия находится в преддверии нового политического цикла, который стартует в 2012 г., но его контуры определяются уже сегодня. Европа приступает к обсуждению бюджета ЕС на 2014–2020 гг. Значит, на определение основных векторов развития и выработку соответствующих стратегий остается год, от силы два. Таким образом, ближайший период времени становится критическим для обоих игроков с точки зрения определения в конечном итоге своего места в мировой экономической гонке.

Исторический шанс реализовать восточный вектор ЕС тем более остро актуален, что сама Россия подошла к необходимости модернизации. Модернизация России на нынешнем этапе возможна только как европейская модернизация, что буквально диктует российским элитам необходимость сближения с ЕС. Возможно, на начальном этапе мостить дорогу дальнейшей интеграции целесообразней силами отдельных стран-локомотивов. Пока явный лидер в этих процессах — Германия, но видятся и перспективы триумvirата «Германия — Россия — Франция».

«Стеклянный занавес» крепок, пока сильны питающие его общественные и политические установки. Здесь наша экспертиза выявила определенный парадокс. Население России, несмотря на бытующие стереотипы о своей «инакости» по сравнению с европейцами, в большей степени созрело к изменению политической географии. Сегодня партнерство именно с Германией представляется гражданам РФ более перспективным, чем с близкими по духу соседями-славянами или далеким по духу, но стремительно богатеющим Китаем. Зато российские элиты, хоть и не склонны придавать значения взаимным предубеждениям (в отличие от их западных коллег, полагающих, что антироссийские настроения на Западе и антизападные в России оказывают существенное влияние), гораздо более скептически относятся к возможностям своей страны экономически интегрироваться с Западом.

5. Культура против политики

Переход к многополярному миру стимулирует поиск новых моделей развития. В наступившем десятилетии будет происходить глобальный пересмотр многих постулатов в экономической теории, в военных и политических науках, в области государственного строительства и интеграции. «Революция взглядов» коснется и гуманитарной сферы, в том числе европейских ценностей. На наш взгляд, базовые европейские ценности сохранятся и в каких-то отношениях даже радикализуются, но будет обновляться их осмысление и практическое применение.

В гуманитарной сфере Европа, будучи хранительницей культурного кода западной цивилизации, снова может стать «законодателем мод». Сегодня она занята активным поиском новых идеологий и форм социальности, адекватных наступающей новой фазе мирового развития. Формирование нового культурно-цивилизационного кода на основе стремления к прогрессу воспринимается европейскими элитами как своего рода традиционная историческая миссия Европы в мировом масштабе. Но есть и ряд объективных факторов, катализирующих этот процесс:

- проблемы со слабой адаптацией мигрантов — объективная необходимость иммиграции сталкивается с объективной невозможностью в ограниченные сроки интегрировать столь большое количество людей с иными взглядами и ценностными установками;
- попытки найти баланс между необходимым сокращением бюджетных расходов и обеспечением дальнейшего роста экономики, что подразумевает в том числе и удержание планки потребления;
- попытки найти баланс между сохранением лидерских позиций в глобальной конкуренции и неготовностью при этом «платить кровью» за это лидерство, жертвовать равным доступом к благам и правам, отказываться от права на существование иных точек зрения;
- снижение инновационного статуса Европы; объективное отставание там, где раньше признавался ее безусловный авторитет — в области научных, технологических и управленческих инноваций.

Все это стимулирует европейский интеллектуальный поиск и может увенчаться прорывными идеями и стратегиями. Культура может стать ведущей силой, внедренной в практическую политику и экономические модели, что сломает тренд всех последних десятилетий.

С этой точки зрения важным фактором становится идентификация «свой — чужой» по цивилизационным основаниям. Тогда близкие европейской цивилизации в культурном, историческом и географическом плане Россия, Украина, Беларусь становятся полем не только экономической и политической, но и культурной экспансии и полигоном для выработки этих новых идей и стратегий. Более того, как показала глобальная экспертиза, в глазах Европы Россия воспринимается как европейская страна именно по культурным параметрам, в то время как по политическим она таковой не признается.

Оказывается, самым благодатным полем для экспансии становится конкретно деловая культура, а самой привлекательной «наживкой на крючок» — не формальные демократические процедуры, а европейские стандарты жизни, образования, социальной защиты, европейский уровень качества и производственной культуры. Это, на наш взгляд, урок и прямое руководство к действию политикам по обе стороны «стеклянного занавеса».

Европа нуждается в мобилизации своего инновационного капитала, в мегапроектах, которые создадут прорывы в технологиях и человеческом развитии. Россия нуждается в технологиях и стимулах для восстановления своей фундаментальной и прикладной науки. Это может стать почвой для совместного культурно-инновационного прорыва, а практическое воплощение возможно через создание сети научно-промышленных инновационных центров.

*** **

«Пограничное состояние» — состояние неустойчивое: оно предполагает дальнейшее развитие ситуации в сторону либо прогресса, либо регресса. Сегодня подобное состояние стало характерным не только для объединенной Европы — его переживают многие страны, в их числе и Россия. Оба наши субконтинента — ЕС и РФ — стоят перед выработкой дальнейшей стратегии развития. Именно сейчас наступил уникальный исторический шанс для их интеграции, тем более что это отвечает стратегическим целям и Европы, и России. Этот шанс, как и любой другой, действует лишь на коротком отрезке времени. Теперь слово за большой политикой.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список экспертов, принявших участие в исследовании

1.	АБДУЛЛИН Роберт (ABDULLIN Robert), Россия, почетный президент Международной организации кредиторов (WOC)
2.	АВЕРИН Игорь (AVERIN Igor), Украина, технический директор ТРК Люкс
3.	АЙЗЕНХАРДТ Кристоф Максимилиан (EISENHARDT Christoph Maximilian), Швейцария, президент и генеральный директор группы KVT-Koenig AG
4.	АКМА Булент (ACMA Bulent), Турция, профессор, зав. кафедрой экономики в Анатолийском университете (Anadolu University)
5.	АЛЕКСАШЕНКО Сергей (ALEKSASHENKO Sergey), Россия, директор по макроэкономическим исследованиям в Государственном университете - Высшая школа экономики (ГУ-ВШЭ)
6.	АНСАЛОНЕ Жанлука (ANSALONE Gianluca), Италия, советник Президента Итальянской республики
7.	АНТИПИН Павел (ANTIPIN Pavel), Россия, руководитель проекта в Компании развития общественных связей (КРОС)
8.	АПОКИН Александр (APOKIN Alexander), Россия, ведущий эксперт Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования
9.	АРАУЖО Фелиппе Кадематори (ARAUJO Felipe Cademartori), Бразилия, управляющий по вопросам структурированных финансов Акционерного банка Сумитомо Мицуи (Sumitomo Mitsui Banking Corporation)
10.	АСТАРИТА Клаудиа (ASTARITA Claudia), Италия, научный сотрудник университета Гонконга (University of Hong Kong); лектор в университете Болоньи (Bologna University)
11.	АТАБАЕВА Аделя (ATABAEVA Adelya), Узбекистан, финансист в Ассоциации европейского бизнеса
12.	АХАНОВ Серик (AKHANOV Serik), Казахстан, профессор, председатель совета Ассоциации финансистов Казахстана (АФК)
13.	АХМЕД Саад (AHMED Saad), Саудовская Аравия, инвестиционный менеджер международной инвестиционной компании Foras (Foras International Investment Company)
14.	БАБЧЕНКО Аркадий (BABCHENKO Arcady), Россия, военный корреспондент «Новой Газеты»
15.	БАВАРИ Шантану (BAWARI Shantanu), Индия, стажер отдела развития нового бизнеса в компании Starbucks (Китай)
16.	БАДАВИ Мустафа (BADAWY Mustafa), Колумбия, специалист в штаб-квартире Национальной службы профессиональной подготовки - SENA
17.	БАЗИЛЕ Джузеппе (BASILE Giuseppe), Швейцария/Италия, управляющий по маркетингу в области телекоммуникаций в компании Rast & Fischer
18.	БАЙАРС Мартинс (BAJARS Martins), Латвия, старший консультант по менеджменту в консалтинговой компании
19.	БАЛДЮРССОН Стейнтор (BALDURSSON Steintor), Исландия, управляющий директор Vestia Holding Ltd
20.	БАРАБАНОВ Михаил (BARABANOV Michael), Россия, главный редактор журнала Moscow Defense Brief
21.	БАРНУМ Николас (BARNUM Nicolas), США, помощник вице-президента компании McKinsey
22.	БАУМГАРТЕН Кельвин (BAUMGARTEN Calvin), США, основатель российско-немецкой международной неправительственной организации (Russian-Germans international NGO)
23.	БАУЭРС Джералд (BOWERS Gerald), Великобритания, генеральный директор Британского бизнес-клуба в Украине (British Business Club in Ukraine)
24.	БЕНАЙОН Адриано (BENAYON Adriano), Бразилия, профессор экономики в университете Бразилии (University of Brasilia); автор книги «Глобализация против развития»

25.	БЕННЕТТ Дон (BENNETT Don), США, вице-президент по бизнес развитию и стратегии компании Western Digital
26.	БЕРИЛ Степан (BERIL Stepan), Приднестровская Молдавская Республика (Молдова), ректор Приднестровского госуниверситета им. Т.Г.Шевченко
27.	БОВТ Георгий (BOVT Georgy), Россия, главный редактор журнала «Русский мир.ru»
28.	БОЖКОВСКИ Адриан (BOCZKOWSKI Adrian), Польша, аналитик по финансовым рынкам журнала «Пульс бизнеса» (Puls Biznesu)
29.	БОНФИССУТО Гаэтано (BONFISSUTO Gaetano), Italy, директор, член правления итальянского офиса ExecutiveSurf
30.	БУКЛЕМИШЕВ Олег (BUKLEMISHEV Oleg), Россия, главный аналитик компании «МК Аналитика»
31.	БУРТИН Кристоф (BURTIN Christophe), Люксембург, генеральный директор компании Strategy & Governance
32.	БУХАДАНА Ирен (BOUHADANA Irene), Франция, генеральный секретарь Института мира и развития (the World and Development Institute), доцент в Университете Пантеон-Сорбонна (Pantheon-Sorbonne University)
33.	БЮЙРЕТТ Оливье (BUIRETTE Olivier), Франция, профессор современной истории в Университете Новой Сорбонны - Париж 3 (University of the New Sorbonne Paris 3)
34.	ВАЛЕНТИНИ Серджо (VALENTINI Sergio), Италия, член научного комитета итальянского Фонда социальной ответственности бизнеса (Italian Foundation for CSR)
35.	Ван дер ТЕМПЕЛЬ Клаас (Van der TEMPEL Klaas), Нидерланды, старший научный сотрудник в Нидерландском институте международных отношений Клингденейл (Netherlands Institute of International Relations Clingendael)
36.	ВИДМЕР Марко (WIDMER Marco), Швейцария, консультант в пяти ведущих частных банках Швейцарии
37.	ВИННИЦКИЙ Михайло (WYNNYCKYJ Mychailo), Украина, доцент Национального университета «Киево-Могилянская академия» (НаУКМА)
38.	ВИТАНЖЕЛИ Джорджо (VITANGELI Giorgio), Италия, директор журнала La Finanza
39.	ВЫДРИН Дмитрий (VYDRIN Dmytro), Украина, заместитель секретаря Совета национальной безопасности и обороны (СНБО) Украины
40.	ВЫШЛИНСКИЙ Глеб (VYSHLINSKY Gleb), Украина, заместитель директора Центра перспективных исследований (GfK Ukraine)
41.	ГАЗАРЯН Арташес (GAZARYAN Artashes), Литва, основатель Школы демократии и управления (School of Democracy and Administration)
42.	ГАЗИЗУЛИН Ильдар (GAZIZULIN Ildar), Украина, старший экономист Международного центра перспективных исследований (МЦПИ)
43.	ГАЛУШКА Андрей (HALUSHKA Andrij), Великобритания, главный аналитик корпоративного и инвестиционного банка Credit Agricole (Credit Agricole CIB - Corporate & Investment Bank)
44.	ГАНЕМ Сирил (GHANEM Cyril), Франция, независимый экономист
45.	ГАПОНЕНКО Александр (GAPONENKO Alexander), Латвия, директор Института европейских исследований (Institute of European Studies)
46.	ГАСАНОВ Вадим (GASANOV Vadim), Россия, консультант по документальному кинопроизводству на телеканале «Россия-2»
47.	ГЕЕЦ Валерий (HEYETS Valeriy), Украина, академик Национальной академии наук (НАН) Украины, директор Института экономики НАН Украины
48.	ГЕОРГИАДИ Вадим (GEORGIADI Vadim), Армения, директор компании Zenteq.am (Армения), вице-президент компании RenderX (США)
49.	ГЕРМАНТ Саймон (HERMANT Simon), Канада, директор по развитию компании Life Choices Natural

50.	ГЕРРИТС Андре (GERRITS Andre), Нидерланды, профессор, старший научный сотрудник Нидерландского института международных отношений Клингкендейл (Netherlands Institute of International Relations Clingendael)
51.	ГЕРТСЕМА Ян Дирк (GEERTSEMA Jan Dirk), Нидерланды, владелец и главный консультант Business Consulting B.V.
52.	ГО Пен (GUO Peng), Китай, директор интернет-клуба In Pen
53.	ГОЛУБОВ Анатолий (GOLUBOV Anatoly), Латвия, главный редактор портала rus.delfi.lv
54.	ГОУСКА Людек (HOUSKA Ludek), Чехия, менеджер проектов компании DHL IT Services Europe
55.	ГРИНБЕРГ Руслан (GRINBERG Ruslan), Россия, член-корреспондент Российской академии наук (РАН), директор Института экономики РАН
56.	ГРИСЮК Сергей (Grisyuk Sergei), Казахстан, председатель Правления научно-образовательного фонда «Аспандау»
57.	ГРИШИН Александр (GRISHIN Alexander), Россия, спецкор отдела политики газеты «Комсомольская правда»
58.	ГУДИ Марк (GOODE Mark), США, генеральный директор и партнер группы Пенинсула (Peninsula Group)
59.	ГУДИЧ Миленко (GUDICH Milenko), Сербия/Словения, директор Международной академии управления учителей (CEEMAN's IMTA); консультант в Институте экономики - Белград (Economics Institute Belgrade)
60.	ДАНИЛОВ Дмитрий (DANILOV Dmitry), Россия, зав. отделом европейской безопасности в Институте Европы Российской академии наук (ИЕ РАН)
61.	ДЕМЕНТЬЕВ Виктор (DEMENTYEV Victor), Россия, заведующий лабораторией в Центральном экономико-математическом институте Российской академии наук (ЦЭМИ РАН)
62.	ДЖАБИН Афифа (JABEEN Afifa), Саудовская Аравия, редактор Saudi Gazette of Okaz Organization
63.	ДЖАВАХИШВИЛИ Георгий (JAVAKHISHVILI Giorgi), Грузия, менеджер представительства компании Samsung Electronics в Грузии
64.	ДЖЕНСЕН Дональд Н. (JENSEN Donald N.), США, научный сотрудник Центра трансатлантических отношений в Школе передовых международных исследований, Университет Джона Хопкинса (Center for Transatlantic Relations, School of Advanced International Studies, Johns Hopkins University)
65.	ДМИТРИЕВ Константин (DMITRIEV Constantine), Канада, старший аналитик по вопросам политики в правительстве провинции Онтарио
66.	ДОТТОРИ Джермано (DOTTORI Germano), Италия, профессор университетов LUISS-Guido Carli, Link-Campus University
67.	ДРЕАН Филипп (DREAN Philippe), Франция, финансовый директор Бюро Веритас Абиджан (Кот-д'Ивуар), финансовый инспектор Бюро Веритас Африканского региона (Bureau Veritas)
68.	ДРОЗЖИЛОВ Алексей (DROZZHILOV Alexei), Россия, управляющий резервными фондами Центрального банка Российской Федерации (ЦБ РФ)
69.	ДУДИХИН Виктор (DUDIKHIN Victor), Россия, главный специалист акционерного общества научно-технического развития «Регион»; доцент Всероссийского заочного финансово-экономического института (ВЗФЭИ)
70.	ДЫМАРСКИЙ Виталий (DYMARSKY Vitaliy), Россия, председатель совета директоров Компании развития общественных связей (КРОС)
71.	ДЭВИДСОН Пол (DAVIDSON Paul), США, редактор «Журнала посткейнсианской экономики» (Journal of Post Keynesian Economics), профессор экономики в Центре анализа экономической политики Бернарда Шварца (Bernard Schwartz Center for Economic Policy Analysis)
72.	ЕВСТАФЬЕВ Дмитрий (EVSTAFIEV Dmitry), Россия, вице-президент Компании развития общественных связей (КРОС)
73.	ЕВСТИГНЕЕВ Владимир (EVSTIGNEEV Vladimir), Россия, доктор экономики, профессор, зав. кафедрой международных валютно-финансовых отношений факультета мировой экономики и мировой политики, Государственный университет - Высшая школа экономики (ГУ—ВШЭ)

74.	ЖИЛЬ Уильям (GILLES William), Франция, президент Института мира и развития (The World and Development Institute), доцент в Университете Пантеон-Сорбонна (Pantheon-Sorbonne University)
75.	ЗАГЛАДИН Никита (ZAGLADIN Nikita), Россия, заведующий Центром сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (ИМЭМО РАН)
76.	ЗАЙЦЕВА Евгения (ZAICEVA Evgenia), Латвия, председатель правления Латвийской корпорации бухгалтеров и экономистов
77.	ЗАМЯТИН Виктор (ZAMIATIN Viktor), Украина, независимый эксперт
78.	ЗАХАРЧЕНКОВ Игорь (ZAHARCHENKOV Igor), Россия, директор по экономической политике Центра стратегических разработок (ЦСР)
79.	ЗОНТАГ Иоахим (SONTAG Joachim), Германия, владелец Sontag Consult
80.	ЗУБОВ Михаил (ZUBOV Michael), Россия, корреспондент отдела политики газеты «Московский Комсомолец»
81.	Д-р ЗЭЙНИНДЖЕР Карл (ZAININGER Karl), США, профессор, президент консалтинговой компании Global Technology Management Partnerships
82.	ИДЛ Симон (EEDLE Simon), Великобритания, глава Islamic Bankin корпоративного и инвестиционного банка Credit Agricole (Credit Agricole CIB - Corporate & Investment Bank)
83.	ИНОЗЕМЦЕВ Владислав (INOZEMTSEV Vladislav), Россия, д. э. н., директор Центра исследований постиндустриального общества
84.	ИНОТАИ Андраш (INOTAI András), Венгрия, генеральный директор Института мировой экономики (Institute for World Economics) Венгерской академии наук (HAS)
85.	ИОНИН Леонид (IONIN Leonid), Россия, профессор Государственного университета - Высшая школа экономики (ГУ-ВШЭ)
86.	ИСАЧЕНКО Татьяна (ISACHENKO Tatiana), Россия, доцент Московского государственного института международных отношений (МГИМО - Университет)
87.	КАНДЕЛЬ Павел (KANDEL Pavel), Россия, к.и.н., зав. сектором этнополитических и межгосударственных конфликтов Института Европы Российской академии наук (ИЕ РАН)
88.	КАНИНСКАЯ Галина (KANINSKAYA Galina), Россия, д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова
89.	КАПАССО Газтано (CAPASSO Gaetano), Бельгия, трейдер на фондовых рынках, управление инвестициями
90.	КАРИМИ Захра (KARIMI Zahra), Иран, преподаватель в Университете Мазандарана (University of Mazandaran)
91.	КИВЕН Цзин (KIVEN Jin), Китай, директор транспортной компании Jia Xin
92.	КОИЗУМИ Такао (KOIZUMI Takao), Япония, президент и генеральный директор компании A.I.Medicine, LLC
93.	Д-р КОККОРИС Иоаннис (Dr. KOKKORIS Ioannis), Греция, советник по экономическим вопросам Управления по добросовестной конкуренции (OFT, Лондон)
94.	КОЛЕЛЛА Маурицио (COLELLA Maurizio), Италия, адвокат, владелец адвокатского бюро
95.	КОЛЕМАН Майкл, эсквайр (COLEMAN Michael J., Esq.), США, государственный служащий
96.	КОЛЛИНСОН Шура (COLLINSON Shura), Великобритания, редактор отдела бизнеса The St. Petersburg Times
97.	КОНОНЕНКО Геннадий (KONONENKO Gennady), Россия, заместитель главы Московского представительства южнокорейской компании SoBig Co.LTD
98.	КОСОЛАПОВ Николай (KOSOLAPOV Nikolay), Россия, профессор, зав. отделом международно-политических проблем Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (ИМЭМО РАН)

99.	КОСТА Фабио (COSTA Fabio), Бразилия/Италия, партнер рекрутинговой компании Eurojob, базирующейся в Сан Пауло (Бразилия)
100.	КРАМНИК Илья (KRAMNIK Ilya), Россия, военный обозреватель информационного агентства РИА-Новости
101.	КРУТЦИННА Даниэль (KRUTZINNA Daniel), Германия, ассоциированный партнер по развитию международного бизнеса инвестиционной компании ЮНИТЕР (UNITER)
102.	КУВАЛДИН Виктор (KUVALDIN Victor), Россия, д.и.н., зав. кафедрой в Московской школе экономики Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова (МШЭ МГУ)
103.	КУЗНЕЦОВ Алексей (KUZNETSOV Alexey), Россия, руководитель Центра европейских исследований Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (ИМЭМО РАН)
104.	КУРМАНОВ Жанат (Zhanat Kurmanov), Казахстан, член Совета директоров Казахстанского фонда гарантирования депозитов
105.	КУТЛАЙ Али Демир (KUTLAY Ali Demir), Турция, экономист в компании China Innova Group
106.	КУЧЕРЕНКО Владимир (KUCHERENKO Vladimir), Россия, эксперт Института динамического консерватизма (ИДК)
107.	КУШУ Бассем (QUSHOU Bassem), Палестина, президент Палестинского Центра дружбы и культурных обменов (PFCSE); экономист — консультант по экономике, стратегическому планированию, инструктор
108.	КЬЕЗА Джульетто (CHIESA Giulietto), Италия, общественный деятель, независимый журналист
109.	КЮТТИНГ Гюнтер (KÜTTING Günther), Германия, директор информационного центра по операциям в Европе компании Steinway & Sons
110.	ЛЕБЛОН Патрик (LEBLOND Patrick), Канада, доцент кафедры общественных и международных отношений в Университете Оттавы (University of Ottawa)
111.	ЛЕВЕ Иван (LOWE Ivan), Италия, основатель и партнер крупной инвестиционной компании в Нью Йорке
112.	МАЙОР Федерико (MAYOR Federico), Испания, президент фонда Cultura de Paz
113.	МАЛЯРОВ Олег (MALYAROV Oleg), Россия, главный научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН)
114.	МАНАСОВА Аяна (MANASSOVA Ayana), Казахстан, председатель правления Национального аналитического центра при Правительстве и Нацбанке РК
115.	МАТВИЕНКО Константин (MATVIENKO Konstantin), Украина, руководитель Корпорации стратегического консалтинга «Гардарика»
116.	МАТУК Фарид (MATUK Farid), Перу, независимый экономист
117.	МАФУД Лаура Анахи (MAFUD Laura Anahí), Аргентина, корреспондент газеты El Cronista Comercial
118.	МЕРТЕНС Олександр (MERTENS Alexander), Украина, президент Международного института бизнеса (МИБ)
119.	МЕРЦ Джемс (MERTZ James), Сербия, старший партнер в компании по стратегическому консалтингу
120.	Д-р МИКОЛАЙЧИК Рольф-Петер (Dr. MIKOLAYCZYK Rolf-Peter), США, лектор в Университете Потсдама (University of Potsdam)
121.	МИНЕЕВ Александр (MINEEV Alexander), Россия, собственный корреспондент в странах Западной Европы «Новой газеты»
122.	МИРОНЕНКО Виктор (MIRONENKO Victor), Россия, главный редактор журнал «Современная Европа»
123.	МИРОНОВ Владимир (MIRONOV Vladimir), Россия, декан философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ)
124.	МИСТИХ Михаэль (MISTIN Michael), Германия, консультант по финансовым вопросам немецких компаний, занимающихся торговыми сделками со странами СНГ
125.	МИХАЙЛОВ Евгений (MIKHAILOV Evgeny), Россия, независимый эксперт

126.	МООСА Имад (MOOSA Imad), Австралия, профессор финансов в Университете Монаш (Monash University)
127.	МОРОЗОВ Роман (MOROZOV Roman), Канада/Россия, менеджер по региональным продажам в компании Хилти Канада (Hilti Canada)
128.	МОШКОВ Максим (MOSHKOW Maksim), Россия, научный сотрудник Научно-исследовательский института системных исследований Российской академии наук (НИИСИ РАН)
129.	МУХИН Алексей (MUKHIN Alexei), Россия, генеральный директор Центра политической информации (ЦПИ)
130.	МЮЛЛЕР Скотт (MUELLER Scott), США, консультант в компании по стратегическому консалтингу
131.	МЮЛЛЕР Томас (MUELLER Thomas), Германия, партнер в международной стратегической консалтинговой компании
132.	НАНКАРРОУ Крис (NANCARROW Chris), США, экономист, юристконсульт и член совета директоров Центра для жертв нарушений прав человека (Center for Victim and Human Rights)
133.	НАУМОВА Наталья (Naumova Natalia), Россия, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ)
134.	НЕВШУПА Игорь (NEVSHUPA Igor), Украина, топ-менеджер компании «Техноторг-Агро»
135.	НЕМЕНСКИЙ Олег (NEMENSKY Oleg), Россия, научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук (ИСЛ РАН)
136.	НИКИТИНСКАЯ Екатерина (NIKITINSKAYA Catherine), Казахстан, первый заместитель председателя Национальной экономической палаты «Союз Атамекен»
137.	НИКОЛЬСКИЙ Алексей (NIKOLSKY Alexey), Россия, корреспондент газеты «Ведомости»
138.	ОКАНО-ХЕЙМАНС Майке (OKANO-HEIJMANS Maaike), Нидерланды, научный сотрудник в Нидерландском институте международных отношений Клингдендейл (Netherlands Institute of International Relations Clingendael)
139.	ОКУШКО Владимир (OKUSHKO Vladimir), Приднестровская Молдавская Республика (Молдова), проректор Приднестровского госуниверситета им. Т.Г. Шевченко
140.	ОНДРАСИК Бранислав (ONDRASIK Branislav), Словакия, директор Института массовых коммуникаций Братиславской юридической школы (Institute of Mass Media Communication, Faculty of Media, Bratislava School of Law)
141.	ОСАКОВСКИЙ Владимир (OSAKOVSKY Vladimir), Россия, глава департамента стратегии и исследований в UniCredit Bank
142.	ПАВЛОВА Ольга (PAVLOVA Olga), Дания, специалист по продажам, маркетингу и персоналу в Европейской рекрутинговой компании
143.	ПАЛАЖЧЕНКО Павел (PALAZHCENKO Pavel), Россия, руководитель службы международных связей Международного Фонда социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд)
144.	ПАНТИН Владимир (PANTIN Vladimir), Россия, заведующий отделом Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (ИМЭМО РАН)
145.	ПАНЦАНИ Саул (PANZANI Saul), Италия, юрисконсульт и менеджер по вопросам согласований с иностранными клиентами в компании UniCredit Leasing
146.	ПАРШЕВ Андрей (PARSHEV Andrey), Россия, публицист, автор книги «Почему Россия не Америка»
147.	ПАХОМОВ Сергей (PAKHOMOV Sergei), Россия, председатель Комитета государственных заимствований г. Москвы
148.	ПЕКАР Валерий (PEKAR Valerii), Украина, президент компании «Евроиндекс Лтд» (EuroIndex Ltd)
149.	ПЕНИСБУРГ Джей (PENISBURG Jay), Франция, специалист по международному бизнес-праву в международной юридической фирме
150.	ПЕТРАКОВ Николай (PETRAKOV Nikolay), Россия, академик Российской академии наук (РАН), директор Института проблем рынка РАН
151.	ПИНЕДА Микка (PINEDA Mikka D.), США, аналитик Roubini Global Economics LLC

152.	ПОСУЭЛО-МОНФОРТ Хайме (POZUELO-MONFORT Jaime), Испания, мультидисциплинарный специалист, автор книг «План Монфорта» и «Новая архитектура капитализма»
153.	ПРАДЬЕ Пьер-Шарль (PRADIER Pierre-Charles), Франция, младший вице-президент Университета Пантеон-Сорбонна (University Paris 1 Panth on-Sorbonne); президент Ассоциации деканов факультетов экономики и управления
154.	ПРАНДИ Эмилио (PRANDI Emilio), Италия, проект-менеджер в компании Stromab, независимый предприниматель
155.	ПУТИЛОВ Евгений (PUTILOV Evgeny), Украина, зам. главы правления страховой компании «Укргазпромполис»
156.	РАБЛ Блэр (RUBLE Blair A.), США, директор Института Кеннана в Центре Вудро Вильсона (Kennan Institute of Woodrow Wilson Center)
157.	РАЙМОНДИ Паоло (RAIMONDI Paolo), Италия, экономист, автор статей в итальянской ежедневной газете ItaliaOggi
158.	РАЙНЕС Сильвейн (RAYNES Sylvain), США, партнер в компании R&R Consulting
159.	РАМОС Леонардо (RAMOS Leonardo), Бразилия, профессор экономики в Католическом университете Минаса (Pontifical Catholic University of Minas Gerais)
160.	РАР Александр (RAHR Alexander), Германия, директор Центра Бертольда Бейца (Berthold Beitz Centre) в немецком Совете по международным отношениям (German Council on Foreign Relations)
161.	РАЧОК Олексий (RACHOK Olexiy), Швейцария/Украина, партнер по инвестициям крупного швейцарского банка
162.	РЕТТСТЭТТ Крис (RETTSTATT Chris), США, директор по информационным ресурсам журнала «Актуальные вопросы детского развития» (Highlights for Children)
163.	РОДЖЕРС Кейт (ROGERS Keith), Канада, доцент в Королевском университете (Queen's University)
164.	Д-р РОСС Грета (Dr. ROSS Greta), Великобритания, независимый консультант по проектам в области реформ здравоохранения
165.	Д-р РОТФЕЛД Адам Даниель (Dr. ROTFELD Adam Danie), Польша, профессор, бывший министр иностранных дел Польши
166.	Д-р РУССО Джиованни (RUSSO Giovanni), Италия, издатель, директор по продажам в издательской группе Esselibri S.p.A.
167.	РЫЖКОВ Владимир (RYZHKOV Vladimir), Россия, профессор Государственного университета - Высшая школа экономики (ГУ-ВШЭ)
168.	РЫСМУХАМЕДОВА Дана (RYSMUKHAMEDOVA Dana), Казахстан, корреспондент ТВ «31 канал»
169.	САВЧЕНКО Юрий (SAVCHENKO Yuri), Россия, заместитель директора компании «Интеринвест»
170.	САН-ПОЛЬ Жиль (SAINT-PAUL Gilles), Франция, профессор экономики в Университете социальных наук в Тулузе (University of Toulouse 1 Social Science)
171.	СВЕНССОН Андерс (SVENSSON Anders), Швеция, специалист по налогообложению в одной из международных аудиторских компаний, входящих в Большую Четверку (Big 4 in Auditing & Consulting)
172.	СЕМЕНЕНКО Ирина (SEMENENKO Irina), Россия, д.пол.н., зав. сектором Центра сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (ИМЭМО РАН)
173.	СИДДИК Шахид (SIDDIQUI Shahid), Индия, продюсер медиа-холдинга Network18 (IBN7)
174.	СИЛЬВЕСТРИ Стефано (SILVESTRI Stefano), Италия, президент Института международных отношений (International Affairs Institute)
175.	СИТНИН Алексей (SITNIN Alexey), Россия, генеральный директор «Межрегионального информационно-делового центра» Комитета межрегиональных связей и национальной политики г. Москвы (ГУ «МИЦ»)
176.	СКОЗАФАВА Фрэнк (SCOZZAFAVA Frank), США, вице-президент по рекламе и маркетингу в компании Jobdiva Inc.

177.	СОЛОМАТИН Петр (SOLOMATIN Petr), США, партнер немецкой консалтинговой компании, консультант в области логистики
178.	СОРНЕТТЕ Дидье (SORNETTE Didier), Швейцария, специалист по вопросам предпринимательских рисков, профессор в Швейцарской высшей технической школе Цюриха (Swiss Federal Institute of Technology Zurich)
179.	СТОУНЕР Марк (STONER Mark), США, региональный вице-президент ипотечной компании Milestone Mortgage
180.	СТУКАЛИН Александр (STUKALIN Alexander), Россия, зам. главного редактора газеты «Коммерсантъ»
181.	СУ Сапа (HSU Sara), США, основатель и ведущая аналитического портала Economicsofcrisis.com
182.	СУЗУКИ Хидео (SUZUKI Hideo), Япония, руководитель департамента по планированию рисков в компании ai Risk Consultations
183.	СУЛЕЙМЕНОВА Гулимжан (SULEIMENOVA Gulimzhan), Казахстан, директор Института модернизации государственного управления, Академия государственного управления при Президенте РК
184.	ТАЙАР Виолетта (TAYAR Violetta), Россия, к.э.н., старший научный сотрудник Центра иберийских исследований Института Латинской Америки Российской академии наук (ИЛА РАН)
185.	ТАМ Сусан (TAM Susan), Малайзия, главный специалист по вопросам корпоративной социальной ответственности в компании мобильной связи Telecommunications Sdn Bhd
186.	ТЕМНИКОВА Ксения (TEMNIKOVA Ksenia), Россия, зам. генерального директора Международного инновационного центра, главный редактор журналов «Проектное финансирование» и «Деловой английский язык»
187.	ТЕРЕХОВ Алексей (TEREKHOV Alexei), Россия, вице-президент и партнер в аудиторской и консалтинговой компании «ФБК»
188.	ТЕТЮХИН Сергей (TETYUKHIN Sergei), Россия, ведущий эксперт отдела бизнес-анализа в компании ФОРС - Банковские Системы (ФОРС-БС)
189.	ТРАМОН Франсуа-Ксавье (TRAMOND François-Xavier), Франция, директор Агентства Lizarine, преподаватель в Sciences-Po Paris
190.	ТРОФИМЕНКО Сергей (TROFIMENKO Sergei), Россия, партнер в коммуникационной группе «Пойнт Пассат»
191.	УРБАН Вальтраут (URBAN Waltraut), Австрия, профессор экономики, Венский институт международных экономических исследований (Vienna Institute for International Economic Studies)
192.	ФАДЕЕВА Любовь (FADEEVA Liubov), Россия, д.и.н., профессор, зав. кафедрой политических наук Пермского государственного университета
193.	ФЕДОРОВ Валерий (FEDOROV Valery), Россия, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ)
194.	ФИЛИППОВИЧ Наталья (PHILIPPOVICH Natalia), Россия, научный сотрудник Отдела европейской безопасности Института Европы Российской академии наук (ИЕ РАН)
195.	ФОЛЛОНИ Жан-Гвидо (FOLLONI Gian Guido), Италия, президент Итальянского института Азии и Средиземноморья (Italian Institute for Asia and Mediterranean)
196.	Д-р ФОНС Джером (Dr. FONS Jerome S.), США, исполнительный вице-президент рейтингового агентства Kroll Bond Ratings
197.	ФОУРАТИ Фахри (FOURATI Fakhri), Тунис, генеральный директор компании TEXIT
198.	ФОФАНОВ Василий (FOFANOV Basil), Франция, независимый журналист
199.	ФРЕЙКСА Омер Нахум (FREIXA Omer Nahum), Аргентина, преподаватель в Университете Буэнос-Айреса (University of Buenos Aires); консультант правительства города Буэнос-Айрес
200.	ХАМИД А. Хузайме Абдул (HAMID A. Huzaim Abdul), Малайзия, экономист, независимый исследователь
201.	ХАН Мин Чун (HAN Min Chung), Республика Корея, журналист в газете The Financial News
202.	ХАРАТЬЯН Кирилл (HARATIAN Kirill), Россия, главный редактор газеты «Ведомости»

203.	ХАРДУВЕЛИС Жикас (HARDOUVELIS Gikas A.), Греция, главный экономист, руководитель экономических исследований в Eurobank EFG
204.	ХАСЕ Фелипе (HAASE Felipe), Чили, генеральный директор компании Alisur S.A.
205.	ХАФЛИК Перер (HAVLIK Peter), Австрия, зам. директора Венского института международных экономических исследований (Viennese Institute of the International Economic Researches)
206.	ХАЧАТРЯН Арутюн (KHACHATRIAN Haroutiun), Армения, главный редактор Информационного центра Ноян Тапан
207.	ХАШИМОТО Том (HASHIMOTO Tom), Албания/Япония, специалист в области политических наук и международных отношений в университете Нью-Йорка в Тиране (University of New York in Tirana)
208.	ХОРОС Владимир (KHOROS Vladimir), Россия, д.и.н., руководитель Центра проблем развития и модернизации Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (ИМЭМО РАН)
209.	ЧЕРЕПАНОВ Андрей (CHEREPANOV Andrey), Россия, директор некоммерческого учреждения разработки и реализации эффективных реформ «Проект национального развития»
210.	ЧЕРКАС Михаил (CHERKAS Mikhail), Швейцария/Россия, директор швейцарской консалтинговой компании Microfinance strategy SARL
211.	ЧЕРНЫШОВ Алексей (CHERNYSHOV Alexei), Россия, акционер Группы компаний ЧЕРУС
212.	ЧУКСИН Николай (CHUKSIN Nikolai), Россия, экономист, писатель, публицист
213.	ШАДРИНА Елена (SHADRINA Elena), Япония/Россия, научный сотрудник в Университете Ниигаты (Niigata University)
214.	ШАПРАН Виталий (SHAPRAN Vitaliy), Украина, заместитель директора, главный финансовый аналитик рейтингового агентства «Эксперт-Рейтинг»
215.	ШАРАПОВАС Тадас (SARAPOVAS Tadas), Литва, доктор экономики, руководитель международного отдела в Университете управления и экономики (ISM University of Management and Economics)
216.	ШАТРОВ Игорь (SHATROV Igor), Россия, президент Международной неправительственной организации «Ливадийский клуб» (НП «Ливадийский клуб»)
217.	ШАШКО Александр (SHASHKO Alexander), Беларусь, преподаватель экономического факультета Белорусского государственного университета (БГУ), председатель совета молодых ученых
218.	ШЛЕНСКИЙ Александр (SHLENSKI Alexander), США, бизнес-аналитик в компании Consona ERP
219.	ШНЫРКОВ Александр (SHNYRKOV Oleksandr), Украина, д.э.н., профессор, заместитель директора Института международных отношений Киевского национального университета (КНУ) им. Тараса Шевченко
220.	ЭЛЛИС Майкл (ELLIS Michael), США, основатель и вице-президент транспортной компании Trucking Co
221.	ЭНГЕЛЬГАРДТ Георгий (ENGELHARDT George), Россия, научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук (ИСл РАН)
222.	ЭТЕРМАН Александр (ETERMAN Alexander), Израиль, экономист, независимый аналитик
223.	ЮДАНОВ Илья (YUDANOV Ilya), Россия, старший научный сотрудник Института катализа им. Борескова Сибирского отделения Российской академии наук (СО РАН)
224.	ЮРЬЁНСУУРИ Микко (YRJÖNSUURI Mikko), Финляндия, руководитель отдела общественных наук и философии в Университете Ювяскюля (University of Jyväskylä)
225.	Д-р ЯМАГУЧИ Ёшитаки (Dr. YAMAGUCHI Yoshitake), Япония, топ-менеджер в компании Government & Industry Relations Group, External Relations Division, TOSHIBA Co.

Примечание: 20 участников исследования просили не упоминать их имени в списке экспертов при публикации результатов исследования.

Мы приветствуем любые замечания, комментарии и критику.
Мы заинтересованы в любых предложениях, наблюдениях, наработках.
Мы ищем любую новую информацию по заданной теме.
Мы обещаем делиться с сообществом всей полученной информацией.

www.postcrisisworld.org
info@postcrisisworld.org

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЕВРОПЫ

Конкуренция. Безопасность. Экспансия